

Проблески памяти

Роман в двух частях.

С прологом, антрактом и эпилогом.

Пролог.

«Если бог захочет наказать, то отнимет прежде разум», - говорит городничий в «Ревизоре», и многие говорили примерно то же задолго до него. И все-таки я осмелюсь не то чтобы возразить вековой мудрости, а просто уточнить - есть исключения из этого правила. Бывает – и не так уж редко – что лишиться разума не наказание, а благодеяние. Особенно это касается старости, глубокой старости, когда ты утрачиваешь все, что делало тебя человеком – желания, моральные и физические возможности, когда становишься внешне и внутренне похожим на свою собственную карикатуру. Кроме новых болячек и отказов очередных частей организма уже ничего в перспективе. Зато не исчезает ни днем, ни ночью непрерывное, хоть и загнанное глубоко вовнутрь, ожидание кончины. И опасение, что она будет еще мучительней и страшней, чем сегодняшнее не слишком лучезарное существование. Разве не лучше в какой-то период лишиться разума и смотреть на окружающую действительность с блаженной улыбкой идиота?

Согласитесь трудно в таком состоянии наслаждаться жизнью, хотя многие в этом себя и окружающих убеждают. Впрочем, это наслаждение не жизнью, а скорее всего лишь самим фактом её продолжения. Есть, конечно, исключения, мы часто видим по телевизору, как столетние дедушки и бабушки крутят сальто, порхают в танце и катаются на коньках. Знаем таких. Есть бойцы-молодцы, которые достаточно убедительно – для себя и для других – демонстрируют вечную молодость, хотя нередко это тоже выглядит немного карикатурно. Такие энтузиасты вызывают одобрение, хотя и не без некоторой иронии. Они и выглядят неплохо, на вид больше девяноста пяти им не дашь. Но.... всему свое время. И я уверен, что в общем случае розовый туман, который постепенно растворяет разум, в подобных случаях предпочтителен.

А вот с вариантом: «Если бог захочет наказать, то отнимет прежде память» я почти полностью согласен. Воспоминания в большой степени могут в старости заменить будущее, поэтому лишать человека прошлого действительно кара господня.

Хотя... Тут тоже не все однозначно. Если память тебе доказывает, подбивая баланс, что плохого или в лучшем случае никакого в твоей жизни было намного больше, чем хорошего, что в основном она, твоя жизнь, это большая черная или серая полоса и не

так часто, как хотелось бы, появляются в ней белые просветы – а очень у многих, скорее даже у большинства, так и бывает – то может действительно лучше и память отнять вместе с разумом? Но что тогда человеку останется?

Н-да... Кажется начало выглядит не лишком оптимистично. Но это только так, для затравки.

Добросовестный врач психиатр, закончив многочисленные проверки моего состояния после недавнего инсульта средних масштабов, объяснил, что господь бог в отношении меня выбрал самый щадящий режим. Он оставил почти – насколько это вообще возможно в 79 лет – без изменений мой разум, но память сделал избирательной. Тут, как пояснил врач, кроме господа вмешались и защитные силы организма. Я стал жертвой амнезии, к счастью частичной. Оказалось, что те периоды жизни, которые мне не хочется и неприятно вспоминать, серые, бессмысленные и безнадежные, когда ничего не происходит и - главное – никаких педремен не ожидалось, я забыл начисто, их как будто бы и вовсе не было. Хорошими и достойными памяти, мое подсознание, видимо, считает и сложные, даже нелегкие времена, главное, чтобы они не были бездарно и однообразно прожиты. Но увы, памятными оказались всего два периода, и то довольно коротких, из прошедших семидесяти лет. Осколки жизни.

Я не очень доверяю новому варианту своего сознания, поэтому решил – на всякий случай – записать то, что пока помню. И мне хочется убедиться в главном – многоопытный психиатр сказал правду, не польстил, когда уверял, что господь оставил мне разум? Увы, у меня время от времени возникают в этом обоснованные сомнения. Да и можно ли считать нормальным человека, у которого из памяти исчезли целые десятилетия? Осталось – можно сказать – всего ничего. Если считать, что решение на мой счет принято свыше, то напрашивается вывод – либо с разумом, либо с жизнью у этого человека не все слава богу.

И вот еще. С одной стороны идея этих воспоминаний принадлежит, безусловно, мне, мне одному, никто из людей, знакомых и тем более незнакомых, ничего подобного, не советовал. Но все-таки было нечто, повлиявшее на мое решение. Это нечто является сплошной эзотерикой и тоже ставит знак вопроса на моей адекватности.

Наберусь смелости и признаюсь во всем.

В число любимых мною книг входил роман «Мастер и Маргарита» Булгакова. С него я и начал чтение после инсульта – для восстановления. Возможно поэтому время от времени по ночам во сне мне стал являться Воланд в образе Олега Басилашвили, да не один, а в компании с Мефистофелем, внешне удивительно похожим на Шаляпина в соответствующем гриме, и Вельзевулом, которого я уже оформил сам, взяв за основу скандального, огромного, никогда не просыхающего знакомого репатрианта из России.

Они единодушно советовали мне заняться каким-то делом, если я не собираюсь быстро покончить с жизнью. Помню, первым писать воспоминания предложил мне Мефистофель и при этом прозрачно намекнул, что именно он убедил Гете работать над Фаустом. Остальные его предложение с энтузиастом поддержали.

Когда я возражал, говорил что не вижу в дальнейшей жизни ничего, заслуживающего даже самых минимальных усилий в борьбе за неё, они в ответ

загадочно подмигивали, и обещали: если я буду работать, если закончу записки, то они потом докажут мне, что надеяться нужно до последних дней.

И даже позже!

Позже? В этом мне почудился прямой намек на загробную жизнь, хотя предлагавшие вряд ли могли дать мне рекомендацию в рай. Туда, где у них были связи, меня не тянуло... Последнюю мысль я не озвучил – ссориться по ночам не хотелось.

А что они могли мне предложить? Я пытался прошупать почву, намекал Мефистофелю и иже с ним, что мол Фаусту вернули молодость, ради такого возможно и стоит... Нет, отвечали мне ночные визитеры, время вспять повернуть не под силу никому, даже САМОМУ! – они возводили очи горе. Закон природы. Но тут же опять подмигивали и уверяли, что есть другие, очень надежные и сильные возможности.

- В накладе не останешься. Ты главное делом займись, а мы не подведем.

Конечно, проснувшись, я пытался смеяться над своими «завихрениями», и иногда это получалось искренне. Иногда фальшиво. Если бы это предложил САМ!, может я и поверил бы. Но забота со стороны нечистой силы вызывала одни только подозрения – надуют, наверняка надуют. Всем известно – они официально объявленные враги рода человеческого... И все-таки подозрительно серьезное отношение к этим ночным визитам меня настораживало. Человеку со здоровой и уравновешенной психикой такие сны регулярно не снятся.

Ночные дискуссии продолжались как минимум пару раз в неделю. Наконец самый хитрый из них - Воланд - убедительно изрек:

- Лучше ложная надежда, чем никакой.

- А ведь он прав, - подумал я. И смирился. В один прекрасный день я взялся за перо в переносном смысле, а в прямом - сел за компьютер. Решил собрать то небольшое, что знаю о своей жизни. Разнородные, почти не связанные между собой кусочки, разделенные пустынями амнезии.

Мой психиатр тоже одобрил решение чем-нибудь заняться. Он увидел в этом признак возвращения оптимизма, что – как известно – для любого больного имеет очень большое значение.

- Главное, - наставительно говорил он, - желание выздороветь, это как минимум полдела.

Но я немного испортил ему настроение, сообщив о ночных совещаниях с потусторонними посетителями. Врач хоть и был религиозным евреем, но в высшие силы, судя по всему, не очень верил и заволновался. И даже сказал, что ответственные решения мне пока лучше не принимать. Я тогда не понял, о чем идет речь, но на всякий случай объявил мой рассказ неудачной шуткой, а он сделал вид, что поверил. И в конце концов, попытку расшевелить память при помощи мемуаров поддержал.

Я ничем подобным никогда в жизни не занимался, это оправдывает отсутствие качества моих записок. Но я пишу только для трех людей, один из которых я сам. Остались двое. Тот, кто постарше прочитать это не сможет, а кто помоложе просто не станет. Так что полная свобода - как смогу, так и сумею.

Вы уже поняли, что я человек и мемуарист не совсем обычный, может даже не совсем нормальный. Поэтому начинать с автопортрета не буду. Скажу только, что

живу один, в Израиле, в городе Нагария. У меня есть половина коттеджа в новом районе возле моря, четыре с половиной комнаты, что для одного человека хватает с избытком. И помогает мне – не бесплатно – с уборкой и обслуживанием приятная женщина средних лет, живущая с семьей в соседней половине этого же коттеджа, одна стенка общая. Женщину зовут Авива. Жители Израиля знают район южной Нагарии, он не дешевый. Значит, какие-то деньги у меня имеются, на социальном пособии не сижу. В квартире иногда попадаются вещи и предметы, которые наводят на мысль – не очень давно со мной жила женщина. Соседка намекнула, что мы с этой женщиной не ужились. У меня есть дочь, живет с семьей в Штатах. Не бедная. Судя по условиям моей жизни в Израиле, я без помощи не остаюсь. И на этом все. О настоящем пока больше писать не буду, не хочется. Я взялся писать о прошлом. Может что-то добавлю позже, в порядке очереди...

Искусством мои воспоминания нельзя назвать, но работой, непростой и очень интересной они, безусловно, являются. Я временами чувствую себя детективом, или ученым, разбирающим древние письмена. Ведь в провалах моей памяти оказались годы, события, люди, даты. Как восстановить хоть примерную последовательность? А многие действующие лица, которых я помню и которые играли существенную роль в моей жизни, неожиданно проваливаются в тартарары, исчезают без следа. Другие столь же неожиданно выскакивают бог знает откуда, как черт из табакерки. Словом, нагрузки на серое вещество хватает, и это очень хорошо. А чем бы я иначе занимался? Жалел себя, считал новые болячки? Поэтому я не устаю радоваться этой блестящей идее.

Добавлю, что восстанавливать пробелы я не собираюсь, только попытаюсь по минимуму, в основном хотя бы датами связать те картинки прошлого, которые у меня сохранились. Пока сохранились. А в промежутках между картинками – коротко и без эмоций – доложу о том, чего я не помню, и что удалось додумать или выяснить из посторонних источников. Какая-то связь времен все же должна быть.

Так что я помню? Помню первые школьные годы, помню, хотя мог бы забыть, потому что жили мы трудно и бедно. Мать была единственной кормилицей в семье, я и бабушка-инвалид на иждивении. Отец ушел от нас еще до войны, потом погиб на фронте.

Школу класса до седьмого я еще более-менее припоминаю. Частично. Может, потому, что даже наука утверждает – в старости детство помнят лучше, чем вчерашний день.

Учился я хорошо, был круглым отличником, да и табели с оценками – мама все хранила – говорят об этом. Помню, что меня в классе называли многоборцем, и это меня немного смущало. У многоборцев обычно есть коронка, вид, где они сильнее всех. У меня коронки не было – в каждом предмете было два-три человека, которые шли впереди меня. Наверно – кажется мне сейчас – я был просто организованным и добросовестным. Нет, не зубрилой, зубрить необходимости не было. У меня была не просто хорошая память, а, как говорила преподавательница русского языка, «из ряда вон». Я запоминал все что нужно и не нужно. Думаю, в этом был основной источник

моих успехов. Но одной памяти для способностей, подозревал я, недостаточно. Кстати, может перегрузка тоже была одной из причин амнезии?

А последние классы я вообще не помню, как отрезало, даже на выпускной фотографии, стыдно сказать, никого не узнаю, себя с трудом. Может потому, что среди бумаг об окончании школы я не обнаружил документов о золотой или серебряной медали. Можно сообразить, почему круглому отличнику Подольскому Александру Зиновьевичу – еврею по папе и по маме - её не дали, и это наверно служило поводом защитным силам организма вычеркнуть этот период навсегда. За компанию со школой я не сохранил в памяти и институт, на что тоже – судя по всему - были причины, точнее продолжение истории с отсутствующей медалью. По документам я выяснил, что в университет, куда подавал документы, без медали не попал, а с трудом буквально в последнюю секунду удалось протиснуться в холодильный институт, где готовился стать механиком. Но в технари я определенно не стремился, хотел быть геологом. Словом, все пять курсов растворились во мгле.

Каким я себя помню? Или кажется, что помню.

Любой человек, даже самый простейший, демонстрирует справедливость закона диалектического материализма о единстве и борьбе противоположностей. И уверяю вас, я не был исключением из этого правила, скорее его подтверждением.

Я думаю, что в принципе был - и надеюсь остаюсь - относительно нормальным человеком. Не снобом, не скандалистом, не завистником. Впрочем, последнее иногда имело место, но не часто и не в очень сильной степени. Не был задавакой, хотя положение отличника вроде бы обязывало. Но это иной раз скорее создавало комплексы, чем чувство превосходства. Я говорил: тот факт, что ни по одному предмету я не был лучшим, определенно доказывало одно – талантов у меня нет, в лучшем случае способности плюс добросовестность и отменная память. Что еще? Я не был из породы героев. Круглые отличники редко бывают вольнолюбивыми, мы чаще конформисты. Боец и борец, как правило, к чему-то пристрастен, что-то не любит, где-то пять с плюсом, а в чем-то двойка с минусом. Но где-то глубоко в подсознании у меня скрывался и авантюрист, который все-таки об успехе мечтал. Просто он не проявлялся до поры до времени.

Часть первая. **Казань.**

Прихотливая вещь человеческая память, непредсказуемая даже тогда, когда работает в нормальном режиме. А в солидном возрасте – он у меня достаточно солиден – сплошь и рядом возникают проблемы с фамилиями, названиями, выпил таблетку или не выпил... Впрочем, это вещи общеизвестные. А что говорить о тех случаях, когда память выходит из-под контроля и ведет себя, как ей вздумается? Тогда можно ожидать любых сюрпризов, как со знаком плюс, так и со знаком минус. Начало новой жизни после окончания института, мне кажется, я помню в цвете, в красках, помню до мелочей. Неожиданно вместо почти полного мрака первых двадцати трех лет возникает в памяти яркая картина.

Возвращаюсь вслед за ожившей памятью в конец пятидесятих прошлого столетия.

Начало нового этапа и новых перспектив давало надежду. Город, который ждал меня после окончания института, был солидным, авторитетным, предполагалась приличная должность – все сулило перемены.

Я получил назначение в город Казань на комбинат треста Хладторгмонтаж. Должность – начальник монтажного цеха. Начальник цеха, комбинат, трест - это звучало, это уже кое-что...

Перед отъездом мы с упоением (не будет преувеличением) наслаждались последними в нашей жизни каникулами. Я был уверен, что не застряну в Казани, вернусь в Одессу, что меня еще ждут отпуска, солнце и море. Но, согласитесь, каникулы и отпуск далеко не одно и то же.

Нас собралась постоянная компания человек 10-12, в основном выпускники, как и я, готовящиеся к отъезду. День начинался утром на пляже, мы жарились до часов пяти (как выдерживали – удивительно), а после короткого отдыха снова где-то собирались и бражничали. То у кого-то в квартире, то в недорогом кафе, то в винарне, а их в те годы в Одессе было видимо-невидимо. Расходились за полночь. Утром цикл повторялся. Еще раз удивлюсь – как выдерживали!

Лето было неповторимым. Море удивительно ласковым, небо необыкновенно ясным и чистым, город близким и родным, а все одесситы без исключения доброжелательными и очень остроумными.

Уезжал я одним из первых – добираться до места моего назначения было долго, с пересадкой в Москве.

В день отъезда на перроне возле вагона, в котором отправлялось трое получивших назначение в Казань студентов нашего курса, собралась большая группа провожающих. Одним из отъезжающих был Толя Салов, из моей группы. Он был из пригорода недалеко от Одессы и в это лето входил в компанию, о которой я вам рассказывал. А второй была Гала Стадник, из другой группы, не из моей, и у нас знакомство было шапочным, таким, как с большинством сокурсников – в потоке было 150 студентов, со всеми не подружишься. Третьим, естественно, был я.

У вагона собрались разные поколения - родители, родственники, друзья уезжающих. Все пришли после теплых проводов в домашних условиях, после тостов «на посошок», поэтому прощание было довольно-таки экспансивным и шумным. Смех, остроты, оптимизм молодежи, волнение и тревога старших, знающих жизнь. Мамы всплакнули, и не только мамы - все вперемешку, надежды и тревоги. «Праздник со слезами на глазах», хотя эти строки тогда еще не родились. Когда поезд тронулся, я сел на скамеечку в тамбуре и... заплакал. Потом удивлялся – с чего бы это? В принципе раскисать я не был склонен. То ли сознание перелома, то предчувствие, что старая жизнь не вернется... А скорей всего причина была более прозаическая - солидный объем выпитого, к чему я тогда не был привычен.

Толя меня успокаивал, а Гала - отлично помню – одарила презрительным взглядом и проворчала что-то вроде:

- Мужики пошли...

Мы, естественно, взяли билеты в одно купе. Четвертым пассажиром оказался какой-то командировочный, лет пятидесяти, то есть по нашим тогдашним понятиям старый. Мужичек откуда-то с востока, молчаливый, необщительный. Вскоре после отхода поезда он ушел в ресторан и вернулся, когда мы спали. А когда проснулись, попутчик уже исчез видимо в том же направлении. Так что мы хозяйничали одни. Работы было много – в вагоне жарко, а запасов еды нам надавали дай боже. До Москвы нужно было все умять. И у нас к тому же с собой было... Словом, начинали неплохо.

Общение нам далось легко. Ну с Толей понятно, но и с Галой, как оказалось, тоже. Я знал, что она не одесситка, что приехала из Черновцов, а этот город считался интеллигентным и почему-то не провинциальным, в отличие скажем от Винницы или Полтавы. Почти сразу мы дружно признали её вполне нормальной и адекватной девицей. И у неё проявилась еще одна замечательная черта – Гала хорошо хозяйничала за столом, все появлялось и исчезало незаметно и вовремя. Бесценное качество в поездке!

В институте она была активной общественницей, секретарем комсомольской организации курса, но не строила из себя командира, о ней, в общем, все были неплохого мнения. Да и внешне была более-менее симпатичной, участвовала в институтской самодеятельности. В общем, человек заметный.

Толя тоже был в институте не на вторых ролях. Хороший гимнаст, выступал по первому разряду, был невысокого роста, но с отличной фигурой. Он даже подрабатывал, позируя скульпторам, и на одной из станций Большого Фонтана стоял дискобол с его телом. Голову почему-то приделали другую, мы не понимали почему. Толина голова была – считали девочки - очень даже симпатичной, немного кавказского типа. Может поэтому её и заменили, наверно решили, что на Кавказе не было дискоболов.

Из нас троих только я ничем на курсе не выделялся, разве что занимался неплохо, но кто это ценит... У меня средний балл был выше чем у Стадник и чем у Салова, то есть теоретически я имел право выбора из трех вакансий в Казани. Но общественникам официально добавляли десятку-другую балла, и я оказался последним. Они выбрали конструкторское бюро нового компрессорного завода. А мне достался – как я уже говорил - казанский комбинат треста Хладторгмонтаж и должность начальника монтажного цеха. Но я уже объяснял раньше, что этому не огорчился, так как технику не любил, черчение еще меньше, а перспектива сидеть на одном месте с утра до вечера вызывала ужас. И «начальник» звучало гордо. Так что никаких претензий, даже скрытных, у нас друг к другу не было, и обстановка в купе была в высшей степени мирной и доброжелательной.

Мы немного поговорили на общие темы, даже немного поспорили о политике. А заботу о том, чтобы не было скучно, взял на себя Толя. Он все время сворачивал на темы о любви и дружбе. И даже стал читать стихи. Он действительно любил поэзию, я об этом его пристрастии знал и прежде. Но в данном случае у него оказался партнёр – Гала в декламации участия не принимала, но когда чтец запинаясь или ошибался, она подсказывала. Без сомнения тоже знаток. Я помалкивал, стихи не моя стихия - кажется, так уже до меня кто-то не то острил, не то рифмовал.

Но все-таки стихи звучали не случайно. Толя сразу же, не тратя понапрасну времени, стал охмурять Галу, как и следовало ожидать. Он был бабником, но неплохим парнем, что на мой взгляд не противоречило одно другому. Я бабником не был, под влиянием литературы, высоких баллов и идеологии скорее был то ли романтиком, то ли моралистом. И наверно немного ханжой, что соответствовало господствующим официальным комсомольским взглядам. Но, повторю, бабников не осуждал, потому что тоже испытывал слабость к женскому полу. Просто не понимал, как можно их любить без любви – слово «секс» тогда в употреблении еще не было. Если у меня не было «чувств», я к женщинам с корыстными намерениями даже не приближался. Поэтому с Толей в соревнование не вступал. Никакого личного интереса к Гале не чувствовал, а для меня – как я сказал – это было основным.

Толя своего желания переспать, с кем угодно, если получится, никогда ни от кого не скрывал. Мне казалось, что зная это, девочки будут держаться от него подальше, всеядность вроде бы уважения не должна вызывать. Может быть они его и не уважали, но дистанции не выдерживали. Наверно у многих любопытство – а что там другие находят интересного? – было сильнее мечты о «серьёзных отношениях». И вообще, в те время еще было общепризнано – любовь к женщинам не считается недостатком мужчины, часто входит в число его достоинств, этим многие даже гордились. А любовь женщины к мужчинам (многим) вызывала интерес, но отнюдь не уважение. Скорее наоборот. Сейчас мужчины стали думать иначе? – нет, я в этом не уверен. Женщины – возможно...

Благодаря разъяснениям Толи во время каникул я понял, что в женщинах не разбираюсь и разобраться в них в принципе невозможно. Но главное мое заблуждение – проповедовал Толя - заключается в том, что я путаю совершенно разные и практически не связанные вещи.

Я уже говорил, что слово «секс» тогда не было в ходу, его знали только владеющие английским языком, и переводили как «пол». С тех пор много воды утекло, и этот перевод приходит в голову только при заполнении анкеты за границей. Мало того, в те уже далекие времена цензурного названия процесса, о котором я говорю, вообще не было, разве что-то вроде маловразумительных эвфемизмов типа «жить» или «спать». Были только нецензурные выражения и ужасное слово «совокупление», которое у всех вызывало брезгливое отвращение. Даже «трахнуть» появилось только лет через двадцать. Впрочем, само занятие тоже было из разряда таких, о которых приличный человек не говорит, может поэтому для него и не было приличного названия. Толя, как человек почти интеллигентный, придумал свое определение – пересып, с ударением на букве «ы».

- Любовь и пересып в жизни мало связаны, редко пересекаются, и то на короткое время, максимум в медовый месяц. Поэтому путать их не стоит, - учил он, - Ничего общего. Они даже располагаются в разных частях тела. Любовь в сердце и голове, а пересып совсем в другом месте. А кстати, почитай специальную литературу, но не нашу, а западную. Я достал как-то. Самые прочные семьи те, которые эти чувства не связывают. Любовь только между ними, а пересып более свободная категория.

Жизнь доказала, что Анатолий Салов был куда более прогрессивным человеком, чем Александр Подольский. Но кто тогда мог предвидеть, что настанет время, когда никто уже не удивится, если молодая (или не очень) женщина, наслушавшись предупреждений минздрава, станет в тумбочке и даже в сумочке на всякий случай держать презерватив – а вдруг ей кто-то внезапно понравится... Но кажется я отвлекся...

Итак, сразу же после отхода поезда Толя стал осуществлять на практике свое основное хобби, иногда выразительно поглядывая на меня: «Учись, пока я рядом». Он сначала называл будущую жертву «подруга», потом ласковым «подружка», а потом совсем задушевым «подруженька». Он стал предупредителен до невозможности: «Тебе налить? Я подержу. Давай я помогу...». Он разделся до пояса - было жарко - и то так, то эдак демонстрировал свою мускулатуру. Его улыбка была обворожительной, иногда, на мой взгляд, даже сальной, но он считал, что кашу маслом не испортишь. Я с интересом наблюдал за происходящим и ждал, когда Гала выбросит белый флаг. Дон Жуан усилил напор, стал все чаще усаживаться на её полку - мы с Толей спали на верхних, а командировочный с Галой на нижних. Сомнения возникли, когда внизу в полутьме неожиданно раздался грохот и Толя оказался на полу. Я понял, что он пытался прилечь с ней рядом. Переборщил. Но неудача его не смутила, он продолжал наступление до Казани, хотя после пересадки в Москве условия ухудшились – в купе появилась пожилая и ворчливая дама. Меня это развлекало, Галу, судя по всему, не очень.

Когда мы в Казани выходили из поезда, Толя, понизив голос, сказал мне:

- Ты знаешь, что для нашего брата самое главное?

- Что?

- Не расстраиваться, если номер не прошел, не брать в голову. А иначе пропадет охота... охотиться.

Он весело рассмеялся своей остроте и повернулся к Гале.

- Пошли подруга, нас ждут великие дела, - как ни в чем не бывало сказал он, подхватил свои и её вещи и двинулся к выходу из вокзала. Я пошел следом.

Первый, кого они спросили, как проехать на компрессорный завод, им все толково объяснил. Фирма известная. С моей конторой было хуже. Я опросил человек пять – безрезультатно.

Ребята решили добираться общественным транспортом. Мы с ними договорились встретиться в ближайшее воскресенье в шесть часов вечера возле входа в театр им. Качалова – единственное место, в существовании которого в Казани мы были уверены. Но встреча произошла раньше, чем рассчитывали.

Мы попрощались, Толя театрально смахнул якобы непрошеную слезу:

- И пошли они, солнцем палимы...

Солнца действительно было в избытке. Они пошли, солнцем палимы, чтобы влиться в многомиллионный отряд технической интеллигенции, которая была больше известна по аббревиатуре ИТР – инженерно-технические работники. Работники.

Это было с одной стороны уважаемое сообщество – все-таки интеллигенция, а с другой вечный повод для насмешек. Как это сочеталось, я объяснить не могу. «Товаровед обувного отдела как простой инженер. Это хорошо? Это противно!», - у Жванецкого. Итеэровец был синонимом бедности и бесперспективности, правда незаслуженной, но от этого никому не легче. Впрочем, они были не одиноки.

Считается, что кроме властей при советах все жили примерно одинаково - серо, бедно и без надежды на перемены. Но это не совсем так. Было довольно много подпольных богатых людей и внизу, вне зоны видимости. Андерграунд. Торгаши, артельщики, комбинаторы, деляги. Чувствуете в названиях презрительный оттенок? Их

не уважали, называли жуликами и ворами. К примеру, на относительно небольшом овощном складе можно было жить припеваючи. Мелкие предприятия зоны обслуживания старались не уступать ни им, ни магазинам. И все такое прочее. Не везде люди наживали состояния, но на безбедную жизнь, во всяком случае, по сравнению с окружающим пейзажем... не знаю, как это назвать, слово «зарабатывали» не подходит. Добывали, так будет правильно. Они в принципе были довольно мирными, пока кто-то или что-то не мешало им вести привычную жизнь и не особенно подсчитывать деньги в кармане. Но если мешали, то тогда можно было убедиться в том, что поговорка «деньги развращают» не являются преувеличением.

Но вот что странно – в стране воровали все, все кто мог, и это не было ни для кого секретом. Воровали на работе, на заводе, в магазине, в столовой. Несли домой в сумках, везли на машинах, грузили вручную и кранами. "А руки в это время что-то отпиливают, откручивают, отвинчивают..." опять-таки Жванецкий. Все было общественное, а значит ничье. Их и называли не ворами, а либерально - несунами.

А в чем же по-моему парадокс? Если человек просто, ничтоже сумняшеся, тащил все, что попадалось под руку, что плохо лежало, и все «унесенное» использовал, съедал или пропивал - это было нормально. Но если он проявлял инициативу, то, что теперь называется креативом, смекалку, организованность, а главное, если ворованное тут же не пропивал - это был враг.

Много таких врагов было не только в книгах Ильфа и Петрова, не только в фильмах о доблестной советской милиции, но и в жизни. При Хрущеве, а еще больше при Брежневе их развелось видимо-невидимо, конечно в основном невидимо. Главной проблемой дельцов был не страх перед ОБХСС, а то, что они не могли эти деньги тратить открыто. Пиво было только для членов профсоюза. Поэтому числиться «членом профсоюза» было выгоднее, чем проявлять какую-нибудь инициативу.

У одного моего товарища – назовем его имярек – был отец, молчаливый маленький еврей, но довольно большой делец. Почему я так думаю? Расскажу. На стене над кроватью у них в комнате висел большой, даже огромный толстый ковер до потолка. Как-то мы баловались с другом, я стукнул по ковру рукой и укололся. Невольно отогнул край – на ковре с внутренней стороны булавками были пришпилены наши сотенные вперемежку с долларами. По всему ковру...

Конечно, они питались нормально, неплохо одевались, даже в конце концов купили небольшую дачу, но этот ковер – я понимаю – как пепел Клааса стучал в его сердце. Большого ненавистника советской власти, чем отец моего неназванного друга, не было – он жил намного хуже, чем все окружающие... по сравнению с тем, как мог бы жить.

Так как вся эта активность проходила в подполье, в лучшем случае в серой зоне, вне закона, то она не только называлась криминалом и несла такую же ответственность, но волей-неволей была с настоящим криминалом – иначе говоря с бандитами - связана. У них часто была одна судьба, иногда общие камеры и полное взаимопонимание. Сейчас бизнес всплыл из подполья наверх, но до сих пор на постсоветском пространстве бизнес от криминала отделить невозможно. Маленький бизнес от маленького криминала, большой от большого, включая самую что ни на есть верхушку айсберга, где криминал уже властен над всей страной и даже над законом.

После столь солидного экскурса в прошлое, с неожиданными даже для меня обобщениями, вы догадались, что в Казани мне не суждено было стать одним из солидных представителей технической интеллигенции. Волею судьбы я оказался в небольшой шарашке, которая скрывалась за красивым названием «Казанский комбинат «Хладторгмонтаж»».

Так как никто не знал, где это заведение находится, мне на вокзале пришлось брать такси и ехать по адресу. Ехали довольно долго и – как я потом выяснил – контора оказалась недалеко от компрессорного завода. Дом мы нашли с трудом, потому что нумерацией город жильцов не баловал. Но опытный таксист отсчитал от какого-то сохранившегося номера нужное количество домов, и объявил:

- Приехали.

Мы остановились возле фасада умеренной облезлости с открытыми настежь воротами посередине. Никакой вывески не было, наверно организация была скромной и в рекламе не нуждалась. Кому нужно будет – найдут. Мне было нужно. Я забрал свои вещи и зашел в ворота. Таксист тут же дал газ и уехал, не стал дожидаться, чем дело кончится.

Я попал во двор, не большой и не маленький, впрочем, для производства все-таки скорее маленький. Немного продолговатый, то есть прямоугольный. Асфальтированный. Одноэтажные дома, которые его образовывали, были чуть-чуть в лучшем состоянии на виде изнутри, чем на виде снаружи, но не намного. Их, наверно, не так давно подкрашивали, но не слишком при этом старались.

По правой стороне прямоугольника сначала шло окно, за ним крыльцо с тремя ступеньками под синей крашеной жестяной крышей. Крыльцо довольно длинное, по обе его стороны стояли скамейки, спинки которых как бы служили перилами. На скамейках – я узнал потом – с утра сидели рабочие в ожидании задания. Это был вход в управление. Потом опять окно, а дальше по всему периметру были вроде бы производственные помещения с ленточным остеклением поверху.

Было рабочее время, часа два, но никого во дворе не было видно. Над первым окном, о котором я говорил, обнаружилась – наконец-то! – вывеска, точнее две таблички одна под другой. На верхней было написано «Казанский комбинат», а на нижней «К.К. трест Хладторгмонтаж ». Интересно, почему над окном? Ну, допустим, крыльцо мешает. А почему две таблички?

В это время открылась дверь, и на крыльце появился рыжеватый, курносый, немного веснушчатый парень в цветной футболке и расклешённых по тогдашней моде серых брюках. На вид ему было лет под тридцать. Он закурил папиросу и мне показался симпатичным.. Я подошел, поставил чемодан на скамейку.

- Здравствуйте. Вы здесь работаете?

- Здравьете. Да, работаю.

Первое, о чем я неожиданно для себя – одессит! – спросил.

- Почему там висят две таблички? Могли на одной сэкономить.

Он засмеялся, это было хорошо, мог бы посмотреть на меня, как на идиота.

- Мы и экономим. Нам все время меняют хозяина. Был Ростогмонтаж, потом Хладмонтаж, теперь Хладторгмонтаж . Мы вторую вывеску меняем, а первую не трогаем.

- А внизу как значит сокращенно Казанский комбинат? Понятно. Кака. Теперь я вижу, что попал в каку.

Он опять засмеялся, хотя мог бы дать по шее. Парень с чувством юмора.

- А я понял, что вы новый инженер из Одессы-мамы.

Он подчеркнул слово «мама», наверно посчитал, что сострил я удачно.

Кстати это был мой первый взнос в традиции организации – контору с тех пор часто стали называть «какой». Ты был сегодня в каке? После работы к пяти часам всем быть в каке. И изгиляния на эту тему: «Я принес акт выполненных работ – накакал триста рублей». И так далее, каждый по мере испорченности.

Так мы познакомились с Аркадием, исполняющим обязанности начальника монтажного цеха, мои будущие обязанности.

Мы пожали друг другу руку и представились.

- Александр Подольский.

- Аркадий Хроменько.

Аркадий меня встретил не просто приветливо, а даже радостно, расцвел искренней улыбкой.

- Как хорошо, что вы приехали. Наконец-то я вернусь на монтаж. Почти полгода занимаюсь всей этой... работой - он спохватился и посмотрел на меня виновато, явно хотел вместо слова работа употребить что-то неприличное.

Странно, он лишился звания «начальник», которое, как я говорил, звучало гордо, но не скрывает облегчения. И весь ансамбль вокруг выглядел не очень промышленно. А по сравнению с ожиданиями даже убого. Но я постарался не давать воли скепсису, решил не делать скоропалительных выводов и в свою очередь радостно улыбнулся.

Аркадий пригласил меня в контору и вежливо взял чемодан, чем поставил меня в неловкое положение. Я даже сделал неуклюжую попытку его отнять. Не получилось. Мы вошли в помещение. От дверей начинался коридор метра полтора шириной, справа и слева было по одной довольно большой комнате, двери открыты. Мы заглянули в комнату слева. Там было четыре стола, два пустовали, за одним – у окна – сидела молодая женщина, лет около тридцати, черноволосая, смуглая, наверно даже красивая, но с суровым выражением лица. Сразу скажу, что это выражение никогда не менялось. А прямо напротив дверей за столом сидела солидная крупная седая женщина в очках.

- Это бухгалтерия и все такое прочее. Наш главный бухгалтер, - я успел улыбнуться даме в очках до того, как Аркадий кивнул в сторону окна, - Арика Бабековна. И, – относилось к солидной даме, - Антоновна, её помощница. А это новый инженер из Одессы, которого мы ждали. Александр Подольский, прошу любить и жаловать, - он запомнил мою фамилию.

Антоновна ответила мне на улыбку, бухгалтер сурово кивнула.

- Здравствуйте, - это сказал я.

- И до свидания, - это сказал Аркадий.

Мы вошли в дверь напротив, Аркадий с моим чемоданом не расставался.

- Это ваш - бывший мой - кабинет.

Здесь было только два стола, один у окна, другой у противоположной стены. За столом у окна сидела девушка. Молоденькая, симпатичная, улыбалась. Я сразу же понял, что испытываю к ней интерес, такие вещи происходят быстро, либо вообще не происходят, во всяком случае, так обычно бывает у меня. Лицо круглое, возможно татарка, глаза черные-черные, но не раскосые. Может я подзабыл, но у татар не часто бывают монгольские глаза. Значит, черные глаза, черные, тонкие, скорей всего немного подщипанные брови. Губы пухлые, лицо может немного смуглое, но чуть-чуть, самую малость. А главное я оставил напоследок – волосы не прямые и жесткие, как вроде бы должно быть, если татарка, а длинные, до плеч, пышные, легкие и светлые. Крашенные, но это не казалось дешевым, как нередко бывает, а просто было приятной неожиданностью. Она сидела спиной к окну, и волосы создавали – мне показалось - светлый ореол. Наверно полукровка, решил я. Фигуру было трудно рассмотреть в сидячем положении, да еще за столом, но я даже не сомневался в том, что фигура не подведет. И не ошибся. Может, имелись недостатки, но я был и по сей день остаюсь необъективным.

- Это мой, то есть ваш первый помощник, диспетчер, секретарь и прочая и прочая и прочая, Лариса свет Степановна Кравцова.

Я опередил Аркадия и сам представился:

- Александр, - немного подумал и добавил, - Зиновьевич.

Все-таки я теперь начальник, а это обязывает.

Лариса еще шире улыбнулась, стала еще симпатичней и приподнялась со стула.

- Но, к сожалению, только на две недели, - с ехидной улыбкой добавил Аркадий. – Потом выходит из отпуска Лисицына, а Лариса свет Степановна возвращается к себе в бухгалтерию.

Мне почудилась в их отношениях какая-то фамильярность, не то между ними что-то есть, не то когда-то было. А может показалось.

Только после этого я обратил внимание на то, что кроме двух столов в комнате у стены против дверей стоит потертый, не слишком чистый узкий и длинный диван, и стулья, кажется три или четыре. Рядом с диваном, ближе столу начальника. была прибита к стене довольно большая вешалка.

- Мы с Ларой тут выдаем задания. На монтаж и на техобслуживание.

Наконец Аркадий поставил мой чемодан у стены и этим облегчил мне жизнь.

Мы вышли в коридор, я с сожалением.

- Там секретарь, - показал Аркадий на закрытую дверь в конце коридора, - которой пока нет, вот-вот появится. И кабинеты директора и главного инженера, которых пока тоже нет в наличии, Но директор скоро будет. У нас обед, до двух.

Я посмотрел на часы, было почти полтретьего.

Аркадий только пожал плечами.

- Чтобы зря не тратить время, пройдемся по комбинату. Посмотрим, что у нас тут есть.

Аркадий по дороге объяснил, что цех не только монтирует установки, но и обслуживает их в магазинах, столовых, ресторанах, на небольших пищевых предприятиях Казани плюс близлежащие поселки и райцентры. Сотня с лишком объектов.

- И все не бедные, - он хохотнул, - а рабочих всего тридцать три. Тридцать три богатыря!

Чтобы в дальнейшем тоже не тратить зря время, я вам сразу расскажу, из чего состоял комбинат. Первым за управлением был цех, которым я должен был руководить. Довольно большой. Но полупустой. Там стояли металлические шкафы с инструментами, на полу какое-то оборудование, я узнал вакуум насосы, стеллаж с тисками, сверлилка, разобранный прилавок-витрина..., В общем, вам это не интересно, мне тоже. Людей не было, в цехе вообще редко кто работал, все делалось на объектах.

Мы пошли дальше. По всему торцу двора был гараж для – объяснил Аркадий - фургона, принадлежащего комбинату. Там же в рабочее время стояла «Волга» директора. Дверь гаража поднималась кверху гидравликой, и эта передовая техника доставляла массу хлопот местным специалистам, она регулярно заедала. Так случилось и на этот раз. Аркадий включил рубильник, дверь поднялась метра на полтора и зависла. Мы с опаской заглянули – фургона там не было, он развозил рабочих и оборудование. Машины директора тоже – ну да, он был на обеде.

Но что-то очень интересное в гараже все же было – у стены ежиком стояло три мотоцикла К-125 с коробками на багажниках. И пятна на цементном полу говорили, что их там было больше, остальные, как подтвердил Аркадий, были в разгоне. Я тут же дал себе слово, что сдам на права и буду ездить. Сквозь унылое настоящее сверкнуло светлое будущее.

Аркадий выключил рубильник, дверь дернулась и... вниз не пошла. Он безнадежно махнул рукой... Мы отправились дальше.

Все противоположное от управления здание занимал склад, как оказалось сердце комбината. А возле ворот ютились два флигелька, в одном касса, в другом – всякая всячина. Мы пошли на склад.

- Это наш Клондайк, - с иронической почтительностью назвал его Аркадий.

Мы вошли в помещение с многочисленными стеллажами, пожалуй, слишком солидное для такой конторы. Я изучал пять лет холодильное дело, все же немного разбирался в теме, но там было воистину изобилие разных запчастей и материалов, многие из которых я видел впервые. Кроме этого отдельно стояло какое-то количество холодильных шкафов, прилавки витрины, домашние холодильники, ларьки для мороженого. Всё это, как объяснил Аркадий, на случай необходимости срочной замены - и указал пальцем вверх. Понятно. Это был высший класс.

Аркадий меня познакомил с заведующим складом. Его все уважительно называли Михалычем, хотя он был далеко не старым, максимум лет сорока пяти. Когда мы вошли, он разговаривал со своим помощником, здоровенным детиной, который вполне мог заменить кран или погрузчик, в каком качестве в основном и использовался. Хотя, как оказалось, иногда находилось ему и другое применение.

Михалыч был невысокого роста, худощавый, жилистый, лицо холодное, глаза острые, немного лысый. Говорил тихо, голос глуховат. Вы обратили внимание, что картинка как будто заимствована из описания типичного бывшего (или настоящего) уголовного в популярном детективе? У меня, отлично помню, сразу возникла такая аналогия. В дальнейшем мы сможем выяснить, ошибся ли я, или жизнь и литература все-таки часто пересекаются. Добавлю – между большим и указательным пальцем у него был татуировка, а в те времена тату еще не было даже на Западе.

Когда Аркадий меня представил, Михалыч ничего не ответил, но все-таки кивнул и даже попытался улыбнуться. Попытка не удалась. Я еще больше укрепился в своем предубеждении и в подозрениях по поводу его темного прошлого. Потом он собрался с мыслями и сказал, что мне тут понравится, но с таким видом, как будто в этом не уверен. К счастью необходимость поддерживать беседу отпала, потому что в склад вбежала Лариса и сказала, что появился директор. Мы попрощались с Михалычем – опять кивок – и пошли вслед за Ларисой в контору. Я при этом убедился, что насчет её фигуры был прав.

Фамилию директора я помню, потому что был такой хоккеист – Хабибуллин. Имя отчество не буду придумывать, нет смысла, тем более что все сотрудники вне личного общения называли его ни по должности, ни по имени и отчеству, а по фамилии. А главного инженера – мы с ним еще увидимся - только Петром Петровичем. Так было удобней и легко запоминалось. Директор был на работе каждый день, главный инженер не часто. Он был сыном второго секретаря горкома партии, поэтому вопросы ему не задавали. Словом, Петр Петрович был шалопаем. Я знаю, это тоже шаблон - сын большого начальника шалопай. Но что я могу поделать, если такое действительно часто бывает в жизни? Остается только следовать правде.

Хабибуллин был определенно татарин не только по фамилии, но и на вид. Невысокий, крепкий, смуглый, черты лица грубоваты, но довольно добродушны. А глаза... нет, глаза не раскосые, нормальные. Вот волосы, те что остались вокруг солидной лысины – да, волосы ровные, видно, что жесткие, черно-седые. Несмотря на жару, он был в пиджаке какого-то немного военного покроя. А может такое впечатление создавала полоска из двух орденских планок. Мне потом Аркадий рассказывал, что по слухам во время войны он был чуть ли не в СМЕРШе. Но судя по его характеру вряд ли, разве что по снабжению.

Директор принял меня неплохо, хотя без такого восторга как Аркадий. Привстал, пожал руку мне, потом автоматически Аркадию. Предложил нам сесть. Сказал несколько дежурных фраз, в том числе, что о работе мне все расскажет Аркадий. Пожелал «успешного творческого труда в наших общих интересах», присутствующие эту фразу оценили. И вдруг он застопорил:

- Пойдите, а где вы будете жить?

Это он у меня спрашивал! До сих пор ему эта мысль в голову не приходила? Я пожал плечами. Он задумался, потом лицо прояснилось, он поднял телефон, набрал номер и сказал, очень ласково:

- Михалыч, заходи ко мне. Да сейчас.

Аркадий бодро закивал:

- Да, это правильно. Это вариант.

Мы почему-то замолчали и в тишине ждали, когда явится Михалыч. Он если и заставил себя ждать, то совсем недолго. Как раз в меру. Войдя кивнул, сел на свободный стул. Хабибуллин рассказал ему, что молодому инженеру, приехавшему по назначению, жить собственно негде. Аркадий согласно кивал, я заметил, что тоже киваю. Когда Хабибуллин закончил, опять наступила тишина, но тоже не длинная, в меру.

Михалыч встал, сказал:

- Минутку.

И вышел из кабинета, дверь не закрыл. Мы видели, что он звонил от секретаря, а что говорил не слышали. Говорил опять-таки недолго, что-то записывал на бумажке. Вернулся, дал Хабибуллину, листик. Затем спокойно объяснил:

- Знаете старую гостиницу «Нева» на Троицкой? Её собираются снести. Но когда это будет... Там есть немного аварийный номер. Но аварийный для тех, у кого деньги есть. А для инженера нормальный. – Непонятно было, он имел в виду меня, или вообще инженера, как нищий класс. – Номер на двоих. Если найдет напарника, а сейчас это легче легкого, то мы сможем официально оплачивать. Скидка за аварийность половина. Комната, кухонька, ванна и совмещенный туалет.

Я затаил дыхание. Неужели такое возможно?

- И мы им кое-что дадим, чего им век не достать.

Хабибуллин посмотрел в бумажку, нашел там стоимость и одобрил:

- Дешевле не снимешь. А там электричество и вода бесплатно, опять же уборка и смена постелей, - это уже ко мне. Мы с Аркадием радостно закивали.

- Все, - директоромским тоном закончил Хабибуллин, - отправляйся устраиваться, искать сожителя, - и неожиданно развеселился, - но только мужского пола. Послезавтра к восьми на работу.

Он дал мне бумажку с адресом. Я забыл все свои предубеждения и повернулся к Михалычу:

- Ну, спасибо вам огромное, - и осекся.

Он посмотрел на меня таким взглядом, что мне ясно почудились слова: «При чем тут ты? Меня попросил директор».

Аркадий мне объяснил, как доехать до гостиницы. Это было нетрудно, недалеко от комбината была остановка автобуса, до гостиницы было всего три пролета, рукой подать, минут восемь езды.

Как все складывалось!

Я долго тряс руку Аркадию, даже расшаркался перед Ларисой – чего начальнику делать не следовало, взял чемодан и пошел – нет, полетел – в гостиницу. Мысль о напарнике я пока выкинул из головы, решил, что завтра утром подойду на компрессорный завод и предложу Толе себя в сожители – вспомнил Хабибуллина. Если он не согласится, тогда буду соображать.

Гостиница была в переулке, в метрах ста от остановки и центральной улицы. Место тихое, шума не слышно. Напротив забор, что-то за ним наверно собирались строить. Здание было действительно потрепанным, но все-таки как чеховская графиня

сохраняло следы когда-то бывшей красоты. И внутри все выглядело тоже вполне достойно, а для инженера и говорить нечего. Я подошел к стойке, за которой сидела женщина с невыразительной внешностью. Описать её трудно, не за что зацепиться. Она была относительно молодая, как выяснилось спустя какое-то время. Ясно было только одно – ей очень скучно. Но когда я сказал, что меня прислали с Казанского комбината, она почти оживилась.

- Михалыч!

Я испугался, что она приняла меня за Михалыча и на всякий случай уточнил:

- Да, он меня к вам послал.

Женщина довольно энергично взяла мой паспорт, за меня все оформила, мне оставалось только расписаться.

- Я пока буду один... до завтра, - самоуверенно обещал я, - но заплачу за двоих.

Кстати сказать, мы с ней потом подружились. Это оказался «наш человек». Мы с Толей присвоили ей имя Никакая. И в первый день моего появления в гостинице Никакая пошла мне навстречу.

- Заплатите потом. Мы Михалычу верим.

В это время сзади раздался скрипучий голос:

- Все в порядке?

Я обернулся. Ну и ну, в этой гостинице даже был швейцар, во всяком случае его куртка на это намекала. Немолодой, помятый. Выглядел заспанным, работы явно было немного.

- Это от Михалыча.

При этом имени и он оживился, даже пытался схватиться за чемодан. Но тут уж я не сплеховал и успел раньше него. Что значит предубеждение и самовнушение – он тоже показался мне бывшим уголовником. Одна шайка! В свое оправдание могу сказать, что довольно быстро спохватился и посоветовал себе не заикливаться. Совет был принят, и я практически на довольно долгое время размышления и подозрения относительно всесильного Михалыча выбросил из головы. И без него дел хватало.

Номер был на первом этаже, в конце коридора и даже за углом, вне обзора дежурной. Он превзошел мои самые смелые ожидания. Наверху комнаты в одном углу обвисли обои, в ванной кое-что немного – совсем немного - поржавело, пару плиток наверху над умывальником отклеилось, один плинтус практически отвалился. И почти все. Если бы я не знал, что номер аварийный, мне бы это даже в голову не пришло. Кровати аккуратно застланы, в ванной четыре полотенца, два больших, два маленьких. На умывальнике мыло, даже два.

Я принял ванну – именно принял, не иначе. Решил продолжить праздник, пошел поужинать – при гостинице был и небольшой, но уютный ресторан! Поел с аппетитом в сопровождении ста пятидесяти грамм водки.

Как все складывалось!

И на следующий день продолжалось в том же духе. Толя, бедняга, спал в рабочем общежитии в комнате на восемь человек. Его начальство не без сомнений и колебаний, но, в конце концов, согласилось платить за гостиницу. После работы он ко мне перебрался, и мы вдвоем отпраздновали в уже упомянутом ресторане в сопровождении на этот раз трехсот грамм водки. Согласитесь, серьезный повод для этого был.

В этот же вечер я поставил важное для себя и трудное для Толи условие, учитывая его главное жизненное хобби - никогда в номер подруг не водить. Я не согласен целыми вечерами гулять по городу, а это при его способностях и наклонностях вполне реально. Толя был так благодарен судьбе и мне за подарок, что согласие дал не раздумывая.

- Ни одну, ни разу, никаких исключений!

Это был поступок.

Гала Стадник тоже пристроилась, её подселили к приехавшей чуть раньше тоже по назначению молодой инженерше, окончившей Ленинградский институт холодильной промышленности – двойник нашего. Их квартира, точнее комната, была в частном секторе, но далековато в Дербышках – такой район был и есть в Казани, - далеко от транспорта, и условия не чета нашим райским.

Праздник кончался, начинались рабочие будни «успешного творческого труда в наших общих интересах», как сказал Хабибуллин.

Первые две недели я шел на работу воистину как на праздник. Я попеременно сидел то справа от Аркадия, то слева от Ларисы – тоже неплохо. Передо мной лежал блокнот, куда я заносил все подробности науки руководить цехом. Рабочих - они уважительно себя называли механиками - было, как я уже говорил, тридцать три человека, как у Пушкина, потому и запомнилось. Я многих из них могу назвать по фамилиям, но вас, оба моих дорогих читателя, не буду загружать неожиданными всплесками своей памяти.

Оказалось, что после института я в практических вопросах монтажа и обслуживания фреоновых автоматических установок разбирался слабо. Меня учили теории, очень важным и сложным предметам, но на практике это было мало применимо. Оставалось быть внимательным, хватать все на лету и наматывать на ус.

Работа в нашем цехе проходила так. С утра рабочие – они же механики - должны были обязательно появляться, даже те, у кого была загрузка на объектах на несколько дней. И не для того, чтобы проверить, работают они или гуляют, это, кажется, никого не беспокоило, а потому что в те годы телефонов было не густо, и любой мог понадобиться в связи с аварией на объекте или срочной работой. Утром выписывались наряды на монтаж - в основном Аркадием, на аварийные работы и плановое техобслуживание – Ларисой, которая целый день отвечала на звонки и все фиксировала. Но никаких планов я не видел, рабочие ей сами подсказывали, мол, время пришло. Если Аркадий забывал, кто где работает – бывало и такое – то они с Ларисой перерывали копии незаконченных нарядов, в поисках потерявшегося. Согласитесь, странно.

Список монтажных работ по заявкам составлялся, и Аркадий сам устанавливал порядок по одним ему ведомым признакам. Птичку на ведомости заказов после выполнения ставил он сам лично. Утром или вечером Аркадий принимал акты выполненных работ, подмахивал не глядя, и отправлял в бухгалтерию. Заявки на материалы на склад составляли сами рабочие, Аркадий ставил закорючку, тоже, как правило, не читая. Короче, слова «план», «выполнил – перевыполнил», то, что мы слышали по радио с утра до вечера, читали во всех газетах, здесь практически не применялись. Все вроде бы строилось на доверии. И сознательности, в которую я раньше не верил. Монтаж, например, был по расценкам самым высокооплачиваемым, но совестливые труженики если и настаивали иной раз на чем-то, то на техобслуживании и аварийных работах в ущерб собственной выгоде.

Постепенно я стал кое в чем разбираться, а параллельно кое-что стало меня удивлять. Ну первое – плановые проверки, когда никаких планов у начальства не было. То что их подсказывали рабочие может и хорошо, но странно. Рабочие вообще попались на удивление дисциплинированные, никогда не скандалили, не жаловались на зарплату. Когда я проходил практику на компрессорном заводе и на мясокомбинате, там трудящиеся были не такими благодушными. Слово расценки там произносилось очень часто.

Я грешным делом подумал, что Аркадий, сознавая себя временщиком, все пустил на самотек, по принципу – вот придет барин, барин нас рассудит. Но ведь уже полгода под его руководством работа шла нормально. И ничего не происходило, никаких ЧП, значит можно и так? Но отданные на откуп сознательности дефицитные материалы, отсутствие контроля... Непривычно, не по-советски. А черт его знает... Нужно подождать и разобраться. Я добросовестно пытался понять, как все работает чисто формально, финансово. Это вы можете пропустить, но будучи немного (я считаю, что немного) педантом, не могу оставить белые пятна.

Я даже набрался смелости и поговорил с Эрикой Бабековной, которая пыталась прожечь меня взглядом и почти прожгла. В общем, все было не очень сложно, в то время бюрократия, во всяком случае в нашей отрасли, еще не расцвела. С заказчиками у нас были заключены договоры, в которых ничего не уточнялось. Мы обязуемся обслуживать, они обязуются платить по подписанным актам выполненных работ и соблюдать условия эксплуатации. И все. Никаких санкций, ответственности. И никаких планов. Я бы назвал это джентельменским соглашением под честное купеческое слово – при советской власти!

Мы с Аркадием ездили на монтаж, я учился развальцовывать, соединять, откачивать воздух из системы, заполнять фреоном, подключать электрику. Заходили мы в магазины, осматривали прилавки-витрины, холодильные шкафы и прочее оборудование. Я видел продукты на тысячи, сотни тысяч рублей, готовые в эту жару протухнуть, скиснуть, растаять, если что-то не так. Видел сытых заведующих и не худых продавцов. Машины начальства, подъезжающие не к главному входу. Я был когда-то круглым отличником, но все-таки не круглым идиотом. Нет, не могло это все быть так просто и идиллически. Уж слишком они от нас зависели...

В ответ на мои сомнения Аркадий только неопределенно пожимал плечами. Мол, все может быть.

Он вообще оказался человеком в принципе серьезным, деловым, лишнего не скажет, сдержан, осмотрителен. Но в то же время у него была одна особенность, то ли достоинство, то ли недостаток. А именно: выразительное лицо его - открытая книга, на нем отражались не только эмоции, но даже – уверяю вас – мысли. По-моему в этом отношении он не уступал Марселю Марсо, только великий мим делал это сознательно, а Аркадий вопреки своему желанию.

Как он попал на должность исполняющего обязанности? Несколько лет был бригадиром, а командовал цехом пожилой инженер, хороший дядька. Но потом этот хороший дядька попал под машину, получил травму и уволился по инвалидности. Хабибуллин пытался закрепить на этой должности Аркадия, вопреки его желанию, но трест уперся – только инженер с высшим образованием. Так меня и заказали. А Аркадий почему-то не согласился вернуться на должность бригадира, стал просто монтажником. Я удивился, но тогда большого значения этому не придал.

Кроме работы был еще один объект, вызывавший у меня интерес, хотя назвать объектом обаятельную и вечно жизнерадостную Ларису просто преступление. Я решил, что пока она мой подчиненный, никаких заигрываний, даже намека. Вот когда она уйдет к себе в бухгалтерию – тогда другое дело, тогда не будет конфликта интересов. Тем не менее её отношения с начальством – я имею в виду Аркадия – меня все-таки напрягали. Правда он женат и у него двое детей, но когда и кого это останавливало? И почему все называют её Ларисой и только он один Ларой?

Я узнал, что она действительно полукровка, мать татарка, отец русский, что учится заочно в кредитно-экономическом институте, что по первым прикидкам человек, несмотря на веселый нрав, серьезный и содержательный. И что за ней хвост ухажеров.

Отдает ли она кому-нибудь предпочтение, я не выяснил, но подозрений с Аркадия не снимал.

Через две недели начались изменения. Прежде всего, Лариса ушла к себе в бухгалтерию. Хотя нет, сохраняя хронологический порядок, раньше на работе появилась Лида Лисицына. Довольно молодая женщина, ей наверно не было еще тридцати. А может было. Может и больше. Многие классики любили значащие фамилии, мне же сама жизнь дала возможность последовать их примеру. Лисицына была рыжеволосая, с острым личиком и еще более острым носиком, худощавая, мелковатая, подвижная и с необыкновенно хитрым и ласковым выражением лица. Когда она обращалась к начальству, то разве что не виляла хвостом, и то потому, что его у Лисицыной не было. И вот с этим льстивым даже подобострастным видом она всем говорила если не гадости, то уж неприятные вещи как минимум. Это была уникальная женщина. Мне кажется, я бы её вспомнил даже в эпицентре амнезии.

Меня она категорически отказывалась называть по имени и отчеству. Только Сашенька.

- Лида, я же вас просил не называть меня Сашенькой.

- Хорошо, Са-ашенька. Больше не буду, Са-ашенька.

Или вариант.

- Вот подпишите наряд, это на ремонт... Хотя, вы в этом не разбираетесь. Са-ашенька.

Когда Лариса передала Лисицыной дела и ушла в комнату через коридор, я был... расстроен - это слишком мягко сказано. Даже наконец появившаяся возможность открыто ухаживать за определенно нравившейся мне девушкой не утешала. Я готов был терпеть сколько угодно, лишь бы не слышать очередное:

- Са-ашенька, не хотите посмотреть этот акт... Хотя, что вы там увидите.

Но что делать, все слишком хорошо складывалось, а так не бывает. И объективно говоря, Лисицына была отличным работником, иначе бы её при таких явных «достоинствах» держать не стали. Она избавила Аркадия – а значит и меня - еще от солидной доли и без того нетрудоемких обязанностей. Даже большинство нарядов на монтаж тоже, оказывается, раньше оформляла она. Мне стало казаться, что в обязанности начальника цеха входило только ставить подписи. И находить себе занятие в течении рабочего дня, что уверяю вас тоже было не просто.

С этого времени я подписывал все документы, а за Аркадием, в сущности, осталось только назначение работников на объекты в устной форме. Наряд подписывал я. Судя по общему отношению, назначение это имело большое значение. Я пытался выяснить, какие основания для выбора работника и организации, какая собственно разница кого куда послать.

Аркадий немного туманно объяснил, что это очень важно, тут и совместимость, и квалификация и еще много всего. А на его лице отразилось – тебе не понять. Словом, пока я полностью не освою обстановку, он мне поможет и оставит этот вопрос за собой. Я согласился – баба с воза, коням легче. Тем более я видел, что никто с ним не спорит, а как будет, если я вмешаюсь? Ведь тема-то наверняка взрывоопасная.

Кстати, если не было на работе Аркадия, а нужно было срочно кого-то посылать, Лисицына сама принимала решение.

- Са-ашенька, - меня передергивало, - зачем вам напрягаться без толку. Я пошлю Кропилова.

Я понимал, что она была не только опытным, но и доверенным человеком. Доверенным и сверху, и снизу. И довольно быстро сообразил, что какая-то собака в этом распределении зарыта. Но какая?

Кстати Кропилов тоже был не последним в иерархии цеха. Бригадир, неразговорчивый и неулыбчивый крепыш, наверно самый старший из рабочих, ему было больше пятидесяти.

Словом через месяц, я стал выполнять все остальные несложные задачи самостоятельно, кроме тех, которыми занималась Лисицына и в качестве добровольного помощника Аркадий. Как вы заметили, их было немного. Зато освободилось время для поездки на объекты, чему – я заметил – рабочие были не очень рады. Но я старался делать это как можно тактичнее.

Так продолжалось месяца два. До тех пока я не решил, что достаточно во всем разобрался и теперь могу навести порядок в этом, на мой взгляд, первобытно-общинном хозяйстве. Могу организовать нормальный учет, контроль и планирование.

Теперь немного о моей личной жизни. Или о частной? Определение «личная» носит более интимный характер. С этим было не очень успешно... Итак моя частная жизнь.

Она протекала довольно благополучно. Толя оказался хорошим компаньоном. Не так просто двум людям ужиться в одной комнате, даже если при этом есть еще кухонька и ванная. Напарник должен не быть болтливым – это очень важно, в то же время не слишком молчаливым и отзываться на обращение, способен понять и обсудить интересующую вас тему. Он должен быть чистоплотным, если для вас это важно – а для меня было важно - или не очень обращать внимание на порядок в доме, если вы «выше этого». Он должен время от времени уходить из квартиры, оставляя вас одних. Не раздражать вас вредными или надоедливо повторяющимися привычками. Кстати, это относится и к разнополым компаньонам, которые тогда называются сожителями. Но набор примерно тот же.

У Толи была, пожалуй, только одна, на мой взгляд, тяжелая привычка – он просыпался первым, утро начинал в прекрасном настроении и будил меня стихами. Про утро. Он знал энное количество стихов, но недостаточно, чтобы не повторяться. Пора, красавица, проснись; дышит утро в окошко твое; на заре ты её не буди; кружевеет, розовеет утром лес; утро печальное утро седое – это тоже декламировалось бодро и жизнерадостно. И даже пел с чувством, но без слуха - Аврора уж солнце встречала; утро красит нежным светом. Но спустя неделю другую начинались повторы. И добавьте при этом раздражение человека которого будят и который любит поспать. Но вы уже знаете мою позицию, я её упоминал – все хорошо не бывает, я умел не раздражаться по пустякам. А в общем Толя был для меня почти идеальным соседом по комнате.

Мы даже попытались вместе готовить еду, но довольно быстро забросили эту безнадежную идею. Каждый себе что-то покупал, что-то готовил, но обязательно угощал напарника тем, что у него было. Не считались, не мелочились, хотя – сами понимаете – с деньгами было туго. Инженер Салов получал 950 рублей в месяц, начальник цеха Подольский 1100. Плюс процентов 15 премии у него и процентов тридцать у меня – наша фирма была на хорошем счету.

А у Толи при меньшей зарплате расходов было больше. Довольно быстро он освоился в новом коллективе и раза два-три в неделю уходил по вечерам. Каждый раз он смотрел на меня с видом жертвы, влекомой на заклятие, и смахивал набежавшую слезу – фирменный жест. Иногда жалобно намекал: на улице ветер, или дождь, или снег.

Я был непреклонен, ходить – тем более одному – по улицам не хотелось. Но Толя как-то устроивался, хотя булгаковский «квартирный вопрос» его напрягал.

Он был скромным человеком и никогда о своих победах не рассказывал. Иногда сведения все-таки просачивались. Скажем он, одеваясь, смотрел на часы и вскрикивал:

- Ой, Кира уже ждет.

А через несколько дней.

- Я иду в театр. Дай мне твой галстук. Зина мой красный не любит.

- Толя, ты их имена не путаешь?

- Бывает, - признавался он, - но я тренирую память.

Была еще одна сложная для него ситуация – время от времени он возвращался так поздно, как среди нормальных командировочных не принято. Приходилось тарабанить в дверь гостиницы, обещать дежурной, что это последний раз. Но вскоре Толя эту проблему решил. Пару вечеров после того, как швейцар уходил домой, он довольно поздно задерживался в холле – или бог знает где – во время дежурства Никакой и через несколько таких вечеров с гордостью продемонстрировал ключ от черного хода, который был в двух шагах от нашего номера. Он мне рассказал только, что Никакой двадцать восемь лет, что у неё есть муж и ребенок и что она симпатичный человек. Больше ничего, об остальном мне оставалось только догадываться.

Дурные примеры заразительны, и я тоже настойчиво пытался скрасить одиночество. Впрочем, я и без Толиного влияния стал бы ухаживать за Ларисой, уж очень она мне нравилась. Но довольно долго успехами похвастаться, к сожалению, не мог. Я, судя по всему, не произвел на неё слишком большого впечатления. Она охотно останавливалась при встрече, перебрасывалась парой слов, жизнерадостно и очень симпатично улыбалась – и на этом все. Как-то я сказал, что в драмтеатре идет Сирано де Бержерак, что я хочу на него сходить. Лариса подозрительно на меня посмотрела... и я дал задний ход, продолжения не последовало.

Я понимал, что чем дольше мои отношения с Ларисой будут чисто служебными, тем тяжелее будет что-нибудь изменить. Время работало против меня. Я даже поступился самолюбием и как-то спросил совета у профессионала, о моих намерениях – пока только намерениях - ухаживать за симпатичной сотрудницей он знал.

Толя с видом ментора стал поучать, что главное это смелость и решительность, что клиент сразу чувствует, когда ты не уверен и боишься неудачи, это делает тебя неуклюжим и тяжеловесным. Все должно быть как в фехтовании – укол, отскочил, защита, сделал неожиданный выпад, опять укол. Еще Пушкин говорил, что чем меньше женщину...

И вдруг он замолчал. Задумался. Даже погрузнел.

- Я не могу тебе дать совет. У тебя чувства. А я... Дело в том, что я, честно говоря, даже не могу вспомнить, когда всерьез переживал и боялся. Если неудача – бог с ним, то есть с ней. А если все хорошо, то я очень быстро начинаю чувствовать необходимость новых... как их назвать? – Он даже вздохнул. – Наверно ощущений. На чувства это не тянет. Я даже стал тревожиться. Цикл все чаще, эмоций все меньше...

Но долго Толя грустить не мог. Он тряхнул головой и сбросил уныние.

- Какие наши годы. Все еще впереди!

И вдруг испуганно посмотрел на часы:

– Ой, Рина меня уже четверть часа ждет. На улице!

И умчался.

Нет, как фехтовальщик, легко и изящно, я при всем желании ухаживать не мог, это у меня не получалось. Так что по городу Казани мне приходилось гулять либо одному, либо с Толей, если он был свободен от своих по-прежнему многочисленных обязанностей. Иногда он брал на прогулки меня третьим, наверно тогда, когда с Киной, или Зиной, или Риной было давно все хорошо, и на горизонте появлялась необходимость новых ощущений. Я особой гордости не проявлял и составлял компанию. Плохо было, что Толя время от времени пытался «перепоручить» мне свою подругу. Я даже как-то сказал, что за такие штуки можно схлопотать. Он пощупал мои

мускулы, потом свои и сказал, что заранее признает свое поражение. Обижаться на него было невозможно.

Пока была золотая осень, бабье лето, мы гуляли. Во всяком случае, старались. Мест для гуляний было намного меньше, чем в Одессе. Центр в основном состоял из дореволюционных домов, которые по классу уступали соответствующим одесским, все-таки южная столица была богаче.

И вообще, в те годы Казань напоминала сплошную стройку. За год до нашего приезда разлилось огромное куйбышевское водохранилище, которое власти называли жигулевским морем. Это действительно было впечатляющее зрелище, по-советски масштабное и по-советски достаточно безголовое и непродуманное.

Казань была с трех сторон окружена водой. Устье небольшой речушки Казанка стало широким и полноводным. Волга раньше была за четыре километра от города, теперь вода подошла вплотную к Кремлю. Редкая птица могла долететь до середины моря. К новому городскому порту, который строился, теперь могли подходить пароходы. Кстати, старый порт оказался под водой. Конечно, все это было красиво и впечатляло.

Но как я говорил, все хорошо не бывает. Больше ста деревень оказались затопленными, часть Казани тоже вместе с постройками ушла под воду. Даже когда мы приехали, еще насыпали дамбы, чтобы избежать дальнейшего затопления. Много народу болталось в поисках жилья. Среди населения ходили слухи, что всплывают размытые кладбища и покойники. Не только люди, но и животные. Летом были эпидемии желудочных болезней, и их тоже относили на счет затопления. Хотя в городе и без потопа было достаточно грязно.

Но было – кроме водных просторов – и хорошее. В Казань во время войны привезли много предприятий, и после войны - то ли по инерции, то ли по плану, при советской власти трудно было что-то разобрать - тоже бурно развивалась промышленность, образовывались новые заводские районы, далеко разбросанные, находящиеся на большом расстоянии от центра и друг от друга. Скажем – мне помнится – район вертолетного завода, район самолетного завода, Дербышки, а между ними километры и километры пути, зачастую через большие, незастроенные пустыри. Впоследствии все заросло жильем, но это произойдет еще не скоро. При таких расстояниях и при таких масштабах – затопление, промышленность, жилье и прочее – не удивительно, что руки до всего не доходили, и многое вокруг было либо не достроено, либо не доухожено. Это в принципе и был советский стиль. К примеру, даже Кремль был местами запущен, главная улица города Баумана, правда, более-менее приведена в порядок, а параллельная ей Островского, метров через пятьдесят – разбитая и практически без покрытия, хуже, чем в каком-нибудь забытом богом и людьми селе.

Расстояния большие, транспорт – как и везде в Союзе – был вечно забит и непредсказуем. А нам, холодильщикам, для обслуживания приходилось во все эти концы добираться. Таким образом, я в своем рассказе плавно вернулся от частной жизни к работе.

Итак, прошло месяца два, может побольше. Я в монтажном цехе исполнял роль английской королевы – царствовал, но не управлял. Только ставил подписи то на нарядах, то на заявках на материалы со склада, то на актах выполненных работ. Мой стол был пустым, там лежал только блокнот и список рабочих, который я выпросил из бухгалтерии. Никто кроме подписей от меня ничего не требовал. На мои попытки разобраться, соответствует ли то, что я подписываю реальности, отвечали вежливо, скрывая улыбку. Я даже слышал непроизносимое – Са-ашенька, не напрягайся без толку...

И в то же время меня никто ни в чем не упрекал. Да и поводов во что-то вмешиваться и что-то менять не было. Работой цеха заказчики были определенно довольны, никаких претензий к организации, никаких жалоб. Тишь да гладь. А в промышленности тоже существует принцип «не навреди». Всех все вроде бы устраивало – всех кроме меня. Я понимал, что моя позиция комфортна и удобна, но... унижительна. И вряд ли это долго будут терпеть. Начальник должен управлять, и как минимум контролировать работу цеха. Но прежде всего он должен понять, что происходит в действительности. А для этого нужно разобраться в главном - почему таким таинственным образом все устраивается само собой. Таинственным – самое подходящее для этой ситуации определение.

Две основные ключевые загадки мне не давали покоя. Первая - почему рабочие, которых никто не контролирует, не пьют и не прогуливают, как это сплошь и рядом происходило вокруг? И кто сказал, что это действительно так? Но нет жалоб, нет скандалов, нет ЧП.

И вторая – рабочий со склада сам себе выписывает все, что находит нужным. Почему он не подрабатывает, продавая налево? Ну, хотя бы медные трубы, страшный дефицит, на вес золота, потому что в моду вошли АГВ – газовые водонагреватели, а там они применялись. А пускатели, двигатели, клеящаяся изоляция – последний крик моды, да мало ли что. До самых последних дней советского союза все и всегда было дефицитом. За это приходилось не просто платить, а переплачивать. Почему в стране, где унести с предприятия дело святое, наши рабочие ведут себя высокоморально и немеркантильно? И кто сказал, что это действительно правда?

Я уже говорил, что в принципе был добросовестным и даже в какой-то степени педантичным. И - как и положено бывшему отличнику – старался не делать скороспелых выводов. Авантюрист во мне пока не подавал признаков жизни. Я начал, не делая резких движений, постепенно проводить – как я это про себя называл – следственные мероприятия.

Прежде всего я составил таблицу на пол листа ватмана с фамилиями рабочих и числами месяца. Сам стал регулярно заполнять место работы в соответствии с выписанными нарядами. Рабочих попросил узнать и сообщить мне адреса и телефоны фирм. Составил список и данные заказчиков. Месяц на это ушел, но данные были получены. Они, безусловно, были в бухгалтерии, но я не хотел еще раз обращаться к суровой и неприступной Арике Бабековне. Наверно они были и у Лисицыной, но я нарвался на:

- Са-ашенька, какой объект вас интересует конкретно? Вы спросите, я скажу. Хотя зачем вам это надо... Са-ашенька.

С её легкой руки все в комбинате за глаза стали называть меня Са-ашенька.

Хорошо, что я просто не умел материться...

Ладно, проехали.

Теперь исходные данные у меня были, я всегда знал, кто когда и где работает, точнее должен работать. Можно двигаться дальше. Проанализировав таблицу, я понял то, о чем в принципе нетрудно было догадаться – у каждого рабочего было несколько постоянных клиентов, от трех до пяти. Некоторые предпочитали работать парами, тогда и точек у них было больше. Но иногда – я поставил в памяти птичку - Аркадий им клиентов менял. Ну и что? Вроде ничего...

Я уже знал, кто, где и когда работает, пока теоретически. Пора было претворять теорию в практику. Я стал время от времени наезжать на эти объекты или звонить под благовидным предлогом. Рабочие к этой моей полуподпольной деятельности отнеслись не враждебно, а скорее насмешливо. Иронически. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Спустя какое-то время я понял, почему такое отношение. Вы

можете не поверить, но когда бы я не проводил ревизию, рабочие были там, где положено. Трезвые. И работали. Даже иной раз и после окончания рабочего дня.

Местные работники о них отзывались в основном положительно. Хорошо отзывались.

Я набирался мужества и спрашивал, точнее интеллигентно намекал - не вымогают ли наши рабочие «хабара»? В конце концов, сантехники у жильцов брали, электрики брали, все вокруг брали, если была возможность. В ответ - да вы что, никогда, разве что бутылку кефира с булочкой или обед, если речь шла о столовой.

Вот такие у нас оказались рабочие. И это несмотря на то, что они отпущены на волю, в пампасы. Прекрасное саморегулирование, трудовая коммуна, третий сон Веры Павловны - если кто не знает или не помнит, был такой в романе Чернышковского «Что делать?». Правда, и получали они неплохо – до 3000 рублей в месяц. Немало. Но и не слишком много. А у некоторых были машины, правда, в основном не новые. Но и на старые нужны средства, хотя тогда Москвич 400 в магазине стоил 9000 рублей, вроде бы всего три заплаты, но это только так казалось. А расходы на обслуживание, а семьи, дети... Нет, это было скорее исключение, чем правило. Наши рабочие были таким исключением. Они собирались группами и по очереди подвозили друг друга на работу, кому по пути. Да, был еще один плюс - им разрешали ремонтироваться в большом гараже комбината. Это все давало основание дорожить работой, но – согласитесь - и было в то же время солидным поводом выпить на радостях.

Итак первую часть ключевой загадки я прояснил – рабочие вкалывают более, чем добросовестно, не пьют и не гуляют. На вопрос, почему они это делают вопреки бытующей в те годы – да и сейчас – традиции у меня по-прежнему ответа не было.

Напоминаю о второй загадке – почему не воруют, если в заявке на склад своя рука владыка и я – теперь уже я, а не Аркадий – им подписываю все, что они пожелают. В этом я тоже попытался разобраться. Методом тыка. Процедура была такая. Я подписывал заявку, копия у меня оставалась – я её должен был отдавать в бухгалтерию. Потом с внезапной ревизией приезжал на объект к концу работы. Рабочий меня встречал все с той же иронической улыбкой. Он не волновался и правильно делал. Все было тип-топ, не придерешься. То что брал, то и поставил. После энной проверки я пришел к выводу – это не могло быть совпадением, рабочие действительно не воруют и не продают налево, хотя никто в сущности не мешает им это делать. Почему? Опять сон Веры Павловны?

И все-таки я по-прежнему понимал, что какая-то собака зарыта, но зарыта глубоко.

Я не вмешивался в работу Лисицыной и в волонтерские обязанности Аркадия, спрашивал иногда, почему именно этот объект, почему этот рабочий отуздывался:

– Скоро сам поймешь. Успокойся. Все будет хорошо.

А на лице его было написано сомнение, что все будет так уж хорошо.

И Лисицына не упускала возможности:

- Са-ашенька, вам это надо?..

Неожиданно у меня возникла идея, которая с точки зрения работы пользы не принесла, зато улучила мое настроение и во многом отвлекла от производственных забот.

Отвлеку и вас.

С чего все началось. Я иногда думал, что может быть рабочие стали более осторожны, потому что я их проверяю. Поэтому ходят вовремя на работу, поэтому не берут со склада лишнее. Мысль, безусловно, глуповатая, честно говоря, никто пока в нашем комбинате меня всерьез не воспринимал, поэтому рабочие не стали бы менять свое поведение. Но может, стоило все-таки посмотреть копии старых заказов, до моего

появления на комбинате? Я было саркастически ухмыльнулся глупой затее, но... тут меня озарило! Заказами и списанием материалов на складе занимается Лариса! Это повод, это контакт!

Мой план был сплавом изобретательности и интуиции. Я заметил, что она последнее время частенько остается после работы в бухгалтерии и занимается какими-то своими делами. Наверно институтскими заданиями. Поэтому я решил, что удобнее попросить помочь мне после работы. Во-первых в обстановке тет-а-тет проще заняться «фехтованием» по методу профессионала Салова. А во-вторых – это и была интуиция – я чувствовал, что Арика Бабековна будет недовольна тем, что я роюсь в документах о расходовании материалов на складе. Почему возникло такое опасение, я не знаю, возможно, потому что странности и непонятности в жизнедеятельности нашей организации не могли не быть связаны с бухгалтерией. Ведь бесконтрольность и бухгалтерия – сказал бы Александр Сергеевич Пушкин – две вещи несовместные. И я не сомневался, что она поделится новостью с завскладом Михалычем, а это мне ни к чему. Пока наше с ним общение было сведено до минимума, до «здрасьте-досвидания», и более близкого мне бы не хотелось. Впрочем, на это у меня тоже никаких оснований кроме интуиции не было.

Сказано – сделано. При первой же встрече с Ларисой во дворе, после обмена традиционными приветствиями и улыбками – у неё улыбка была намного обаятельней, хотя я тоже старался изо всех сил – мы задержались дольше обычного.

- Лариса, у меня к вам серьезная просьба. Деловая. Мне нужно поработать с заявками моих рабочих на материалы со склада примерно с начала года. Я кое в чем хочу разобраться.

Она немного нахмурилась, и я – опять-таки интуитивно – догадался почему.

- Я понимаю, нужно спросить разрешения у Арики Бабековны. Но мне почему-то кажется, что она не любит, когда кто-то ворошит документы.

Лариса согласно кивнула, очевидно, её интуиция говорила то же, что и моя.

- Так может быть, когда вы снова останетесь делать после работы уроки, - она улыбнулась, - я свами посижу и посмотрю заявки. И постараюсь не мешать.

Она немного колебалась, боялась Арику Бабековну, её все побаивались.

- В этом ничего незаконного нет, я имею полное право их видеть. Просто не хочется лишних разговоров.

Словом через пару дней мы с ней после работы сидели в бухгалтерии. Помню, на улице было скверно, дождь, ветер, а тут тепло и Лариса не переставала улыбаться. Я раскрыл папку, где были подшиты заявки и сразу потерял к ним интерес. Поковырявшись для вида, я поинтересовался, чем она занимается.

- Уроки делаю, как вы сказали, домашнее задание, - и она рассмеялась.

- А почему здесь, почему не дома? Извините, может это лишнее любопытство...

- Ничего, никаких секретов нет.

Оказалось, что у них двухкомнатная квартира с небольшой кухонькой, а в семье пять человек – мать, отец и двое братьев. Лариса старшая. И бабушка, которая живет то с ними, то у другой дочери, на лоне природы в пригороде Казани. Летом старушка переезжает на дачу, а зимой возвращается в городские удобства. Для того времени пять-шесть человек на такой площади еще не самые худшие условия. Но вечером, когда все собираются, об учебе и думать нечего.

- Здесь комфортней, и никто не мешает.

- Кроме меня.

- Ну вы... вы только сегодня.

Я понял, что если не проявлю инициативу, так и останусь временным фактором. Пора попробовать нанести укол.

- А что там у вас? Я когда-то неплохо учился, - это была попытка поднять себе цену.

- У меня? - она помрачнела. – У меня алгебра для экономистов, будь она неладна. Я этого Гаусса уже возненавидела. Вместе с его матрицами.

Это был шанс. Наконец, наверно впервые в жизни, мне могли принести пользу знания и навыки бывшего отличника.

- Дайте, я посмотрю.

Дорогие мои читатели, шанс я не упустил. Да, я не все помнил, и не все знал, но у Ларисы был учебник и лекции, а в технической литературе я разбирался хорошо. Между прочим, это не каждому дано. Если хотите, умение работать с учебниками и справочниками было моим может единственным настоящим талантом. Лариса с все возрастающим уважением следила за тем, как я едва пробежав глазами страницу, улавливаю смысл написанного (благо это я когда-то это проходил) и как доступно ей все объясняю, увлекаясь и придвигаясь все ближе и ближе. Уверяю вас, я был в ударе.

Задание было довольно объемное. Я вспомнил указания профессора, а может даже академика Салова и внезапно «отскочил», увеличил дистанцию:

- Лариса, тут еще много работы. Я вижу, вы устали. Давайте на сегодня закончим. Вы дома повторите все, что мы сегодня разобрали. Повторение мать учения. Следующий раз пойдем дальше.

Глаза у неё загорелись, судя по всему Гаусс со товарищи ей действительно не давался.

- Ой, мне неудобно. Зачем вам тратить на меня время, - но прозвучало это не убедительно.

Лариса определенно догадывалась, что тратить на неё время мне не в тягость. Девушка цену себе знала, а мои намерения и отношение к ней – я это ясно понял – давно для неё были секретом полишинеля. Мы как бы негласно заключили временное соглашение – я ей помогаю, она позволяет мне «фехтовать». Кстати, не только из-за выгоды, а из-за возникшего уважения, раньше его, как и у других моих сотрудников, видимо не было. Я самодовольно решил, что уважение к уму и знаниям тоже неплохо для начала.

Договорились встретиться через день в то же время и на том же месте. Тепло попрощались, а Лариса довольно ехидно сказала:

- Кстати, вы сможете все-таки посмотреть заявки на материалы...

Кажется, я покраснел.

Даже один этот эпизод может объяснить, почему весь период сохранился в моей памяти, как я уже говорил, в цвете и в красках, сохранился до мелочей. Это были годы молодости, годы свободы и еще не утраченных надежд.

На следующей неделе после еще двух вечерних занятий, мы пошли в драмтеатр на Сирано де Бержерака. Потом еще на какой-то спектакль, потому что на улице было холодно, дождь со снегом, долго не погуляешь. На кафе или рестораны денег не напасешься, да и не было тогда это принято, а театральные билеты в дальние ряды стоили довольно дешево. Когда спектакль начинался, мы бессовестно пробирались вперед на свободные места... Хорошее было время. Потом несколько раз ходили в оперный театр. Она оперу любила и довольно неплохо знала классическую музыку, во всяком случае лучше, чем я.

Первое время я к свиданиям готовился, придумывал, чем удивить, хотел показаться неглупым и интересным – если не внешне, то хотя бы по содержанию. Но вскоре понял, что это лишнее. Лариса была легким, веселым и общительным человеком. Когда я тормозил – а это, увы, бывало нередко – она легко становилась ведущей. Вскоре я понял, что моя новая подруга очень оригинальный и привлекательный человек. И умная. Мало того, пришлось признать, что она умнее меня. Во всяком

случаю ей удавалось смотреть на многие вещи с неожиданной стороны, свежим взглядом, что меня, совка-консерватора часто приводило в удивление... смешанное с восхищением.

Вот пример. Лариса серьезно относилась к экономике, читала все, что можно было достать по этой теме. И однажды заявила.

- Наша экономика это вообще ерунда. Бессмысленная и искусственная. Фантом.

Я, само собой, опешил.

- Все только вертикально. Сверху вниз. Без обратной связи. И без связей горизонтальных. Так сложные системы работать не могут. Только примитивные. Хрущев сказал кукуруза – все выращивают кукурузу. Фантом. - Это слово ей нравилось, где-то вычитала. – В современном мире это не выживет.

Я попытался возражать на базе пятерки по политэкономии, что хаос капитализма отжившая модель, будущее мира это планирование...

Она посмотрела на меня с иронией и перебила:

- И зори коммунизма?

В коммунизме я уверен не был, и благоразумно поменял тему.

А однажды после «Сирано» мы пошли на какую-то современную пьесу. В антракте она задумчиво сказала:

- Вот что интересно. Ростан – в стихах, ходят там со шпагами усатые и носатые французы. И все-таки они какие-то настоящие. Веришь. А тут наши, все знакомое, а кажется ненастоящим, придуманным.

И сделала вывод:

- Наверно дело в том, что мы сами ненастоящие. Видим не то, что есть, ведем себя, как... как под гипнозом.

Я не нашел, что возразить. А поддержать не мог, возможно, потому что не хотел знать правду о себе. О нас.

И не забудьте, при всем при этом Лариса была очень симпатичная, даже красивая. Мне завидовали в театре, завидовали, когда я шел с ней по улице – если выпадала хорошая погода, мы гуляли, и она знакомила меня с достопримечательностями Казани. Наши встречи стали регулярными, раза два или три в неделю мы куда-то ходили или работали над институтскими заданиями. Я оказался универсалом, и Лариса приспособила меня ко всем предметам. Даже я помогал ей переводить с английского заданные в институте тексты. Это почему-то называлось «сдавать тысячи» - наверно имелось в виду количество знаков. Лариса удивлялась моему словарному запасу, но виной была не только память, а и увлечение – я со школы подбирал все, что было напечатано на английском, и читал. Содержание значения не имело – газеты, журналы, особым уважением пользовалась художественная литература. Я этим не злоупотреблял по причине, как острили тогда, «наличия отсутствия», но словарный запас, действительно был неплохой. В сочетании с ужасным произношением – беда всех самоучек, не имеющих практики общения.

Домой Лариса не очень торопилась, наверно потому, что там всегда было людно. Да и бабушка на зиму переехала жить к ним.

Все было очень хорошо. Хотя... хотя все-таки, как я уже говорил, все хорошо не бывает. Единство противоположностей. Уважение и расположение Ларисы ко мне росло, но это было не совсем то, чего бы мне хотелось.

Если не затягивать объяснение, то довольно быстро стало понятно, что у неё нет никакого физического влечения ко мне. Естественно я не говорю о таких ужасных материях как секс, это даже в голову не могло прийти. Но простые и нормальные вещи, такие как поцеловать, обнять, погладить. То, что было моим естественным желанием, ей давалось с таким же трудом, как матрицы и теории Гаусса. Она меня не

отталкивала, это бы выглядело грубо при наших во всем остальном очень теплых отношениях, но отклонялась, избегала ситуаций, когда мои попытки были бы возможны. Мы всегда были на людях, в её парадную мне вход был строго воспрещен. А в то время – один из моих дорогих читателей, тот кто постарше, это помнит – именно парадные были единственным убежищем в ненастную погоду для лишенных своего угла влюбленных. Парадных на всех желающих не хватало. Может из-за нехватки парадных тогда были массовые ранние браки, совсем молодые люди торопились жениться, это была единственная возможность побыть вдвоем наедине. Кстати, не всегда наедине, даже в этом случае им не всегда удавалось избежать родителей, храпящих за ширмой или за шкафом.

Но хватит о печальном. У меня таких наполеоновских планов не было, мои желания и поступки были куда более скромными. Мне удавалось иной раз, как пишут поэты, срывать поцелуй, именно срывать. Во время спектакля я решился положить руку то ли на спинку кресла, то ли на плечи, но у неё вскоре появился повод что-то поискать в сумочке, нагнуться. Впрочем, зачем все это расписывать, каждый понимает, о чем я говорю и что я тогда чувствовал. Я понимал, что если жизнелюбивая и безусловно темпераментная девушка проявляет такую сдержанность, то это... Словом, ничего хорошего в этом нет.

Я даже пожалел, что заключил бескомпромиссный договор с Толей, и иной раз был готов пойти на попятный. Но довольно быстро выяснил, что в этом не было никакого смысла.

Однажды в самую дождливую погоду, и когда в кассе театра не осталось ни одного билета, я авантюрно – не зная дома ли Толя – предложил:

- Пойдем ко мне в номер, попьем чаю, купим пирожных. Зачем мокнуть и мерзнуть?

В ответ Лариса посмотрела на меня очень серьезно и сказала:

- Саша, давай сразу договоримся, что такого разговора у нас больше не будет. Я никогда не пойду в твой номер в гостиницу. Я уже большая девочка и знаю, чем эти чаи заканчиваются.

Очень хорошо помню этот разговор, потому что последствия его мы оба долго ощущали. Я посмотрел ей прямо в глаз и с очевидным подтекстом спросил:

- Ты... ты знаешь, чем такие чаи заканчиваются?

И сам испугался. А Лариса стала пунцовой и посмотрела куда-то вдаль через меня. Мы долго оба молчали, так молча я и проводил её домой. Она была настолько в шоке, что без сопротивления позволила себя поцеловать.

Я долго еще чувствовал, что она не может забыть и простить мне этот злосчастный вопрос. И до сих пор гадаю, то ли Ларису до глубины души оскорбило несправедливое подозрение, то ли она разозлилась за то, что неожиданный вопрос невольно вынудил её это подозрение подтвердить. После этого вечера в поведении Ларисы возникла настороженность, но спустя какое-то время обоим удалось недовольство то ли развеять, то ли запрячь подальше, и снова наши дружеские отношения стали такими же безоблачными, какими были раньше. На мой взгляд, слишком безоблачными.

Но подозрений с Аркадия я не снял.

Наши встречи с Ларисой недолго были секретом для сотрудников – кто-то встретил нас на улице, кто-то в театре. И периодическая вечерняя учеба в бухгалтерии тоже не могла оставаться тайной – на комбинате была круглосуточная охрана. Но эта новость только пошла мне на пользу, заставила многих присмотреться ко мне повнимательней. Парень, который мог заинтересовать Ларису все-таки должен что-то собой представлять. Между нами говоря, я и сам стал так думать, встречи с ней добавили мне

уверенности и самоуважения, повысили тонус. Даже Толя отметил эти перемены во мне и одобрительно сказал.

- Саша, ты сейчас выглядишь как... как начальник цеха.

Вроде бы сугубо частные и личные ощущения, но они помогли мне поверить в свои силы. И я, наконец, решился на самостоятельный шаг, первый со времени вступления в должность.

Я говорил, что у нас было принято по утрам собираться всем рабочим цеха, тем, кому нужно было получать задание и тем, у кого работа еще была. В принципе целью этой традиции в основном было облегчение жизни начальству – на случай непредвиденных обстоятельств все были под рукой, никого не надо разыскивать. А люди тратили время, делали лишние концы, устраивали утром балаган.

Сейчас у меня были все данные, я знал, кто в данный момент где находится и что делает, мог найти любого, если понадобится. И решился на поступок. В одно прекрасное утро я собрал в комнате весь состав, начал с веселой шуточки – в тесноте да не в обиде – и объявил, что с завтрашнего дня все, у кого есть работа приходиться с утра не должны. Мое решение было продумано, но ни с кем из вышестоящих не согласовано. Если называть вещи своими именами, то это была типичная производственная интрига, наверно не без помощи шевельнувшегося во мне авантюриста. Я имею в виду не само вполне разумное мероприятие, а способ его проведения. Я понимал – обсасывание и обсуждение за и против на верхах затянется очень надолго, и, в конце концов, это будет решение начальства, не моё. А так все выглядит как личная инициатива и это должно – опять-таки по моим расчетам – поднять находящийся где-то под плинтусом мой авторитет. И люди будут мне благодарны за то, что облегчил им жизнь. У меня должны появиться союзники снизу, но возможно обнаружатся и противники сверху. Насчет союзников снизу я не ошибся, а вот противники сверху к моему удивлению не проявились. Аркадий на мой демарш вроде бы не среагировал, но после утренней планерки сразу же зашел к директору и пробыл там не меньше часа. Потом вышел, подмигнул мне – ну ты даешь! – и ушел на монтаж. А Хабибуллин... Раньше, когда кто-то сверху звонил директору с просьбой переходящей в распоряжение, то он вызывал либо Аркадия, если он был в управлении, либо Лисицыну и давал им ЦУ. А теперь он в таких случаях стал вызывать с кем-нибудь из них и меня! Это был знак!

- Са-ашенька, почему вы все время ходите парой? Когда научитесь ходить один, без костылей?

Я не удостоил Лисицыну ответом, а сам подумал, что научусь. Но от дальнейших властных поступков отказался. Я сознавал, что до сих пор не понимаю, на чем держится идеальная гармония в работе нашего цеха. Пока не разберусь, предпринимать ничего нельзя.

Но не всё зависело только от меня. Оказалось, что моя интрига дала толчок целой цепи событий. Я бы назвал дальнейшее эффектом домино, если бы это выражение не было таким безбожно заезженным.

У меня были вопросы к загадочной системе, но оказалось, что у системы с моим появлением тоже возникли проблемы. Пока я сидел тихо и не шевелился, она какое-то время могла мириться со мной. Но я становился по её мнению слишком активным. А в таком случае она – система – либо должна была органично меня переварить, либо избавиться от чужеродного и опасного тела.

Это не означает, что наши отношения с системой сразу резко и вдруг определились, так в жизни не бывает. Но и надолго – как я впоследствии понял – такое положение сохраняться не могло. Проходила неделя, другая, месяц, и что-то неожиданно для меня

происходило, какой-то фрагмент картинка проявлялся. Это вызывало в свою очередь падение очередного камня домино.

Так после описанного выше моего демарша какое-то время все продолжалось без эксцессов, я решил, что Хабибуллин стал меня замечать, в чем раньше сомневался. И даже познакомил – это после почти четырех месяцев работы! - с главным инженером. Петр Петрович – надеюсь, вы вспомнили, как зовут нашего главного - был довольно молодым, полноватым, чуть лысеющим, как я уже говорил, шалопаем. Насчет шалопаю – это не мое частное мнение, так его единодушно именовали все сотрудники комбината, наверно имелись основания. И когда второй секретарь горкома звонил нашей секретарше в поисках сына, то так и спрашивал: «У вас мой шалопай?». Впрочем, к чему это описание, если в дальнейшем мы с ним встретимся только всего один раз? Главный, как я уже говорил, посещениями нас не очень баловал, и директору приходилось трудиться за двоих, но на такую небольшую контору и одного начальника хватало. А когда главный все-таки приходил, то либо он шел к директору в кабинет, либо директор к нему. Они, как правило, довольно долго беседовали. Я думаю, директор пробивал что-то через горком, и говорили, что ему это удастся. Что именно я довольно долго не понимал. Потом главный заходил обычно на склад и там тоже задерживался. Я подозревал, что они с Михалычем соображали «по чуть-чуть». Но от Михалыча после беседы спиртным не пахло, а к Петру Петровичу никто не принимался. Хотя они может быть каким-то качественным зельем, отбивающим запах, зажевывали это «чуть-чуть», Михалыч мог достать все что угодно. Потом главный удалялся до следующего визита. Почему сын второго секретаря горкома мог нам пригодиться понятно каждому. Но зачем ему эта должность на 1450 рублей в месяц, даже если она почти фиктивная? Удивительно, не правда ли?

Итак, почти месяц все было отлично, на работе спокойно. Мы с Ларисой уже можно сказать легально встречались и почти освоили весь репертуар казанских театров.

И вдруг однажды утром, во время распределения работ, которое по-прежнему проводил Аркадий, упал следующий камень домино.

- Касымов, на той неделе передашь своих клиентов Наумову, - сказал среди прочего Аркадий.

Двое рабочих покраснели, я сначала не понял, кто из них от радости, а кто от злости. Но после паузы Касымов помог мне в этом разобраться.

- Аркадий, ты меня извини. Но у нас начальник цеха уже давно Саше... простите, Александр Зиновьевич. Вот пусть он и решает.

Это был бунт на корабле! Опять пауза, на этот раз более продолжительная и более напряженная. Я пропустил мимо ушей то, что Касымов чуть не назвал меня Сашенькой, но понял, кто из двоих пострадавший. Не реагировать на свой внезапно обнаружившийся авторитет я не мог, подводить Аркадия тоже не стоило. Я – сообщаю не без гордости – нашелся.

- Ладно, это же со следующей недели. Идите, работайте, а мы это обсудим.

Аркадий согласно кивнул, довел планёрку до конца, голос его не дрогнул. Но на лице ясно читалось: «Хотел бы я знать, что теперь будет». Потом появилось другое выражение, я его уже знал: «Нужно срочно пойти к директору».

Не знаю, что читалось на моем лице, но мыслей в голове столпилось много. Столкнулись многочисленные за и против. Но вывод определенно был один – это удобный момент, чтобы попробовать всерьез взять ручку управления на себя, другого такого не будет. Да, я еще не понимаю, почему так важны эти неожиданные перемены заказчика, почему не воруют, когда можно, но стоит рискнуть и переживать неприятности по мере их поступления. Авантюрист во мне определенно участвовал в голосовании.

В это время Касымов, довольно молодой парень, высокий для татарина, со скуластым симпатичным лицом, подошел к Аркадию и, сдерживаясь, стараясь быть спокойным, проговорил:

- Ты же знаешь, что у меня дома произошло. Я просто одолжил денег, считай, взял ссуду...

- Каиль, это не от меня зависит. Извини, мне нужно идти.

Касымов безнадежно махнул рукой и отошел.

О чем разговор? Какая ссуда?

Я удержал Аркадия:

- Подожди, давай поговорим.

- Я обещал Хабибуллину сразу же зайти...

Так и есть, к директору. Я убедился, что научился читать по его лицу не хуже какой-нибудь цыганки.

- Пару минут роли не играют, - я обратил внимание, что в моем голосе прозвучали нотки начальника цеха. Аркадий это тоже почувствовал, а присутствующая Лисицына замерла в ожидании добычи. Сделала стойку.

Мы, не сговариваясь, вышли в коридор, на улице было холодно.

- Аркадий, я тебе очень благодарен, ты долго мне помогал. Но сам понимаешь, пора мне самому что-то решать. Хотя бы понимать, что происходит. И почему. Почему ты снял Касымова с объекта?

- Директор магазина пожаловался.

- Кому?

- Ну... Хабибуллину. - Выражение его лица говорило - я придумываю на ходу. - Поэтому он просил меня зайти.

Ещё одна попытка уйти. Я снова его удержал с помощью интонации.

- Подожди. Допустим. Но у Касымова пять магазинов. Почему все сразу менять? И я несколько дней тому назад был у этого директора, он Касымова очень хвалил. Слушай, Аркадий, будь другом, объясни все толком...

Ответа не было. Я понял, что пока он не поговорит с Хабибуллиным, я ничего не услышу. Во мне снова закипела борьба за и против. Может еще не время брать ручку на себя? Нет, так отпускать его было рискованно. Все-таки безопасней предложить компромисс, а не обострять ситуацию. Поэтому я лишил права голоса авантюриста, а всю ответственность возложил на уравновешенного круглого отличника. Как вы заметили, особой последовательностью мои решения не отличались.

- Я что предлагаю. В основном давать задания несложно, ты тоже подписывал все, что рабочие предлагали по обслуживанию. И монтаж делали в основном в порядке поступления заявок. Все это теперь буду делать я. А ты мне до планерки будешь говорить, если что-то изменилось.

Это Аркадию определенно понравилось. Я продолжал.

- И будешь объяснять, почему приходится что-то менять.

А вот это определенно пришлось не по вкусу.

Продолжения разговора не последовало, потому что выскочила секретарша Света:

- Аркадий, где ты бродишь, Хабибуллин ждет!

Наверно уже кто-то донес ему о событиях на планерке. Значит, это было не рядовая рабочая ситуация, а настоящее ЧП.

Аркадий с облегчением ушел, виновато улыбнувшись и пожав плечами. Мол, начальство требует, ничего не попишешь. На этот раз его аудиенция у Хабибуллина продолжалась часа два. И в ней почти сразу же принял участие Михалыч. Меня это почему-то не удивило.

Я сразу же позвонил директору магазина, который вроде бы пожаловался на Касымова. К счастью мы уже были знакомы, я к ним как-то заезжал с проверкой. И молил бога, чтобы так естественно и объяснимо, как рассказал Аркадий, всё и произошло, а остальное оказалось только моим буйным воображением. Конечно, я директора напрямую о его жалобе не спрашивал, кое-какой дипломатией за это время овладел. Придумал вопросы к нему, что-то насчет оплаты, и мимоходом спросил, как наш рабочий, справляется ли, что тоже было вполне естественно. К сожалению, мои худшие предчувствия оправдались. Директор пропел Касымову дифирамбы.

Я был скорее заинтригован, чем напуган. А собственно чего бояться, что они могли мне сделать? Ну не убьют же в конце концов, - игриво думал я. Испортят репутацию? Так её у меня еще не было. А выгнать молодого специалиста, если он не украл что-нибудь дорогое или кого-нибудь не зарезал, нельзя по закону. Скажут, сиди тихо и только получай зарплату – так я в сущности это и делаю. А вот как они вывернуться из этого положения, не объяснив толком, что происходит, интересно. Мяч на их стороне. Так что мысли в основном были довольно жизнерадостные. Единственную мрачную тень на всю ситуацию бросало присутствие на совещании Михалыча. Завскладом безобидным отнюдь не выглядел. Но я успокаивал себя тем, что пристрастен и начитался детективов. Немножко искусственное утешение, тем более что я детективы не любил и практически не читал.

Аркадий после совещания сразу и решительно направился ко мне. Определенно теперь он знал, что нужно делать.

- Пройдемся?

Мы оделись и вышли во двор, Аркадий сразу повернул на улицу, я за ним. В окне промелькнуло лицо безутешной Лисицыной. Добыча ускользала.

На улице было ветрено, конец ноября, мела поземка. Кажется снег на этот раз не раскиснет, останется до весны. Для серьезной беседы условия не подходящие.

- Пошли в «Василек»?

Убогое кафе с алкогольным уклоном было недалеко, за углом. Я кивнул, пошел следом за Аркадием, но забеспокоился. Все было непривычно и необычно. А когда он в кафе заказал, не спросив моего согласия, два по пятьдесят коньяка и кофе, то я окончательно и бесповоротно осознал всю важность момента.

Только тогда, когда мы выпили коньяк, Аркадий начал:

- Я что хочу тебе предложить...

- Извини, ты или все участники совещания? Черная метка?

- Одесса, брось острить. Не до шуточек. Считай, что все. А теперь слушай.

И на его лице отразилась вся серьезность положения.

- Новый год на носу. Ты знаешь, сейчас нам вроде бы должны присудить первое место в тресте, - об этом я слышал. - И горком выдвигает нас на городскую доску почета, - об этом я не знал, хотя горком...понятно.

А Аркадий продолжал:

- Это престиж, это очень важно. Тогда к нам так просто не подступишься.

Я думал, он скажет о премиях, как обычно в таких случаях. Нет, о деньгах не упомянул.

- Ну и что?

- Ты понял, что сегодня на планерке произошло? Если ты всерьез вмешаешься, то могут быть скандалы, почище этого. Да мало ли что. Ты ведь толком не в курсе дела. Может выйти из берегов.

- Каких берегов? И что может выйти? Я и хочу быть в курсе.

- Будешь, но после Нового года. Когда все решится. Я что предлагаю...,- он сделал паузу и с ударением сказал, - мы предлагаем. Давай на два месяца оставим все, как

есть. Месяц до Нового года и месяц после, пока все будут оформлять. Ничего кроме хорошего от такого варианта не произойдет. А потом во всем разберемся. Этого, - он вздохнул, - все равно не избежать.

Коньяк на меня подействовал. Позавтракать я сегодня не успел, с утра так рано никогда не пил, да и вечером не часто. Так что легкий безмятежный оптимизм появился. Тем более, что я ожидал худшего. А пару месяцев спокойной бесхлопотной жизни да еще на законных основаниях по предложению дирекции - ей богу сосем неплохой вариант. И совесть будет меньше беспокоить. Тем более, что у меня есть чем заняться, последнее время в личной жизни возникли проблемы. Нет, все-таки в частной, в личной все было без перемен.

Я готов был с легкой душой принять предложение, но меня кое-что смущало. Точнее мой авторитет – он опять опустится ниже плинтуса?

- А как же Касымов? Он будет скандалить. И обращаться ко мне. Аркадий, я знаю, что директор магазина на него не жаловался. И он это знает.

- Не будет, Касымов даже не пикнет, вот увидишь. Промолчит, как миленький. Ну что, еще по пятьдесят и тема закрыта?

Первая доза облегчила согласие на вторую и согласие не задавать больше глупых вопросов. Мы выпили коньяк, хлопнули по рукам. Я больше не ломал себе голову над загадками комбината почти месяц, до тех пор, пока за неделю до Нового года не упал еще один камень домино. А тогда мы ушли из «Василька», и меня волновало только одно – Лисицына наверняка унюхает коньяк, отличный нюх признанное фамильное качество...

Аркадий в контору не пошел, подвел меня к складу и сказал:

- Подожди.

Он зашел в склад, чрез минутку вернулся, дал какие-то мелкие орешки, я пожевал... Лисицына не унюхала ничего, иначе она бы не утерпела сообщить об этом и не только мне одному.

Михалыч мог достать все!

На следующей планерке Аркадий повторил задание Касымову и Наумову, Касымов покраснел, но действительно промолчал, как миленький. Наверно у меня был совершенно пристыженный вид, потому что когда все разошлись, пострадавший подошел ко мне – представьте себе - с утешением. Он тихонько сказал:

- Не связывайся, целее будешь, - и неожиданно добавил народную мудрость, - против лома нет приема.

Я был благодарен, вздохнул с облегчением и, как уже сказал, почти на месяц выбросил эти проблемы из головы.

В личной жизни действительно все было более-менее по старому, хотя в развитии наших с Ларисой отношений наступило некоторое затишье. Тому были причины. И не последнее место занимали климатические условия. Театры в больших количествах – уверяю вас - тоже могут надоесть. По улицам долго не походишь, разве что в солнечный день, а наши свиданья были по вечерам. В основном. Да и моя одесская экипировка не позволяла гулять в холод, был риск что-нибудь отморозить или в лучшем случае простудиться, а на новое обмундирование денег не было. В мой номер Лариса по-прежнему идти отказывалась. Категорически. Я её спрашивал:

- Ты чего-то боишься. Или кого-то? Меня? А может себя?

- Может и себя, - неожиданно призналась она и вдруг забасила голосом дьякона с амвона, - «Ибо слаб человек!».

Я уже устал удивляться неожиданным поворотам её настроения.

Словом, на улице стало морозно, иной раз из теплой гостиницы выходить не очень хотелось. Думаю, ей тоже. И вообще, если в костер отношений не подбрасывать дров, то со временем может наступить охлаждение. Оно пока не наступило, но...

Мы по-прежнему раз-два в неделю оставались в бухгалтерии, хотя институтских заданий уже не было. И к моему удивлению, если в такой ситуации не обниматься, не целоваться и так далее, только разговаривать, то... ну...не могу сказать, что надоедает, ... но... А мне ничего не позволялось. Чуть что - прекрати, перестань, в любой момент может войти охранник... Словом, вы уже заметили, что в тексте появились многоточия, и немало. Разогреть Ларису мне так и не удавалось. У меня возникли опасения, что я не смогу увлечь её по-настоящему. Это плохо. В чем причина? Где-то маячит соперник? Опять возник в мыслях Аркадий.

Я однажды спросил:

- Почему все тебя называют Ларисой, а Аркадий Ларой?

- Ты не знаешь? Так он же мой родственник.

У меня гора с плеч.

- Наши бабушки двоюродные сестры.

Гора вернулась на место. Ничего себе родственник. Тогда мы все родственники.

- Я Аркадия знаю с детства. Со своего детства, конечно. И с его женой и детьми мы очень дружим.

Мне стало стыдно за свои черные мысли. Дружит с женой, детьми. Такой человек как Лариса не мог быть вероломным. Чушь. Полная чушь. В таком контексте Аркадий больше в моих мыслях не появлялся.

Но новость оживила угасающее общение.

- Это он тебя устроил на работу?

- Конечно, сюда не так легко попасть. Не каждого возьмут. Только по рекомендации.

- Ты, по-моему, вполне прижилась. К тебе хорошо относятся, - и я вздохнул, - не у всех это получается.

Неожиданно Лариса тоже громко вздохнула. Не из сочувствия.

- А я жалею, что пришла сюда.

- Почему? - я искренне удивился.

- Какое-то здесь напряжение. Все время шестьсот вольт.

Она замолчала. Расстроилась. Я понял, что она имеет в виду. И сам чувствовал нечто подобное. Поэтому разговор не продолжил.

Другой раз я затеял расспросы на связанную с предыдущей и очень интересующую меня тему.

- Ты плотно работаешь с Михалычем. Не боишься его? Я, например, опасуюсь. Он сидел в тюрьме?

- Ты что? Конечно, нет. После тюрьмы на работу завскладом не возьмут. Запрещено. Хотя...

- Что хотя?

Лариса продолжала неохотно, но я её растормошил. Оказалось, Аркадий ей все-таки кое-что поведал о Михалыче. Его действительно чуть было не судили, но Хабибуллин, у которого остались связи в органах, вроде как взял его на поруки. Без судимости.

- Так он все-таки бандит? Я как чувствовал!

Лариса горячо за него вступилась:

- Ничего подобного, В свое время Михалыч был крупным подпольным дельцом. Может и не весь левый товар в городе проходил через него, но он определенно точно знал, кто, что и кому продает из-под полы. Полная информация. Никакой он не уголовник. Он бизнесмен.

- Одна шайка лейка. Жулик, деляга. Из-за таких как он ничего не достанешь.
- Наоборот.
- То есть как наоборот? – я никак не мог за ней угнаться.
- У них все можно достать. Это в магазинах, в аптеках ничего не достанешь. А у них есть все. Дороже, но есть. Включая птичье молоко. Потому что у них инициатива и конкуренция. И если бы их государство в подполье не загоняло, то везде, не только слева, все было бы. И стоило бы дешевле. Как на западе.

Я и сейчас с удивлением смешанным с умилением вспоминаю, как в конце пятидесятых эта девятнадцатилетняя девочка, которой вся страна забивала голову всякой ерундой, лишенная доступа к нормальной информации, поняла то, что очень многие наши сограждане не могут осознать по сей день. Я тогда возразить ей не мог, все это было выше моего разума. Только очередной раз пришел к мысли, что она умнее меня.

И пробурчал:

- Смотри как подпольный делец и будущий советский экономист спелись.

И внезапно почувствовал, что мне захотелось стать Павликом Морозовым. Но взглянул на её покрасневшее, разгоряченное спором очень симпатичное лицо... и тут же передумал. Пожалуй, ради Ларисы стоило предать не только теорию планового хозяйства, но и всю политэкономия вместе с основами марксизма-ленинизма.

Поэтому довольно миролюбиво продолжил:

- Кажется, вы с ним ладите.

- Ладим. Я ему нравлюсь. Как женщина.

Ух ты! С ней определенно не соскучишься.

А вот со мной, пожалуй, соскучиться можно.

Я собирался рассказать не только о личной, но и о своей частной жизни. А там у меня наклеивались серьезные неприятности. Мы с моим компаньоном по-прежнему отлично уживались, до тех пор, пока мне по его милости не пришлось уживаться еще с одним человеком. Нет, он свято выдерживал обещание и своих подруг в наши «нумера» не водил. Но спустя какое-то время нашел другой выход, ничуть не лучше.

Незадолго до Нового года у Толи дошла очередь и до ленинградки Вали, которая снимала вместе с Галой квартиру в Дербышках. Нельзя сказать, что в этом случае нашла коса на камень, все произошло с точностью до наоборот. Валя была, если можно так сказать, Анатолием в юбке. Тоже симпатичная, тоже очень активная, и так же охоча до мужчин, как Толя до женщин. Короче говоря, они нашли друг друга, и на лишнюю разведку и прочие романтические подходы времени не тратили. Зная мой несгибаемый характер, компаньон выбрал слабое звено, которым оказалась Галя. У Анатолия с Валею пик страстей пришелся на самое морозное и вьюжное время года. Они даже не выгоняли Галу на мороз, они просто так себя вели, что довольно целомудренному бывшему комсorghу видеть, а тем более слышать это было невыносимо. Валя оказалась еще смелее и откровеннее, чем Толя, беседы с ней ни к каким результатам не приводили. Мы с Галой были родом из примерно одного климатического пояса, и родители наши были одинаково «состоятельными», словом Галя подготовилась к зиме не лучше, чем я. И у неё на теплую одежду финансирования не хватало. Она тоже посетила пару спектаклей, но от театра к ней в Дербышки в одиннадцать вечера добраться было не просто. Жаловаться, но кому? Прослыть ханжой и сплетницей? Не по-комсомольски.

Кстати, Толина совесть проснулась первой. И он попросил меня разок в неделю напоить Галу чаем у нас в номере. «Приголубь и обогрей». Может в этом был и намек, но я его предпочел не заметить. Короче, на один раз в неделю, помня мои хождения по

мукам с Ларисой, я согласился. Я встретил их «случайно» после окончания работы у завода (рояль в кустах), пригласил Галу попить чаю, мороз был сильный, все всё понимали, всем – кроме Толи с Вале́й - было неловко. Но у Галы выхода не было, за это время она еще не приобрела таких подруг, у которых можно было бы отсиживаться. Так же, как и я, между прочим. Если бы меня Толя выгнал вечером, идти было некуда. Так что я Галу понимал, и меня согревала мысль о добром деле.

Нельзя сказать, что я не догадывался, чем дело кончится, хотя все-таки худшего не предполагал. Один раз в неделю превратился в два, потом... Страсть наших молодых достигла такого накала, что Гала, краснея, смущаясь, замерзнув до костей и с риском для жизни, вынуждена была время от времени стучаться ко мне без приглашения. Пару раз я растирал ей ноги и руки, девушка даже не пыталась отказываться и не стеснялась слез – так ей было плохо.

От нас к ним в Дербышки шел автобус, маршрут удобный, но последний рейс был в десять часов вечера. Толя должен был приехать раньше, чтобы Гала успевала. Но любовь зла, в данном конкретном случае зла в прямом смысле этого слова. Бывало, что ей приходилось не дождавшись, отправляться последним рейсом и пытаться выгнать его. Он потом смахивал скупую мужскую слезу и говорил:

- Босиком, в одной рубашке рваной Толю выгоняли на мороз.

А иногда и не удавалось выгонять.

- Любовь втроем, как у Маяковского - острил он, а Галу от этих слов буквально корёжило.

Если для вас, мои дорогие, это выглядит диким, то советую учесть - Валя и Толя в институте жили в общежитии, а там и не такое бывало. Люди привычные, сделайте скидку на это... и на реальную жизнь.

Мы с Галой искали выход. Но рисковать такими условиями, которые у меня были я не мог. Отдельный номер с удобствами, смена белья, четыре полотенца и мыло. Даже два. Через день уборка. Ссориться с компаньоном я не хотел. Одна была надежда - должен же у Толи наступить период, когда давно все хорошо, и на горизонте появится необходимость новых ощущений.

Я пытался моего соседа оправдать.

- Гала, люди разные бывают. Он бабник и ни от кого этого не скрывает. А Валя наверно мужник, хотя нет такого слова.

- Бабник... Ты знаешь. Как женщины бабника называют?

- Как?

- Блядун.

Комсомолка Гала не запнулась, не засмушалась. И я понял, что это привычное определение, именно так женщины бабников и называют. И продолжил мысль:

- А мужчины таких женщин называют еще короче.

Гала понимающе кивнула. Дискуссии у нас не получилось.

Не нужно думать, что это был подвиг с моей стороны, героический поступок. Гала мне больших хлопот не доставляла, точнее вообще никаких. У неё тоже был комплект достоинств, необходимых для необременительного общения. Она не была болтлива, но с ней можно было поговорить – при обоюдном желании – на любую тему. И у нас была общая совковая закваска, одинаковые довольно консервативные взгляды с некоторой примесью искусственного советского идеализма. Поведение Толи с Вале́й вызывали одинаковые чувства. И немаловажно - никаких надуманных проблем в наших с Галой отношениях не было и быть не могло: она знала, что я встречаюсь с Ларисой, а её в Черновцах терпеливо ждал жених. Это обеспечивало товарищескую простоту поведения.

Толя из корыстных соображений пытался меня совращать, он удивлялся тому, что я не использую отличную возможность – две пары на две квартиры это идеальный вариант. Тем более, что Гала по его мнению – и я это тоже видел – была в принципе вполне. Довольно высокая, на каблуках немногим ниже меня, с хорошей фигурой – это я уже, кажется, отмечал. Она была почти блондинкой, но волосы и прическа были обычными, в этом отношении до Ларисы ей было далеко. Удлиненное интеллигентное лицо упрощал немного курносый нос. Серые глаза казались всегда спокойными, может им немного не хватало огонька. Губы были полными, это я считал достоинством, я вообще избегал тонкогубых женщин. И у неё была еще одна особенность, которую отмечало все мужское население института – аккуратная, но выпуклая попка. Мы еще не знали, что в будущем так называемая «бразильская попка» станет модной в Европе и Америке, даже появится отрасль хирургии, наращивающая этот элемент женской красоты. Гале все досталось от природы. Наверно поэтому Галу Стадник часто запросто называли Стадница. Она, между прочим, на это не обижалась.

Могу добавить еще одно положительное качество, но уже не как женщины, а как гостыи, которая постепенно стала частой – она всегда приносила с собой что-нибудь вкусненькое. А когда появлялась, то мне в квартире ничего не нужно было делать, все делось незаметно и как бы само собой. Помните, это её качество я заметил еще в поезде.

- Ты всмотришься, - подуськивал меня Толя, - ей бы немного подкрасится – он имел в виду макияж, но такого слова тогда еще не было – и Гала будет просто-таки симпатичной.

Казалось, он не понимал, что могут быть простые человеческие отношения, Я на обострения не шел, но чувствовал, что его цинизм начинает вызывать у меня... раздражение, не хотелось приводить более резкое определение. Опасное развитие отношений для людей, живущих в одной квартире.

Гала определенно могла быть надежным и понимающим товарищем. Но ситуация, в которую нас поставили Толя с Валей, была нелепой. Неловкой. Надеюсь вам, мои дорогие, это понятно.

Но некоторые шероховатости в личной жизни и даже серьезные сложности в частной отошли на задний план, когда на работе произошли уже разрекламированные мною ранее события. Падение следующего домино. За неделю до Нового года сама собой решилась одна из двух задач, которые мне не давались. Я, наконец, понял, почему рабочие монтажного цеха не воруют, как им вроде бы было положено. Все оказалось очень просто.

В тот день все началось, как обычно. На планерке Аркадий раздавал задания, я подписывал заявки на склад и наряды, подготовленные Лисицыной. Все накатано, в привычном темпе.

В помещении собралось человек пятнадцать. И вдруг появился Фима, помощник Михалыча. В комнате он казался еще более громоздким, чем у себя на складе. На широком лице зло поблескивали слишком маленькие для такой поверхности глазки. Я подумал, что у всех работников склада какие-то недобрые глаза – кроме персонажей, уже известных вам за складом числились еще два снабженца, на мой взгляд, тоже подозрительные типы. А сам Фима, рассказывала мне Лариса, действительно сидел и даже был в авторитете. Оказалось, он тоже еврей. Впрочем, и среди евреев такое бывает, одесситы это знают не хуже других.

Фима привлек внимание уже одним своим появлением и в наступившей тишине заговорил. Я впервые слышал его голос, на складе он помалкивал. У него был бас, соответствующий его фигуре, но какой-то скрипучий бас.

- Скляренко не ждите, Скляренко позвонил нам на склад и сказал, что он свалился с лестницы. По пьяни, - он еще раз подчеркнул, - по пьяни. Теперь лежит в травматологии и не скоро выйдет.

Он замолчал, вроде бы дожидаясь вопроса. И вопрос поступил. От Аркадия.

- Почему он к вам позвонил, на склад, а не сюда?

- О! Он попросил, чтоб кто-нибудь из нас заехал и забрал у него запчасти, то да се. Он не успел на объекты поставить. Пару мотков трубки, компрессор с двигателем, несколько пускателей, изоляция для труб и еще по мелочам. Чтоб не пропало. Это ж все денег стоит. Приличных.

Теперь он свою миссию закончил, поэтому сразу повернулся и вышел.

Я услышал - опять наступила тишина - как мне кто-то на ухо прошептал:

- Эх, Скляр. Я ж ему дураку говорил, не тащи. Теперь он если появится, то не скоро. Михалыч сквозь стену видит. Мимо него ничего не продашь...

Это говорил определенно взявший надо мной шефство Касымов. Каюсь, я не сразу все осознал. Сначала почувствовал озноб, потом понял что испугался, все это было как в плохом детективе, а меня - вы знаете - даже хорошие не манили. И только потом мне стало понятно - честность рабочих имела чисто земное и даже уголовное происхождение. Фима и Михалыч таким демонстративным способом напоминали всем присутствующим - не советуем, будет себе дороже.

А Касымов опять прошептал.

- Только бы семью не трогали...

Я в ужасе посмотрел на него. Он не шутил. Это было уж слишком. Какое-то Чикаго в Казани. Я же в Советском Союзе, оплоте свободы и демократии.

Все это было слишком неожиданно. И невероятно. Настолько невероятно, что я попытался не поверить своим глазам и ушам. И в какой-то степени мне это удалось. На время.

Во всяком случае, сознание - хотя скорее подсознание - физической опасности сделало меня осторожным. Я не стал выяснять, скажем, у Аркадия, как все произошло на самом деле. Нарываться не стоило.

Когда все разошлись, я сел за свой стол и задумался. Напротив меня непривычно тихо и неподвижно сидела Лисицына.

Я понял, что попал не просто в неприятную, но по-настоящему опасную историю. И это не конец. Допустим, рабочие не воруют от страха. Допустим. Но страхом нельзя заставить работать добросовестно. Это доказано историей. Начиная с рабовладельческого Рима. Изобъём, если будешь халтурить? Нет, ерунда. А что тогда? Наверняка что-нибудь уголовное, незаконное, иначе мне бы давно рассказали, в чем суть.

Но стало ясно одно - пойти против системы, в чем бы она не заключалась, опасно. Кажется опасно по-настоящему. Нужно не торопиться, не делать поспешных шагов. Еще раз подумать.

Я решил на разговор с Ларисой. Зашел к ней в обед и предложил пойти после работы в кафе «Сладкоежка».

Вечером мне показалось, что Лариса тоже была немного встревожена. Во всяком случае, о травме по причине пьянки она знала. Я осторожно спросил, были ли на комбинате подобные истории.

- У нас народ в основном непьющий, кто пьет - сразу выгоняют, без разговора. Давно такого не было.

- Но все-таки было? Ведь все вокруг пьют.

- Наверно год тому было что-то похожее. Но с тех пор тихо.

- А что было?

- Двое сразу запили. Один за одним. Сначала Степа Лунин, вроде бы приятный парень, говорили, напился в дрободан и выпал из окна. Сильно побился. А за ним запил Пал Степаныч, бывший начальник цеха, хороший дядька.

То что мой предшественник был хороший дядька, я уже слышал от Аркадия.

- Мы знали, что он попивает, но не на работе. А тут прямо запой, никак не мог остановиться. И допился, попал под машину.

У меня пропала охота продолжать разговор. Если мои подозрения обоснованы, то «хороший дядька», узнав о мафиозной разборке с этим Луниным, сорвался. Он мог со многим соглашаться, мириться, но бандитизм не перенес. Запил. И даже может не сам попал под машину...

Ужасно!

Нет, нужно, как и в случае с Касымовым, сначала убедиться в том, что это не галлюцинации больного воображения. Как – пока только один вариант. Узнать в больнице, что случилось со Скляренко.

- Может мне навесить парня? Все-таки мой рабочий...

Лариса, мне показалось, встревожилась.

- Не стоит. Его есть кому навещать.

Я подумал - она не знает, что происходит, скорее просто чувствует шестьсот вольт напряжения. Но на всякий случай перешел на другую тему. Иначе говоря, откровенничать с ней побоялся. А вдруг Лариса поделиться с родственником, просто так, без злого умысла...

Признаюсь, самому идти в больницу и совать голову в пасть Михалычу я не решился. Но необходимость в этом, несомненно, была. Я напряженно искал выход. И на следующий день этот выход нашел. Нашел, когда меня без приглашения посетила заледеневшая Гала. Мое решение было остроумным, хотя одновременно слегка трусоватым. Но в конце концов вы согласитесь, и ситуация была не ординарная. Неожиданно для себя, уже привычно растирая Галины одеревеневшие руки и ноги,... я все ей рассказал. Абсолютно все, от начала до конца. Я подумал, что с бывшим комсоргом курса Стадник можно идти в разведку. И не ошибся.

Гала ужаснулась, не очень поверила, но пойти в больницу без колебаний согласилась, даже примирилась с легендой – она тайная любовница Скляренко.

Да, дорогие мои, вы правильно все поняли. В больнице ведущий травматолог ей сказал: «Знаем мы эту лестницу. Два ребра справа, два слева, разрывы на животе и в паху, не говоря уже о сломанной ключице. Там была не одна лестница, а две или три как минимум. И все с кулаками. И пьяным он не был. Но попросил не сообщать в милицию. Его право».

Гала от свидания с больным отказалась и даже возвела на себя напраслину.

- Нет, спасибо, инвалид мне не нужен.

С тем и ушла, замечая следы.

Мрачные фантазии становились явью.

После этого события жизнь вроде продолжалась по-старому, как обычно, но это только казалось. Мое настроение, мои ожидания, даже взгляды на жизнь – все изменилось. Мы, молодые совки – я об этом уже говорил – вместе с цинизмом в отношении партии и зорь коммунизма, все-таки сохраняли иллюзии, хотя бы в отношении народа и людей. А тут, как на диком западе... Ведь в комбинате были не инопланетяне. Народ. Люди. Гала тоже была потрясена и разочарована и в тех и других, то есть в народе и людях, во всяком случае, в какой-то их части. Я думал, что

бывший комсорг призывает бороться за правду и пойти в милицию. Но она к моему удивлению посоветовала подождать и вообще, постараться не вступать в конфронтацию. Кстати, она, именно она вспомнила, что по моим рассказам наш директор когда-то был связан с органами. Мы выросли, точнее трезвели не по дням а по часам.

Правда у меня ещё оставался как минимум месяц спокойной жизни, согласованной с руководством. А потом придётся принимать какое-то решение. Я твердо знал одно – хорошим оно определено не будет. И со свойственной мне последовательностью попеременно пытался поступать в соответствии с разными мудрыми народными изречениями, как правило противоречащими друг другу: то переживать неприятности по мере их поступления; то лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас; то не буды лихо, пока тихо; то нет ничего хуже, чем ждать и догонять. И часто не только во сне, но и в воображении наяву видел себя лежащим на больничной койке рядом с обмотанным с ног до головы бинтами Скляренко.

Да, вынужден признать, решающую роль играл самый обычный страх, как оказалось очень серьезное оружие. Реальный страх изменяет человека, изменяет во всех направлениях. Я заметил, что даже мой любовный пыл не то чтобы угас, но оказался на втором месте, уступив место поискам выхода из опасного положения. Даже свидания становились нерегулярными. Иногда они отменялись, и нередко по моей инициативе. Раньше такого не было, и быть не могло.

Правда, на это повлияли и проблемы частной жизни. Я был очень благодарен Гале за поддержку, мы становились друзьями, а единомышленниками были давно. Мое изменившееся к ней отношение заметил Толя и оценил вполне однозначно, других вариантов он не понимал. Он просто не мог себе представить, что взаимное уважение, крепнущая дружба делает невозможными всякие сексуальные пошлости. Чем дружба тверже, тем меньше шансов на Толино хобби. Но он был устроен однобоко. И тут же стал пользоваться моим к Гале отношением. Он перестал меня просить о приюте для бедной пострадавшей, а просто ставил в известность:

- Завтра у нас с Валею месяц любви и дружбы. Ты учти.

- Толя, Я завтра иду в гости к родителям Ларисы...

- Ну что ж, будет как у Маяковского, любовь втроем.

Я щупал его мускулы и очень серьезно говорил:

- Даже поражение доставит мне удовольствие.

И как ошпаренный бегал, утрясая ситуацию.

Счастливая жизнь с ванной, уборкой и полотенцами повисла на волоске.

Дошло до того, что возмутительное поведение моего компаньона на время даже затмили волнения по поводу трагедии на работе.

Новый год потерявший чувство меры Анатолий предложил встречать у нас в номере вчетвером.

- А иначе будем как Маяковский...

Я понял, что просто мечтаю ударить его, хотя бы раз, невзирая на последствия. Но это было ни к чему - Лариса все равно отказалась встречать праздник со мной. Она сказала, что по традиции у них Новый год семейный праздник, и папа приказал – никого чужих.

- Я сказала: «Но он не чужой». Папа ответил: «Таких не чужих у тебя впереди ещё о-го-го! Вот выйдешь замуж – будет свой».

Я почувствовал, что этот вопрос сейчас вообще не к месту.

И все-таки я на новый год постарался забросить (или засунуть?) как можно дальше свои страхи и с удовлетворением сообщаю – мне это удалось с помощью всего каких-нибудь трехсот грамм отличной «Столичной». Валя тоже вела себя довольно сносно, если не считать того, что все время норовила забросить ноги Толе на плечи, на голову, в разные места. В этот вечер вообще у неё с ногами была проблема. Мы слушали праздничные передачи по радио, танцевали, менялись парами. Я был для Вали неудобным партнером, высоким, до моей головы она ногами не доставала. Толя её сдерживал, все-таки компаньона старался не огорчать. Часам к двум Валя освоила достаточное количество шампанского, чтобы не обращать на его знаки внимание. Я начал опасаться, что мы можем переплюнуть Маяковского с его любовью втроем. Это осознал и Толя.

- Мы с Валюхой пойдем пройдемся. Надо остыть.

Он тоже был хорош, непослушными руками вытащил деньги из кармана, пересчитал их – предстояла, судя по всему, поездка на такси.

Они ушли. Мы с Галой переглянулись – ждать их до завтрашнего вечера смысла не было. Но никакой неловкости не почувствовали – друг он и есть друг, вне зависимости от гендерных отличий. Триста граммов добавили мне находчивости. Я подошел к Толиной кровати, отодвинул её вплотную к стенке, снял одеяло, перевернул простыню, вывернул наволочку на изнанку, и надел на подушку, ту же процедуру провел с пододеяльником – постель для Галы была готова. Я ей дал свою чистую пижаму в комплекте с лежавшим в шкафу на всякий случай запасным полотенцем.

- Чувствуй себя как дома!

Гала не удивилась и не расчувствовалась, приняла это как должное. Но оценила. И предложила выпить за меня.

- На моем месте так поступил бы каждый, - скромно сказал я.

- Но не Толя.

Эта мысль так нас рассмешила, что мы долго не могли успокоиться. Выпили, время от времени взрываясь хохотом, поочередно друг за друга. Немного поговорили, избегая темы моих треволений. Потом потушили свет, оставив ночничок у меня в головах. Я как джентльмен переоделся в старую пижаму в ванной. Когда вышел, то даже в полутьме отметил, что на столе и в комнате абсолютный порядок. Потом улегся и предложил Гале принять ванну – у них в Дербышках даже душа не было. Она ахнула, согласилась, ни у кого не возникло ни тени сомнений. Я нашел по приемнику негромкую музыку, подумал с нежностью о Ларисе и отключился. Не слышал, как из ванной вернулся мой хороший друг Гала.

Утром, когда я проснулся, она была уже в полном порядке, даже свежесмытые волосы красиво уложены, хотя до ореола Ларисы все-таки не дотягивали. На столе был завтрак на две персоны, остатков после вчерашнего пиршества хватало. Посредине стояла полная бутылка шампанского, которую предусмотрительная Гала где-то спрятала от хищной Вали, которой мне казалось, больше подходило имя Валюха, Толя прав.

Мы позавтракали, распили полбутылки. Время текло незаметно, беседа легко и приятно. У меня в три часа было назначено свидание с Ларисой в ресторане «Казань», мне туда лучше прийти заранее, могут быть проблемы со столиком. В час мы собрались. Я естественно предложил Гале взять остатки роскоши и еще не начатую бутылку вина «Лидия», она естественно отказалась.

- А почему вы с Ларисой не встречаете праздник здесь?

- Она категорически отказывается идти в номер. Считает это неприличным.

Мы оба испытали некоторый дискомфорт. Я попытался исправить:

- А знаешь что, давай я ей предложу сейчас прийти. Когда она узнает, что ты у меня... Все-таки не наедине...

Это прозвучало еще более сомнительно. Я подумал, что Лариса, узнав, что Гала тут ночевала, может неправильно понять. Совсем растерялся.

Гала успокаивающе улыбнулась. Она все понимала. Я ей был за это, впрочем и вообще за все благодарен. И эту благодарность высказал.

- Ну ладно, у вашей сестры свои закидоны. Не все такие как ты, прежде всего человек, а уже только потом женщина.

Кажется этот комплимент тоже прозвучал не очень... В то утро я был не в форме.

Но ресторан с Ларисой удался. Вечер прошел в теплой и дружественной атмосфере. Я даже минут на пять был допущен в её парадную.

Третьего числа пришлось идти на работу. Все мои опасения и тревожения вернулись в полном составе и даже с лихвой. В комбинате я старался вести себя как можно тише и незаметнее. Никому никаких вопросов не задавал, а Аркадия и заботливого Касымова по возможности избегал. Мне это удавалось до Старого нового года, до тринадцатого января. Имеется в виду Новый год по старому стилю.

После работы было не так гладко. Толя окончательно узурпировал власть. Он бескомпромиссно назначил встречу Старого Нового на субботу, одиннадцатого января. Я вынужден был не договариваться о встрече с Ларисой, а это было мною запланировано. «Праздничный» вечер был точной копией уже описанного чуть выше. Единственное отличие – на этот раз на такси Толя одолжил деньги у меня. Все остальное было под копирку. Не могу сказать, что Гала меня нагружала, скорее наоборот, но с трудом сдерживаемое напряжение против моего соседа нарастало.

А тринадцатого числа, да еще в понедельник – естественно! - несмотря на праздничный Старый Новый год, произошло очередное падение очередного камня домино. Аркадий меня все-таки застал врасплох. После планерки вместо того, чтобы уйти на объект, он подошел ко мне и спросил:

- Ты не хочешь выпить кофе в «Васильке»? Отметим Старый Новый.

Я даже не пытался отказываться, безропотно оделся и последовал за ним. «Началось» - подумал я.

Когда Аркадий заказал по сто (!) грамм коньяка, у меня сомнений не оставалось. Что интересно, даже любопытство не мучило. Как отшибло. Я предпочитал «проклятую неизвестность» необходимости принимать решения. И с трудом удержался от реплики, что, мол, месяц еще не кончился. Но оказалось поторопился с выводами. Это была только предварительная беседа, мне – наверняка по решению синклита директор плюс Михалыч – дали всего лишь повод для размышлений.

Мы чокнулись, выпили. Аркадий начал без всяких прелюдий с главного - вопрос о первом месте и доске почета благополучно решается, нам нужно просто вести себя осмотрительно. Пока все остается в силе. Я понял, что месяц все-таки у меня есть и вздохнул с облегчением. Потом он перешел от общего к частному и не очень уверенно сказал, что Касымов возможно просил наличные. В Одессе это называли хабаром, в Казани... не помню, как-то иначе. Я сомнений не высказывал, только спросил, бывали ли в комбинате подобные случаи.

Аркадий оживился, беседа явно развивалась по его плану.

- В прошлом... хотя нет, нужно привыкать, в позапрошлом году директор гастронома «Столичный» написал жалобу. Вроде бы наш монтажник вымогал у него наличные.

- Кто?

- Неважно. Иванов, Петров, Сидоров. Он уже не работает. Но этот гад пожаловался не нам, а прямо в горком партии. Мол, Иванов Петров шантажировал его.

- погоди, как шантажировал?

Аркадий расцвел. Вопрос был кстати. Он стал объяснять технологию, которую – якобы – применял тот рабочий.

- Я догадываюсь, как он это делал, – на слове «догадываюсь» он иронически улыбнулся.

И привел доводы, которыми Иванов Петров – опять-таки якобы – объяснял им свое поведение.

- Ну, шантажировать умеючи не трудно. Сделать парочку предупредительных аварий, вроде бы не зависящих от рабочего. И развести руками – такое оборудование, не сидеть же мне с ним все время. Вот инструкции – обслуживание по нормам после дождика в четверг.

Но тут Иванов Петров в лице Аркадия заговорил серьезно.

- Но для нашего советского оборудования, особенно автоматического, и провокаций не нужно. Такая собака, как Монморанси не нуждается в науськивании, - тогда «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова были запрещены, и поэтому смешливый Аркадий перечитывал и цитировал «Трое в лодке» Джерома.

- Наше оборудование надежно работать не может. За ним все время нужен глаз да глаз, особенно учитывая стоимость продукта. А наши правила, расценки, нормы это просто бред, и никакого отношения к действительности не имеют. При обслуживании положено забежать на часик раз в два три месяца за копейки. Бред.

Это я понимал. Если следовать нормам и правилам, то все будет работать так... как оно в Советском Союзе и работает.

- Мы монополисты. – Я уже не различал, где Иванов Петров, а где Аркадий. - В стране дефицит, ничего не достанешь, а у нас все есть. И получается, что этот гад, - имелся в виду директор гастронома, - хочет, чтоб обслуживание было как в Европе, а платить как в СССР. Так не бывает. И вообще, мы работаем и отвечаем вместе, но у него наличных, неучтенных, левых сколько пожелает, - у Аркадия прорвалась искренняя злоба, – а делиться жаба душит? Что ему, - тут Аркадий спохватился, - говорит нам Иванов Сидоров, каких-то две тысячи наличными? Иногда три, если очень много оборудования. Я тогда, - говорит Сидоров Петров, - каждую неделю буду пахать. А ведь пахать нужно. То оттайка не фурычит, то импортный сальник потек и где его достанешь, кроме как у нас? То вода в системе, то утечка фреона... А чтобы сделать монтаж новой установки вне очереди?

Он продолжал говорить, но я отключился. Если речь идет о двух или даже трех тысячах наличными с объекта, а таких у каждого рабочего до пяти, то получается сверху тысяч десять-двенадцать. Это сумма!..

Аркадий вернул меня на землю.

- Но отдавать ему, видишь ли, тяжело, даже если нужно. Многие предпочитают жить в советском бардаке, чем вынуть что-то из своего кармана. Вот гад и пожаловался, да не нам, мы бы с ним разобрались, - я не понял с кем бы разобрались, с гадом или Петровым Сидоровым.

А ведь в принципе директор магазина правильно сделал! Эти мысли наверно отразились на моем лице, в ответ на лице Аркадия отразилось, что он мои мысли прочел.

- Но бог не фряер, он правду видит. И полгода не прошло, у этого гада ОБХСС обнаружил недостачу... Сел голубчик, как миленький.

У меня мелькнула мысль, только ли один господь бог участвовал в наказании. Но тут же ушла. Нет, в те времена так высоко мы своим подозрениям подниматься не разрешали.

И Аркадий оптимистично закончил:

- С тех пор жалоб больше не было.

Были ли взятки он не уточнил, впрочем и так все было понятно.

Я вам передал самое важное из нашего разговора. Мне сознательно дали возможность хоть приблизительно разобраться в том, что происходит, и внутренне подготовиться к неизбежному. Хотя многое еще не ясно. Ну, берут некоторые рабочие, может даже все, я то тут при чем? Наверно «при чем», раз предупредили...

После «Василька» мы подошли к складу – уже намечалась традиция – Аркадий вынес орешки, пожевали. Он ушёл на работу, я сел за свой стол и, не выходя ни на обед, ни даже в туалет, обдумывал услышанное до конца рабочего дня. Кажется, я никогда в жизни так напряженно не соображал. Меня никто не трогал, даже Лисицына. А может она была в курсе дела?

Ставлю себе в заслугу - несмотря на отсталое время, несмотря на отсталое мое и окружающих мировоззрение, я многое понял. Правда, только к концу дня.

Уж вы мне простите, что с таким трудом доходил до совершенно очевидных – сейчас очевидных! - вещей. Но ведь все-таки дошел, хоть и не в полном объеме.

Прежде всего, я подумал – каждая сумма по тем временам не очень большая, если их действительно дают, от каждой организации всего-то зарплата пару инженеров, тьфу... У них наличных куры не клюют.

Но все-таки не понятно, почему так дружно все согласились. Хотя, черт его знает. Левых наличных в торговле много, а нервотрепка... И если продукт пропадет, то тоже деньги из своего кармана. Быстро прямо и честно можно многое продать, покупатель все сметет, но лучше медленно и налево, больше перепадет в свой карман. Потом проблемы с санинспекцией, когда продукты портятся. И если магазин пованивает, а это запах стойкий, выветривается долго, то тоже плохая реклама.

Словом, допустим, дают.

Дальше я сначала пошел по тем маршрутам, где уже побывал в размышлениях раньше. Но ведь и сантехники доят, и электрики, и ЖЭК, и ремонтники, но взятки ни на сроки, ни на качество, ни на дисциплину не влияют. Нашего рабочего этим не проймешь. Больше возьмут «на лапу» - больше пить будут. Да, можно заставить не воровать, изуродовав кого-то для острастки и имея в запасе Михалыча как доказательство неотвратимости наказания. Но заставить работать даже страхом нельзя. А не пить? Как говорила – вроде бы говорила – Зоя Космодемьянская: «Всех не перевешает».

И тогда я подумал – ведь директор магазина хвалил Касымова, а его с объектов сняли. Значит проблема не между заказчиком и рабочим, а между рабочим и нашей администрацией. Я специально рассказываю, как доходил до истины, чтобы вы поняли - тогда это не так просто было сделать. Основной пункт, вызывающий сомнение - денег слишком много.

И отсюда прямой вывод - рабочий себе оставляет часть, а часть поднимается наверх. Тогда становится все ясно. Вы-то наверно давно поняли, в чем в принципе суть дела. Сейчас это не трудно. Всем знакома самая распространенная схема – идет откат и взятки поднимаются по пирамиде.

Я детективы не читал, а фильмы смотрел. Главное, основа основ для мафиозных структур – а она на комбинате, безусловно, мафиозная, Скляренко тому полуживое доказательство – отдать, то, что должен. Не отдашь – побьют, поджарят, покалечат.

Рабочий должен – должен! в этом суть – отдать определенную сумму наверх. Если нет – для начала в качестве предупреждения снимают с кормушки, как Касымова. А дальше – как со Скляренко и, возможно, как было с Луниным. Но если так, то начальник цеха важная фигура, через него проходят команды. Главный инженер у нас должность номинальная, он ничего не подписывает, а значит... Если когда-нибудь все раскроется, то для суда...тьфу, тьфу, не к ночи будь помянуто...начальник цеха вполне может оказаться главным обвиняемым.

Теперь вся деятельность монтажного цеха проходит по моему распоряжению, а точнее и еще важнее - за моей подписью. Акты, заявки, наряды, заказы – абсолютно все. Основываясь на той цифре, которую мне назвал Аркадий, я прикинул, что ежемесячно мы незаконно получаем наличными примерно триста тысяч рублей. Даже больше. Сейчас, по нынешним аппетитам, эти незаконные суммы кажутся мелочью, но тогда...Райкин бы сказал: «Самашедшие деньги».

В конце рабочего дня наступил момент истины и осознание - больше четырех месяцев я формально являюсь главным организатором незаконных доходов в особо крупных размерах. Беру я себе деньги или нет – это мое личное дело.

Я испугался. Нет, скажу больше – перетрусил. Но вслед за этим стрессовым состоянием произошло худшее – в душе поселился страх. Выяснилось, что тот страх, который я почувствовал после истории со Скляренко, не более, чем опасение по сравнению с моим новым состоянием. Страх не покидал меня ни днем, ни ночью. Вместо снов и видений о больничной койке рядом со Скляренко, я стал видеть себя в тюремной камере, где на нарах рядом со мной был почему-то Фима. Может по национальному признаку. Время от времени в дополнение к страху возникал и испуг, когда появлялась на комбинате какая-то комиссия, или забредал по своим делам милицкий чин в форме. С того дня все мои желания в основном сводились к одному – как убраться отсюда живым, по возможности здоровым и желательно без суда и следствия.

Но я забегаю вперед. Вечером после разговора с Аркадием и моментом истины я был в шоке. Сдерживать дрожь и выглядеть нормальным человеком становилось все труднее. Я подождал, пока все – включая Лисичкину – уйдут домой, делая вид, что читаю какой-то акт выполненных работ. Акт пришлось положить на стол – руки держать бумажку отказывались. И поверьте, я не сгущаю краски. В голову время от времени приходила мысль, что дело может быть расстрельным.

Когда я уходил из комбината, шаги были нетвёрдыми, а душа просила выпить чего-нибудь успокаивающего. Не валерьянки. Я бы пошел в наш ресторан и поужинал в сопровождении не менее двухсот грамм, ситуация этого явно заслуживала. Тем более что идти в номер и общаться с Толей мне не хотелось. Но праздники истощили все мои скудные запасы, а аванс должен быть только через неделю. Я посчитал наличность – на бутылку водки хватало, благо она тогда была легендарно дешёвой. Купил водку и тоже легендарно дешёвый плавленый сырок «Дружба». На улице был ужасный холод, пришлось идти в номер.

К счастью, Толи не было, хоть в чем-то повезло, несмотря на понедельник и тринадцатое число. Хлеб в доме был, жареная картошка - холодная – еще с субботы оставалась. Я сразу налил полный стакан и – хряпнул, иначе не скажешь. Полегчало. Может не так все страшно? Ладно, сегодня, особенно в пьяном виде - я чувствовал, что меня повело – никаких планов строить не нужно. Буду наслаждаться жизнью. И для наслаждения добавил еще полстакана. Включил приемник, нашел спокойную музыку.

Но в такой день все хорошо просто не могло быть. Раздался осторожный стук в дверь. Я понял, это Гала. Опять двадцать пять. Может не открывать? Но вспомнил,

какой на улице мороз. Все-таки открыл. Правильно сделал. На щеках её были замерзшие слезинки!

Она вошла, я молча снял с неё не слишком тяжелое пальто, стащил перчатки – пальцы остались наполовину скрюченными.

- Они не открыли дверь. Ключ изнутри торчал. Совсем оборзели. Я стучала, но боялась – если скандал, сообщат на работу.

Слезы оттаяли и к ним добавились новые.

Я усадил её на стул, стащил сапоги, стал растирать ноги, потом руки. А сам подумал – с ней моим открытием делиться нельзя. Нельзя втягивать её в уголовщину. Зачем хорошему человеку лишняя информация? И испытывать бывшего комсорга на лояльность и законопослушность тоже не стоит. Как это формулируется? Не донесение, сокрытие, не доносительство? Спяну не мог вспомнить...

Водку я ей предлагать не стал. Дошла очередь до той самой бутылки «Лидии», помните? Налил ей целый стакан, себе еще почти полстакана. Чокнулись, она тоже хлопнула залпом. Только потом заметила стоящую на столе водку.

- Почему вдруг?

Я не ответил. Но по моему лицу Гала наверно поняла, что не спроста. Она знала, что я в принципе относился к непьющим. Мы сидели молча, думали каждый свою думу.

Что вам сказать... Я не сильно наступал, Гала не очень оборонялась. Мы оказались в койке.

Сколько можно было безнаказанно искушать дьявола?

Это не была страсть. Но все оказалось на удивление хорошо. Жених её тоже наверно подучил кое-чему. Мы уснули только когда начало светать. Когда я проснулся – между прочим проспал и пришел на работу почти на час позже – Галы уже не было.

Не могу сказать, что меня описанное событие потрясло, заставило задуматься, что-то пересмотреть. Я отнесся к нему без всякой экзальтации. Почему? Может быть, как подумал младший из двух мои дорогих читателей, из-за душевной черствости. Может и так. Но хочу частично оправдаться – угрозы на работе забивали все остальные чувства. Правда, когда я пришел на комбинат и на крыльце встретил улыбающуюся Ларису, то в душе попыталось зашевелиться чувство вины. Но следом за ней вышел Аркадий и до раскаяния дело не дошло. Лариса сделала попытку остановиться, наверно хотела узнать, почему я опоздал, а может спросить, почему у меня помятый вид – он таким и был - уж не приболел ли я? Но она не успела, я сказал «привет» и повернулся к Аркадию.

Тот не спросил меня, почему я опоздал, на лице его отразилось сочувствие и понимание. Он в принципе был неплохим парнем. Относительно неплохим. А Лариса немного постояла, немного удивилась – и пошла на склад.

В принципе я должен был объяснить Аркадию, почему задержался, хоть он по штату уже был просто монтажником. Но его бы сейчас именовали неформальным лидером, тем более что распределение работ было по-прежнему за ним. Я проявил строптивость и ничего говорить не стал.

- Не волнуйся, все задания розданы, все уже разошлись. Кропилов подписал, - успокоил меня Аркадий.

Напоминаю, Кропилов был бригадиром монтажников.

- А почему не ты? – позволил я себе выпад.

- Я, Саша, простой смертный, вольная пташка. Ну, пойду зарабатывать на хлеб насущный.

- И еще немножко сверху?

Аркадий беззлобно рассмеялся.

- Соображаешь! Саша, каждому свое. Полгода я был козлом отпущения, если бы за нас взялись. Я так рад, что ты приехал.

Он похлопал меня по плечу, сочувственно улыбнулся и ушел.

Если бы у меня были сомнения, то сейчас они бы окончательно отпали. Но еще со вчерашнего вечера мне все было понятно. Нехотя я поплелся на свое рабочее место. Там меня поджидала Лисицина.

- Са-ашенька, что у вас сегодня вместо лица? - очень ласково спросила она. И осеклась, наверно на том, что было вместо лица, отразились мои кровожадные мысли. Я подумал, что если состоится суд над моими преступными уголовными деяниями, то я попутно прибью эту Лисицу. Семь бед один ответ. Идея немного отогрела мне душу.

Я сел и туло уставился на пустой стол.

Голова разламывалась. Сначала я решил, что «после вчерашнего» не стоит обдумывать ситуацию и строить планы. Лучше сделать это завтра, на свежую голову. Но потом решительно запретил себе расслабляться и все откладывать в долгий ящик. Нет, хватит прятать голову в песок. Я должен полностью получить всю информацию о масштабах своих преступлений. Было совершенно понятно, что я многого еще не знаю. Все предприятия платят дань или не все? Если все, то откуда это единение и покладистость у заведующих и директоров магазинов, столовых, кафе, ресторанов, у людей, которые сами проглотят кого угодно? И даже осмелился задать себе вопрос – то что после жалобы директора гастронома «Столичный» там появилось ОБХСС, это случайность, совпадение? Наконец, кто автор мафиозного замысла, кто исполнитель, кто руководитель – и одно ли это лицо?

Предварительно я решил, что во главе стоит имеющий большой опыт нелегальной работы Михалыч. Но что-то в этой кандидатуре смущало – авторитет почти уголовного являлся не только силой, но и слабостью - для правоохранительных органов он вполне мог быть легкой мишенью. Тогда кто? Хабибуллин был вроде бы простоват и добродушен для того, чтобы придумать и держать в руках такую сложную систему. Больше кандидатов не видно. Хотя, к нам время от времени заходил куратор из «Хладторгмонтажа», мужчина определенно серьезный и умный. В очках. Правда на вид положительный, но кто его знает...

Не дожидаясь обеда – совсем распустился – я пошел в «Василек», взял бутерброд с колбасой, две чашки кофе... и пятьдесят грамм коньяка. Спиваться так спиваться. Орешков чтобы забить запах не было, но я понимал, что перегар «после вчерашнего» меня уже дано разоблачил. Коньяк может только облагородить аромат.

После обеда мысли стали более четкими. Аркадий мне ничего не расскажет, хотя у него наверняка есть полная информация обо всем. Это ясно как дважды два. Кто еще?

Коньяк сыграл свою роль. Я сообразил, кто может мне помочь разобраться если не во всем, то во многом. Человек, который обижен на систему, который много знает, и который довольно неплохо – вроде бы – ко мне относится. Это Каиль Касымов. Отличная идея! И с ним не нужно договариваться о свидании, тайном, чтобы нас не засекли. Где он работает завтра? Я вынул заветные пол листа ватмана и поблагодарил себя за добросовестность – завтра он до обеда трудится в маленьком кафе на окраине. За ночь приведу себя в порядок и явлюсь к нему с проверкой. Лучшие условия для откровенного разговора трудно придумать.

Я откинулся на стуле и успокоился, насколько это было возможно в такой ситуации и в таком состоянии.

И тут спохватился – у нас с Ларисой на сегодня билеты в оперный театра на балет «Жизель». Совсем ни к чему. Я вспомнил, о своем недостойном поведении утром, и действительно почувствовал что-то отдаленно напоминающее неловкость. В бухгалтерию с ароматом коньяк плюс «вчерашнее» заходить не решился, только

приоткрыл к ним дверь и поманил Ларису. Она вышла, не улыбалась. Я сослался на алкаша Анатолия, который меня совсем замучил. Словом, извинился, договорился.

А вечером через головную боль наслаждался Аданом. После спектакля проводил Ларису домой, даже не сделал традиционной попытки попасть в парадную. Пришел в гостиницу. Где-то должно в конце концов повезти – Толя был дома и уже спал. Он был жаворонком, и если его не заносило куда-нибудь налево, то ложился спать рано и, соответственно, рано вставал - с песнями. Я был безнадежной совой.

Сил в тот вечер уже никаких не оставалось. Я с трудом прожевал кусок черствого хлеба, благо еще оставалось немного молока – запил. И провалился в сон.

Пятнадцатого января, в среду – запомнил этот день навсегда - я проснулся от веселого Толиного завывания.

- А поутру они проснулись...

Мое «доброе утро» прозвучало не слишком дружелюбно.

В одиннадцать часов я уже был в кафе и приветствовал Каиля Касымова. Мы оба выглядели не слишком жизнерадостно. Почему плохое настроение у рабочего я знал. В качестве наказания ему дали на обслуживание парочку дальних маленьких кафе, где работала одна, максимум две установки, поэтому о калыме и говорить не приходилось. И в дополнение вызывали иной раз на аварийные ремонты, если на них не мог прийти механик, обслуживающий этот объект. Тоже, естественно, без добавки, а значит за гроши. Такой штрафник – я это уже знал – зарабатывал в месяц «как простой инженер», унижительное положение для рабочего. Словом, не позавидуешь.

Касымов уже закончил работу и собирался переезжать на объект, который находился на другом конце города. Опоздай я на десять минут – разговор бы не состоялся. Он и так начинался с трудом. Я видел, что несмотря на вроде бы хорошее ко мне отношение, желания общаться у Касымова не было. Поэтому не стал делать вид, что интересуюсь его работой, а сразу перешел к разговорам по душам. Так примерно и объяснил ему свое появление.

По душам? Его это заинтересовало. Каиль был по природе добрым человеком, он сочувствовал парню, который как кур в ощиц попал в эту мясорубку, где он и сам был пострадавшим.

Мы сели за столик в кафе, заказали какое-то малосъедобное второе. Я пытался отказаться – с деньгами было совсем плохо – но Каиль сказал, что здесь его кормят бесплатно.

- С паршивой овцы хоть шерсти клок.

Каиль попытался - с трудом – величать меня Александром Зиновьевичем. Я предложил перейти на «ты» – ему было немногим за тридцать.

- Ну, хорошо. Каиль.

- Саша. Но не Са-ашенька.

Мы засмеялись, пожали руки, контакты были налажены.

Я решил сразу брать быка за рога и начал немного авантюрно. Сказал, что в общем полностью в курсе дела, но хотел бы узнать кое-какие подробности. И признался:

- Понятия не имел, что влип в такую историю. Только недавно разобрался.

Но сначала стоило попытаться поговорить о его проблемах. Так будет приличней.

- Я понял, тебе тоже досталось?

Касымов с самого начала выглядел хмурый, а сейчас стал мрачнее ночи. Сочувствие ему было необходимо. Я слушал внимательно и довольно быстро разобрался в том, что с ним случилось. А параллельно уточнил, как происходило распределение нетрудовых доходов. Оказалось, что была оговорена сумма, которую

каждый механик должен передавать наверх, в зависимости от количества и качества закрепленных за ним объектов. Кто шесть тысяч в месяц, кто семь, кто восемь - цифры круглые, не мелочились. Остальное рабочий забирает себе. Это, грубо говоря, три тысячи, плюс-минус, чаще плюс. И примерно столько же официальной зарплаты. Было из-за чего терпеть и стараться. Но деньги «наверх» должны быть отданы полностью кровью из носа. Больной, здоровый, живой, мертвый – твое дело, а сумму отдай. Взять себе хотя бы часть этих денег – значит украсть. Наверно, она наверху уже тоже была распределена, а свои отдавать там не будут.

Я подумал, что автор системы насмотрелся фильмов о мафии. Меня, между прочим, и раньше удивляла сознательно акцентированная жестокость мафиозных систем. Почему они так демонстративно бесчеловечны? Кстати, как и криминальные. Наверно хотят предупредить всех, своих и чужих, что это особая каста, чтоб никаких послаблений не ждали, что «понятие» выше человеческой судьбы и даже жизни. Есть в этом что-то звериное...

У Касымова месяца два тому назад произошло несчастье - сын, парнишка лет десяти, заболел. Каверна в легких. Страшное дело. Лекарства с черного рынка, кобылье молоко, деньги нянечке в больницу. Расходы, расходы, расходы. Касымов совсем потерял голову и взял три тысячи из «чужих» денег. Одолжил.

Каверна у сына вроде зарубцевалась. И тут его сняли с объектов. Остался совсем без денег. А парню нужно питание, чтобы окрепнуть, и желательны санаторий. Но система понимает отказывалась, чтобы другим неповадно было. Ну, это мы уже знаем.

Жена Каиля была украинкой, родом из села под Полтавой. Она уволилась с работы и уехала с парнем к родным, там свежий воздух, с едой полегче. А Касымов остался один. На каторге, выплачивает долг. Хорошо, что не лежит рядом со Скляренко.

Кое в чем он и сам виноват. Многие для страховки собирали запас под подушкой, помнили, что при любых обстоятельствах деньги нужно отдать «кровь из носа», причем угроза не фигуральная, а совершенно реальная. Не стоило это откладывать до лучших времен. Вот и настали худшие... Но он купил «Москвич», тоже при нашей работе вещь нужная.

Каиль замолчал, и я было решил, что сюрпризам конец. Но оказалось, это присказка, а сказка будет впереди.

Я спросил, все ли наши механики в этой карусели задействованы. Каиль ответил, что абсолютно все, кроме одного-двух штрафников. Что уже два, нет, пожалуй, три года все работает без сбоев, как часы.

Я засомневался.

- Мне объяснили, что вы имитируете аварии, и все такое. Шантажируете. Знаешь, Каиль, как-то неубедительно это звучит. Все вас испугались и согласились? На вас управы нет? А пожаловаться Хабибуллину?

- Как нам приказали, так мы и делаем. Как будто по своей инициативе. И ставим условие - наше начальство ничего знать не должно.

Понятно, техника безопасности, начальство ни при чем. Я тут же хотел спросить, кто приказал. Но решил с этим подождать. Касымов вряд ли захочет стучать на своих.

Он тем временем продолжал.

- И не всегда нужно делать аварию. Наше оборудование, сам знаешь... Они это тоже понимают, многие из них. Можно мирно договориться. А иной раз достаточно сказать, что наш главный инженер сын второго секретаря горкома. Но по правде, от нас не так уж много зависит. Нас бы не испугались.

За этим признанием последовало много интересного и неожиданного. Прежде всего, я понял, что мне очень повезло с Касымовым. Оказалось, что его родственник – а у татар родня, даже дальняя, это не пустая формальность, как часто бывает у русских -

так его родственник был директором одного солидного продуктового магазина. Поэтому Касымов знал многое «с той стороны».

- Мы, механики, советуемся, обсуждаем, как себя лучше вести, это вроде повышения квалификации. Но и там, у торгашей тоже работает свой телеграф. Они тоже связаны. Знают, что и где происходит, не дураки. И мы это знаем. Скажем, кто-то из них уперся, и ни в какую. Мы не шумим, работаем по инструкции. И вдруг рраз - туда приходит инспекция. Или даже ОБХСС, как в гастрономе «Столичный». Такое вот совпадение, - и Касымов мне подмигнул. – Или даже комиссия из горкома. Кто не спрятался, я не виноват.

Я ушам своим не поверил. Так высоко?

- Там в торговле народ ушлый не с первого, так со второго раза даже самые тупые все понимают. Нормальные люди. И передают друг другу по телеграфу. Не вяжись! Соглашайся. Понимают, что деньги через нас уходят наверх.

Связка начальства и правосудия, хотя бы только отдельных их представителей, с мафиозной структурой меня огорошила. Я уже было решил, что переплюнуть впечатление, которое на меня эта новость произвела, Касымову не удастся. Но он постарался.

- Я тебе для смеха расскажу историю, в которой сам участвовал.

Это был длинный монолог. Я его слушал, не прерывая, хотя желания посмеяться у меня не возникло. Перескажу как можно ближе к оригиналу.

И среди директоров были люди, до которых туго доходило. Три ресторана – «Кавказский», «Баку» и «Ереван» взбунтовались. Не из деловых соображений, а из гонора. Одно слово – горцы. Даже пошли на расходы и наняли своих механиков. Запчасти покупали на черном рынке. Джигиты!

Прошло немного времени, и к ним в рестораны повадилась... местная шпана. Шантрапа. Такой тогда в Казани было немало. В основном молодые. Ребята из районов затопления, без дома, без работы. Да и своих казанских прибалтанных хватало. Сложное было время. Вели они себя шумно, неприятно. Заказывали только выпивку. То драка между ними, то того и гляди поножовщина начнется. То разобьют что-то вроде случайно. Касымов тогда работал в «Кавказском». Солидная публика туда приходит перестала, а публика была, нужно сказать, не бедная. Рынки, овощные базы, винные магазины – свои люди. Директор – ба-альшой горец - даже нанял трех-четырёх джигитов для охраны. Те попытались шпану выгнать, сверкнули у джигитов ножи. Шантрапа обходилась бутылками из-под пива. Тут же явилась милиция, скрутила грузин. И посадили их за ношение и применение холодного оружия. Дали конкретные сроки. А директора предупредили, что если еще появятся чужаки с оружием, то он с ними окажется соседом по нарам. Местных, мол, общественность будет перевоспитывать и возьмёт на поруки. Тогда, при Хрущеве, это было в большой моде.

Победители остались на свободе и по-прежнему паслись в ресторане. Все было, как и раньше, пока Касымов не предложил свою помощь. Сказал, что у него есть человек, знакомый, который может навести порядок. Конечно, если... понятно на каких условиях.

- Пришел наш Фима со склада, - закончил рассказ Касымов, - сказал шпане пару слов. Я-то знал, что они его люди. Больше их в «Кавказском» не видели. А два других восточных ресторана сдались без боя. Поняли, что против лома нет приема.

Эту поговорку мне когда-то он уже приводил. Наверно считал её руководством к действию.

А мне пришлось добавить к вышеперечисленным действующим лицам милицию и криминал. Тоже в связке. Так сказать предтеча рэкета.

Я сидел оглушенный услышанным. Мне казалось, что все это фантазмагория, какой-то фильм ужасов, к реальной жизни и строительству коммунизма в одной отдельно взятой стране никакого отношения не имеющий. Поэтому мой следующий вопрос был естественным:

- Тебе не страшно? Ты не боишься, что все может открыться?

Касымов немного подумал.

- Сначала боялся. Потом привык. Деньги неплохие, а даром ничего не дается. Все, кто может, берут на лапу, и за это не судят.

- Да, если бы ты брал себе. А ты отдаешь кому-то, и кто-то за это тебе помогает выдать деньги. Это уже организованная преступность.

- Вот пусть и отвечают те, кто её организовывал, – Касымов понял, что это относится и ко мне, но только пожал плечами.

Я за себя вступился.

- Все будут отвечать, даже невиновные, - и постучал себя по груди. - Если нами займутся.

Касымов при этих словах ободрился.

- В том то и дело, что не займутся. Нет, не займутся.

- Почему, если все незаконно?

- Потому, что всех это устраивает. Торгаши платят немного, зато все работает как штык. У них за это лето ни один килограмм продуктов не испортился. Не зря нам дают первое место. А что незаконно, так у них все дела незаконные. Они так живут. И они ни за что не признаются, что давали нам наличные. Это тоже дело уголовное. А мы... к хорошим заработкам быстро привыкаешь.

Я задумчиво добавил:

- И видно большие люди в этом участвуют...

- Вот видишь. Не допустят. Не боись.

Все-таки странно – почему в Советском союзе эффективно работает только то, что незаконно? Законы плохие или ... Может права Лариса, и наша система безнадежна?

А Касымов снова повторил:

- Это всем выгодно. Не боись.

Но я боялся. Все воспитание мое было против...

Попытка выяснить, как и через кого уходили деньги наверх больших результатов не дала. Как и ожидалось, Касымов на эти вопросы отвечал неохотно. А может действительно знал мало. Лично он деньги отдает бригадиру Копылову. От него же получает приказы и инструкции. Все. Помялся и добавил, что говорят, вроде бы Копылов заходит иногда во флигель к кассирше Синцовой, неприятной старой подвысохшей деве.

- А на склад ничего не отдаете? – меня очень интересовало участие Михалыча.

- Нет, с ними мы не связаны. Там у них свои дела. Какие – не знаю, но уверен, Михалыч без дела не сидит. Что-то и через них проходит.

Я тоже в этом был уверен, но в чем «дела» заключаются, так и не узнал. Только понял, что масштаб незаконной деятельности нашей фирмы больше, чем я знаю, а, следовательно, и вероятность разоблачения возрастает. Час от часу не легче.

На прощанье Касымов очень просил никому о нашем разговоре не рассказывать. У него и так неприятностей хватает. Мне кажется, он уже успел пожалеть о своей откровенности. Я обещал его не выдавать. Хотя все-таки впоследствии немного подвел, но из благих намерений, которыми, как известно, дорога в ад вымощена.

Все казалось совершенно невероятным. Ну, снизу воруют – это мы знали. Но сверху? Ведь у них все есть, как сыр в масле катаются, какого черта им нужно

рисковать? Связываться с уголовщиной? А сомнений в том, что это уголовщина, быть не могло.

Мы жили рядом, и ничего подобного не замечали. Сейчас многим кажется, что после Сталина в Союзе стало довольно-таки спокойно, довольно-таки безопасно, что не было беспредела. Был, уверяю вас был, просто мы не знали, что творится буквально рядом с нами. Да и откуда нам было знать? Средства массовой информации жили совсем в другом мире, виртуальном, интернета не было, голосов из-за границы тоже, разве что слухи типа «одна баба сказала». Но то, о чем я рассказываю, действительно было, я ничего не придумал, может кое-что перепутал по причине склероза, но так, по мелочам. Все было, хотя казалось невероятным. И, если разобраться с позиций сегодняшнего дня, то имелись все основания для этого «невероятного».

Тогда номенклатура имела – во всяком случае по нашим представлениям – все. Пайки, дачи, машины, обслуживание, даже девочек. Все им полагалось. Бесплатно. И в этом была проблема. Единственно, чего у них практически не было в то время – денег. Старую гвардию это еще мало беспокоило, – и то, пока занимали должность – но их «шалопаям» пайков и привилегий было мало. Новое поколение и новое время нуждалось в деньгах.

А впрочем, даже старая номенклатура тоже быстро сообразила, что нельзя зависеть только от должности и пайков. При Сталине главное было выжить. Не до жиру. Но когда при Хрущеве страх стал уходить, то как обычно бывает на сломе эпох, по всей стране начался бурный рост экономических преступлений. Газеты и радио много говорили о борьбе Хрущева – лично – с растущими злоупотреблениями, так это тогда называлось. Судя по всему борьбе безуспешной.

Номенклатура не долго стояла в стороне от этого народного движения, они быстро сообразили, что независимость дают только деньги. И по всей стране стали с большой скоростью прорастать лаборатории по незаконной добыче денег с использованием власти. Как я уже говорил, это была серая зона, вне закона, а значит неизбежной была связь с экономическими уголовниками и обычным криминалом. Впрочем, советская номенклатура и особенно советские правоохранительные органы по сути и по методам работы всегда были самым настоящим криминалитетом. Им всегда был закон не писан.

Мне выпала «честь» свои первые шаги в самостоятельной жизни сделать в организации, которая была в числе пионеров, первопроходцев этого вида коррупции, объединяющего верх, низ и середину. В эпоху Брежнева это закончилось гниением всего организма государства.

Но это понятно сейчас. А тогда...

Тогда я был не только напуган, но и удивлен масштабами действий маленькой, но эффективной организации, которая даже проросла во властные и правоохранительные структуры. Конечно, не бесплатно. И в этом есть своя логика – комбинат был наверно единственной организацией, которая связана со всеми, кто так или иначе торгует продуктами. Можно брать откат сразу и со всех. Масштаб!

Но ведь это очень сложное дело - держать все в равновесии. Следить, чтобы рабочие были под контролем, чтобы клиенты не взбунтовались, чтобы нажим сверху и сбоку был своевременным. Все должно быть жестко, но не чрезмерно, чтоб не довести до взрыва, до доноса от отчаяния или обиды. И в то же время я сознавал, что при крайней необходимости они ни перед чем не остановятся. Да, это была сложная система. Тут нужна голова, как минимум одна очень светлая голова, и чтобы у этой головы были хорошие связи. Я должен был понять, кто руководитель, именно с ним придётся заниматься окончательным решением своего вопроса. В ту или другую сторону. Впрочем, только в одну – я с самого начала твердо знал, что главное в моем случае, как

и в профессии святого в фильме «Праздник святого Йоргена» - вовремя смыться. Других вариантов быть не могло.

Но кандидатов на эту ответственную должность я пока не видел. В штаб входили, безусловно, Михалыч, главный бухгалтер Арика Бабековна и Хабибуллин. Хотя последний больше похож на зицпредседателя Фунта из «Золотого теленка» Ильфа и Перова. А впрочем, в прошлом «Смерш», если это не легенда, и его связи с органами...

Как мне поступить? Нужно быть дважды, трижды осмотрительным. Надеяться на то, что легко отпустят на свободу информированного человека, да еще такого, на которого можно будет свалить вину, не стоило. Не только фильмы, но и просто обычная логика говорили – как минимум они должны быть гарантированы, что я буду молчать. Когда я представлял себе самый надежный вариант гарантии моего молчания... Мда... Неужели до такого может дойти? Это вообще ни в какие ворота не лезет. Чушь, чушь! Вокруг люди нормальные, люди как люди. Но ведь Скляренок лежит? А Лунин, который выпал из окна, вполне мог удариться головой о камень или асфальт...

Мне нужно было принять решение за те полмесяца, которые оставались до объявления о наших победах. Стало понятно, почему руководство так жаждало первого места в соревновании и доски почета. Я вспомнил слова Аркадия: «Тогда к нам так просто не подступишься». Ставить им палки в колеса и лезть на рожон не стоит. Но и затягивать нельзя. Как только – так сразу.

Не стану описывать все варианты, которые приходили мне в голову. В основе было одно: глупо будет, если я явлюсь, скажем, к Хабибуллину и скажу – я все знаю, отпустите меня. Что знаешь, как знаешь, чем докажешь? Нет, это не выход. Нужно повернуть все так, чтобы они сами были вынуждены вызвать меня и открыть карты. Но как это сделать?

Всего две недели.

Две недели я не знал покоя ни днем, ни ночью. Впрочем, пару ночей в неделю мне все-таки удавалось почти забыть о своих тревогах. Правильно, когда ко мне приходила Гала. И здесь следует признание. Каюсь. На тему о некоторых изменениях в моей личной и частной жизни.

Я по-прежнему испытывал - скажем так – очень нежные чувства к Ларисе. Но находясь непрерывно в напряжении и под прессом страхов, заниматься веселыми, ничего не значащими – по сравнению с моими тревогами – милыми разговорами было непросто. Признаюсь, я вскоре почувствовал, что мне не до светских развлечений. А поговорить о своих проблемах не мог... Мало того, помня о её родственных связях, я невольно следил за собой, стараясь не проболтаться о чем-нибудь существенном. Это, безусловно, влияло на наши отношения. Свидания стали более редкими и... не слишком искрились весельем. По-прежнему тепла в наших отношениях не прибавилось, общение оставалось... дистанционным, я бы это так назвал.

Контраст между двумя моими личными жизнями был очень велик.

С Галой я тоже – вы помните – решил ни о чем таком не говорить. Но с ней мы вообще той ночью мало разговаривали, занимались «делом». Это отвлекало и не нагружало. Доставляло житейские радости, о которых – иногда думал я – может еще придётся с тоской вспоминать за решеткой. Короче, уже в конце той же самой недели я снова проделал фокус «рояль в кустах», встретил Галу с Толей и Валей после работы и пригласил её на чашку чая. Гала согласно кивнула.

Удивленно вытаращившему глаза Толе я громко сказал:

- Можешь не торопиться.

Гала опять, на этот раз почти незаметно кивнула.

Какое-то время я шел параллельными курсами и – сам удивляюсь – не комплексовал по этому поводу. Может быть потому, что в это время у меня хватало серьезных поводов для расстройства.

Вот такие изменения произошли на личном фронте.

И что интересно, все напряжение этих дней трансформировалось в чувственность и делало наши с Галой ночи на удивление страстными. Вот вам возможность поразмышлять над странностями психологии человека.

А лирическим отношениям с Ларисой мое настроение, как я только что сказал, на пользу не шло. Я был молчалив, напряжен, хотя изо всех сил старался выглядеть таким, как всегда. Иногда даже не слышал её вопросов, отвечал невпопад. Оттягивал очередное свидание так неуклюже, что это не могло быть незамеченным. Постепенно – наконец-то! - меня стала смущать и двойная жизнь. Но все-таки мне жаль было исчезающей светлой и романтической влюбленности, хоть и слишком платонической. Вот вам еще одна возможность поразмышлять над странностями психологии человека.

Наконец Лариса пригласила – сама – меня в кафе «Сластена», демонстративно сама заказала кофе с пирожным. Я понял, что час расплаты настал. Это была пятница, а в субботу ко мне должна была прийти Галя. Продолжать сидеть на двух стульях – сознаю, что сравнение слабое и немного пошловатое – было невозможно.

- Ну, говори, - сказала Лариса, по-прежнему улыбаясь.

Я старался улыбку не замечать и набрался решимости. Можете поверить, все-таки это было нелегко.

- Лариса, ты очень хороший друг и замечательная девочка. И ко мне хорошо относишься. Но ты не любишь меня. Так оно и останется. Поэтому лучше, чтобы я это понял раньше. Я прав?

На её лице была все та же искренняя улыбка. Она знала, что я скажу и – я почувствовал укол обиды – понимала, что я прав.

Мы оба наговорили друг другу много хорошего и успокаивающего, пообещали оставаться близкими друзьями. До тех пор, пока память сохранила мне воспоминание об этом периоде, мы выполняли свое обещание. Я понимал, что поступил правильно, но...после этой беседы время от времени все-таки появлялись сомнения. Иногда казалось, что я продолжал её любить или во всяком случае, как я уже говорил, очень тепло к ней относиться, а иногда чувствовал, что все прошло. Кроме настоящей дружбы.

В первых числах февраля наконец все состоялось! Нам присудили первое место в тресте, а на городской доске почета уже гордо значился Казанский комбинат треста Хладторгмонтаж. По этому поводу начальство провело торжественное собрание коллектива в актовом зале расположенного по соседству большого проектного бюро. В президиуме сидел добрый десяток представителей разнообразного начальства. Отмечу две запомнившиеся личности. Первая – милицейский полковник! Такой чин означал очень большого начальника, может даже главного в городе. Они с Хабибуллиным дружески общались. И вторая личность – жена Хабибуллина, которая оказалась молодой, лет около тридцати экзотически красивой женщиной. Имя Айгуль – лунолика – очень ей подходило.

И полковник, и особенно Айгуль повысили шансы Хабибуллина на место вдохновителя и организатора системы. Покажи мне свою жену, и я скажу тебе, кто ты. Может его внешняя простота тоже камуфляж высокого класса? Но впрочем, в президиуме восседал и куратор из треста, по-прежнему солидный, умный, в очках...

Собрание было в субботу, чтобы дать возможность начальству и коллективу после празднования прийти в себя. Начальство куда-то отбыло для продолжения торжеств,

меня не позвали. А коллектив разошелся кто куда, но тоже в основном с такой же целью. Я отправился в гостиницу, у меня было свидание с Галой.

К этому времени я не только обдумал, но и утвердил совместно с внутренним авантюристом план дальнейших действий. Решил следовать известному принципу Наполеона – нужно сперва ввязаться в бой, а там видно будет. Как ввязаться? Вызывая огонь на себя. Я настолько устал переживать, сомневаться, строить планы, что на первой же планерке в понедельник начал задуманную операцию.

Пока Аркадий перебирал на столе бумажки, я перехватил инициативу.

- Начнем, - мой голос был голосом начальника цеха, - с сегодняшнего дня вести планерку буду я.

Не знаю, какие мысли в этот момент отразились на лице Аркадия, я на него не смотрел.

Я взял подготовленные Лисицыной материалы, раздал наряды на обслуживание, все было как обычно. Потом дошла очередь до монтажа.

- Есть два новых монтажа. Я их поручаю Касымову. Он недогружен. – И повернулся к Лисицыной. – Оформите, пожалуйста.

Касымов сначала покраснел, потом побледнел. Обрадовался и испугался, чего больше я не понял.

Мне показалось, Аркадий пытается что-то сказать, но я перебил.

- Все, планерка окончена, приступаем к работе.

Вот теперь я повернулся к Аркадию. На его лице еще оставалось выражение – чего-то подобного следовало ожидать. Потом его сменило другое – придется пойти к директору.

- Аркаша, ты не обижайся, что я не предупредил. Но лучше ужасный конец, чем... ты понижаешь.

Он понимал. И был неплохим парнем. Относительно неплохим.

- Что я... Не во мне дело. Я пошел.

Он вышел в коридор и завернул направо. К директору.

Два дня ничего не происходило. Я не только царствовал, но и управлял. Хотя все шло без эксцессов, как обычно, как происходило бы без меня. Я уже подумывал, что нужно опять замутить воду и кого-то куда-то переставить. Но тут появилась секретарша Света, и сказала, что меня вызывает Хабибуллин. Наконец!

Он меня встретил добродушной и безразличной улыбкой.

- А, Подольский. Ну, заходите, садитесь.

Я сел, и подумал, что вряд ли передо мной сидит светлая голова, создавшая крепкую мафиозную структуру.

- Я вас слушаю.

- Я собственно... Света сказала, что вы меня вызывали?

Прозвучало, как «вот вы и говорите».

Хабибуллин оценил мои дипломатические способности и насмешливо улыбнулся.

- Давно хотел спросить, как вам нравится ваша работа?

Получалось, что все равно разговор придется начинать мне. Я так устал от неопределенности, что не задумываясь решительно пошел по пути - «лучшие ужасный конец». И почти без колебаний ответил:

- Нет, не нравится.

Мне удалось его немного удивить, но, думаю, только решительностью. О том, что со мной будут проблемы, Хабибуллин наверняка догадывался. А ему меня удивить удалось. После моих слов улыбка его растаяла, в глазах появился ледок, передо мной

теперь сидел человек решительный и энергичный. И преобразование произошло очень быстро, мгновенно,

На несколько секунд он задумался, молчал и я. Потом продолжил, резко и сухо.

- Хорошо, давайте так. Я не буду спрашивать, почему вам работа не нравится. В конце концов, наклонности и вкусы бывают разные. Правильно?

Даже голос стал жёстким, исчез легкий татарский акцент, который тоже оказался элементом камуфляжа. Я понял, что попал по адресу. Этот человек и будет решать мою судьбу.

- Да, наверно лучше не спрашивать, - выступать перед ним с разоблачениями было по меньшей мере глупо.

- Поставлю вопрос иначе. За эти месяцы вы полностью разобрались во всех нюансах работы цеха?

Нюансах! Куда девалась его простота?

- Да, думаю, разобрался во всем.

- И как вы намерены поступить?

Я решил немного перейти в наступление.

- Боюсь, что это зависит не только от моего желания.

Хабибуллин начал терять терпение.

- Конкретно, чего бы вы хотели?

- Уехать отсюда.

- Куда?

Я брякнул:

- Куда глаза глядят, - и с трудом удержался, чтобы не добавить «к чертовой матери».

Теперь к Хабибуллину вернулась улыбка, но не такая, как раньше. Ирония, насмешка – все в ней было, все кроме добродушия.

- Яснее ясного. Теперь я вам объясню. Я молодого специалиста по закону раньше, чем через три года отпустить не могу. Нужно специальное разрешение и основания. А какие у меня основания? За почти полгода вашей работы цех получил первое место, доска почета. Все сделано под вашим руководством. Никто в работу цеха не вмешивался. Ведь так? Все распоряжения ваши и только ваши. Вы главный организатор наших побед.

Он откровенно смеялся надо мной!

Я решил не продолжать разговор намеками, пошел напрямую

- Именно потому, что я оказался вроде бы главным организатором, - я не утерпел и вставил, - наших общих с вами побед, меня можно отпустить. Не стоит бояться, что я сам себе надену на шею...

Хабибуллин меня перебил, он все-таки не хотел называть вещи своими именами.

- Теперь слушайте меня. У нас так - сказано, считай что уже сделано. Есть два варианта. Первый – все остается как есть, точнее вы полностью, - он подчеркнул слово «полностью» - примете все полномочия Аркадия Хроменько.

Он помолчал, подчеркивая паузой значение сказанного. То есть вместе с солидными, но незаконными доходами. Я попытался ответить отказом, но Хабибуллин сделал предупреждающий жест рукой. И продолжил столь же веско.

- И второй вариант. Я перевожу вас в монтажники, вы там проработаете год, потом вернемся к разговору. Из монтажников вас легче уволить. Но предупреждаю – монтажником на общих основаниях. – Он интонационно подчеркнул. - Как все, так и вы. Понятно?

Значит тоже со взятками. Для него дополнительная гарантия, для меня прямое участие. Да, прямое, осознанное участие, потом не отвертишься.

Я опять попытался возразить, но Хабибуллин не дал мне такой возможности.

- Все. На сегодня все. Мое предложение окончательное. Сейчас отвечать не нужно. Даю вам три дня на обдумывание. В понедельник зайдете.

В ответ на мою отчаянную попытку вставить хоть слово, он таким голосом сказал: «Три дня!», что я молча поднялся и ушел из кабинета, даже не рискнув попрощаться. Сомнений не оставалось - Хабибуллин отец системы. Крестный отец.

Теперь я в свою очередь попытаюсь удивить вас. После беседы с Хабибуллиным неожиданно пришло понимание – конец разброду и шатаниям. Появилась твердая уверенность в том, что в этом болоте я ни за что не останусь. Это решение окончательное. А на шантаж нужно ответить шантажом, на угрозы – угрозой. И не только словами - я действительно был готов применить крайние меры, если Хабибуллин меня не отпустит с миром. Ничего хуже любого из двух его предложений быть не могло. Мой ультиматум должен звучать примерно так – либо меня увольняют, и я в первую очередь в своих интересах буду нем, как рыба, либо я немедленно иду с признанием в милицию. Смягчающими вину обстоятельствами будут: явка с повинной, моя неосведомленность и то, что пока еще не взял ни копейки из незаконных доходов. Меня накажут, конечно, за ротозейство, и вполне заслужено, но это лучше, чем участие в преступлении. Тяжелое решение, но неизбежное. Добром они меня не отпустят.

Чем серьезней я рассматривал такой вариант, тем все более и более надежным выходом он мне казался. Конечно рискованно, конечно авантюрно. И не очень в моем стиле – но что делать, се ля ви.

Мне очень хотелось с кем-нибудь посоветоваться. К примеру с Галой, её рассудительности и здравому смыслу вполне можно довериться. Но я твердо – и правильно – решил свою подругу в это опасное дело не впутывать. Расхожая фраза - «они не перед чем не остановятся» - абсолютно подходила к данной ситуации, на сто процентов. И не только Галя, все немногие мои знакомые в Казани тоже не могут себя чувствовать в абсолютной безопасности. А вдруг, система заподозрит, что я с кем-то поделился? Вы, дорогие мои, наверно подумали, что я с перепугу дую на воду? Но на следующий день после описанного разговора я получил некоторое подтверждение этим опасениям, а заодно и предложение посоветоваться. Приглашение поступило от Аркадия Хроменько.

После работы он предложил мне пойти в «Василек» и «погутарить». Я пошел с удовольствием. Откровенничать с ним, естественно не собирался, но понимал, что кое-что новое мне, возможно, через него будет передано. На особую заботу о себе с его стороны я не рассчитывал, но и прямого предательства тоже не ожидал. Все-таки он был, в общем, неплохой парень. Относительно неплохой.

На этот раз мы взяли три раза по пятьдесят коньяка, каких-то пару бутербродов и по две чашки кофе. Разговор был не очень содержательным, а выражение лица Аркадия предупреждало, чтобы я не очень доверял услышанному.

По его словам начальство не сомневается в том, что я буду молчать, так как заведомо являюсь главным обвиняемым.

- Вместе со мной, - для объективности добавил он. – Я предлагал Хабибуллину отказаться от тебя, найти причину. Знаешь, что он мне ответил?

- Что?

- Пришлют другого. Легче найти управу на сопляка, чем объяснять в главке, какие такие у нас в комбинате дела, что мы не можем принять молодого специалиста со стороны. Вот что он сказал.

Я подумал, что управу действительно могут найти...

Аркадий продолжал. Но я могу проболтаться кому-нибудь, в этом проблема. Мне кажется, он всерьез переживал за Ларису. Я уверил, как мог, мол, мне такая глупость

даже в голову не придёт, и намекнул на то, что неплохо бы это предать по инстанции. Хотя меня самого – вы помните – тоже волновала безопасность моих друзей. Но оказалось, мы не понимали технологии схемы... У Хабибуллина к этой проблеме был другой подход.

Разговор продолжался еще какое-то время. Аркадию очень не хотелось опять становиться на мое место. Лучше – во всяком случае для него - чтобы я не буянил. И мне не стоит играть с огнем. Возле этих двух тем мы бродили довольно долго. Потом Аркадий посмотрел на часы и сказал, что ему пора. Мы распрощались, я обещал подумать и быть осторожным. Не играть с огнем.

На улице немного потеплело, и я решил пойти домой пешком. Ходьбы минут 18-20, автобус ждать не меньше. Было совсем темно – февраль. И было о чем подумать. Автобус меня так и не обогнал. Я завернул в переулок. Там было темновато. Сразу за поворотом между мной и тускло светящейся вывеской «Нева» я увидел группу из нескольких человек, которые оживленно беседовали. Подошел ближе и разглядел, что это два парня и девушка. Парни высокие, крепкие, и кажется, они к ней приставали. Один держал её за рукав, другой пытался схватить за руку.

- Отпустите меня, ребята, - не очень громко, но умоляюще сказала она.

Я уже был совсем близко. Не хотелось искать неприятности на свою голову, но нельзя же пройти мимо. И сто пятьдесят коньяка...

- Ребята, оставьте её, нехорошо, - довольно миролюбиво сказал я.

Парни повернулись ко мне лицом, и я всех троих хорошо рассмотрел. Девушка была – как бы тактичней сказать – не из интеллигентной семьи. Яркая помада, даже в полутьме видны накрашенные брови. Мужской состав был интернациональным, один татарин, очень похож на Касымова, симпатичный, высокий, плотный и круглолицый, а второй определенно славянин. Они тоже – видно по одежде и манерам – не из аристократов.

Девушка воспользовалась тем, что её отпустили, выскользнула и засемила к выходу из переулочка – на улице было скользко. Правда успела мне улыбнуться, я решил, что из чувства благодарности.

Первую скрипку играл славянин. Он начал почему-то с вопроса:

- Тебя как звать?

Я сказал Саша и подумал, что дело обойдется беседой. Думал так недолго. Ужасный удар под дых, литературно говоря в солнечное сплетение, лишил меня возможности не только говорить, но и думать.

Били меня не долго и не очень свирепо, но в перерывах учили уму разуму. В основном бил по печени, по ребрам и учил славянин, а симпатичный татарин легонько покалывал меня острым ножичком в шею, порезы и кровь были. Хотя немного. Лицо вообще не трогали. И только когда я упал, все тот же симпатичный татарин крепко стукнул меня ногой. Так появилась трещина в ребре.

Когда они ушли, я поднялся, побрел на главную улицу, остановил такси – повезло – и отправился в травматологию, туда, где недавно лежал Складенко.

По дороге я вспоминал, чему меня учили. Для бандитов они были слишком разговорчивыми. Что там было? Не надо лезть своим длинным носом в чужие порядки, и не нужно считать себя очень культурным. Судя по всему они знали, что я приезжий и с образованием, хотя кроме имени ничего сказать так и не удалось. Откуда такой вывод - даже очков и шляпы на мне не было? Не помню как, но тоже стало понятно, что им известно, где я живу, наверно потому, что славянин обещал найти меня, если понадобится. Но главное, на что они нажимали – если я пойду в милицию, то они меня – нет, не убьют, хуже. Татарин сказал, что выколет мне глаз, и почти сделал это - в глаз капнуло что-то теплое, и до сих пор у меня одна бровь так и осталась раздвоенной. А

славянин пообещал отрезать яйца. И добавил, что они слов на ветер не бросают. Я к этим угрозам отнесся очень серьезно, потому что вспомнил слова Хабибуллина – сказано, считай уже сделано. Смысл один и тот же. Словом, я сразу связал случившееся с двумя предложенными им вариантами. Таким убедительным способом мне было передано предупреждение - с милицией не связываться.

Конечно, возможно и простое совпадение. Скажем, если бы бандиты где-то подловили меня, тогда сомнений бы не было. А так я вмешался в их беседу, сам напросился, и вряд ли кто-то мог поверить, что такое подстроено. Кроме меня. Я поверил. На меня и было рассчитано.

В больнице мне обработали ранки, сделали рентген, повязку на грудь, даже предложили полежать. Я отказался, хотя болело все сильнее. Но справку о побоях на всякий случай взял.

Когда вернулся в гостиницу, наш жаворонок уже спал. Я долго не мог уснуть лежал на одном боку, поворачиваться было больно. Но гораздо больше мне мешали мысли. Сообщаю честно – той уверенности, которая у меня была до беседы с бандитами уже и след простыл. Уснул когда начало светать. Только – мне казалось – сомкнул глаза, как услышал:

- Детки в школу собирайтесь,
Петушок пропел давно.

Я кряхтя поднялся с кровати. Толя, конечно, спросил, что случилось. Описал все – сам удивляюсь – в героических тонах. Защитил женщину, их было трое – наверно стыдно было признаться, что двоим не попытался дать сдачи. Предупредил, что ко мне сегодня придет Гала. Потом сошел вниз, позвонил на работу секретарю и сказал, что заболел.

Когда вернулся в номер, жаворонок уже улетел. Я лег спать.

Разбудила меня Гала. Ей я рассказал то же, что и Толе. И тоже – каюсь – приврал. Гала мне сочувствовала и даже испугалась. Наклейки на шее и на веке, повязка на груди, синяки, особенно на животе и спине. Она переживала, мое нервное напряжение зашкаливало. Поэтому ночь была необыкновенная. Звездная. Ничего похожего – насколько я помню – у меня ни до, ни после не было. Я успел с ужасом подумать, что если славянин выполнит свою угрозу, то я много потеряю в жизни. Под утро Гала сказала, что любит меня. Назвала любимым. Я её дорогой. О любви пока не думал, может под влиянием теорий Анатолия. Может действительно любовь и то, что у нас с Галой происходит, разные понятия? Но все-таки очень похоже.

Днем в обед мы выпили немного вина. Гала сказала, что написала жениху о разрыве с ним. Я в ответ рассказал, что мы с Ларисой решили оставаться просто друзьями. Обед пришлось прервать на некоторое время.

За воскресенье я отдохнул, набрался сил. Но ни к каким окончательным решениям не пришел.

А в понедельник меня встретил на крыльце Аркадий и посмотрел... как солдат на вошь. Во всяком случае, со злобой.

- Что стряслось?

- На Лару вчера вечером кто-то напал в парадной. Хотел изнасиловать. Хорошо, что бандита спугнули... Ты соображаешь, что может произойти?

Потом он заметил, что я немного скособочен, увидел наклейки на лице и шее. Но ни о чем не спросил. Замолчал. А меня осенило. Я вспомнил, как он сказал в «Васильке», что ему пора и посмотрел на часы. И ответил ему тоже взглядом солдата.

- Я соображаю? А ты? Ты соображаешь? Тебе поручили в пятницу задержать меня, пока не стемнеет?

На его лице отразилось сначала непонимание, потом сомнение, потом подозрение. Он не очень быстро связывал сказанное мною. Я результатов этих размышлений ждать не стал, прошел мимо, вошел в контору и заглянул в бухгалтерию. Лариса о чем-то разговаривала с Антоновной, выглядела нормально, может немного не такой румяной и цветущей, как обычно, может прическа была не такой ухоженной и пышной.

Да, они не останутся. Касымов прав. Против лома нет приема.

Я сдался.

Зашел к Хабибуллину, не поздоровался – не из принципа, просто забыл - и сказал:

- Хочу работать в паре с Касымовым. Если он согласится. И чтобы с него сняли санкции.

Хабибуллин кивнул.

- С сегодняшнего дня?

Он опять кивнул. Я повернулся и вышел. Не попрощался, на этот раз сознательно.

Я думаю, что высшие силы или подсознание высоко оценили казанский период моей жизни, сохранив его в памяти, несмотря на казалось бы мрачное начало. Дальше вы поймете почему. Впрочем, могу анонсировать - потому что я был счастлив.

Не стану лицемерить – я не долго мучился угрызениями совести, хотя повод для этого был. В ближайший после разговора с Хабибуллиным аванс я получил полторы тысячи рублей. В получку еще столько же, а Касымов вручил мне наличными три. Шесть тысяч рублей за месяц должны были заставить меня сгорать со стыда, но... не заставили. Я оправдывал себя очень убедительными доводами. Главный из них – я не собирался добывать несправедные деньги, а случайно попал в ловушку, из которой целым мне выбраться не удалось бы ни в каком варианте. Даже если бы хватило мужества пойти на решительные шаги – любые - мне бы это не помогло. Я мог добиться только одного – стать в лучшем случае калекой. Меня бы никто – включая милицейского полковника - даже не стал бы слушать. А по дороге со стопроцентной гарантией интернациональный дуэт в составе славянина и татарина выполнили бы свои обещания. И еще раз хочу напомнить – я уже признавался - героем не был. И понимал это.

Мне было ясно, что с точки зрения возможной кары в будущем мое положение принципиально изменилось - теперь я знаю и беру. Какое-то время, правда, для очистки совести пытался не тратить «левые» деньги, положил их на счет в банке. Но мудрый Хабибуллин нашел способ решить и эту проблему. Нам с Толей внезапно объявили, что номер в гостинице закрывается на ремонт. Квартирных денег, которые комбинат мне предложил, даже на самый убогий клоповник не хватило бы. Это был сделано вызывающе. Я принял вызов. Раз так – будем жить по-человечески. Сниму нормальное жилье, и справедливо потрачу несправедливо навязанные мне деньги.

Тратиться на Толю мне не хотелось, тем более что он демонстративно выживал Галу из квартиры в Дербышках. Я догадывался, что он в принципе не прочь жить с Валюхой, во всяком случае, до тех пор, пока не наступит время для новых ощущений. А может быть сходятся не только противоположности, но и тождества?

Но наверно хватит намекать и оправдываться - я предложил наполовину бездомной Гале снять вместе со мной приличную двухкомнатную квартиру. Сказал, что деньги у меня есть. Предложил не только из альтруизма. Отношения у нас определенно становились все более стабильными. И я уже время от времени чувствовал необходимость в её присутствии не только ночью. Иногда мне казалось, что мы с ней общаемся – в широком смысле – уже давно. И признаюсь, её хозяйственные таланты только укрепляли наши отношения, даже в какой-то степени превращали их в зависимость. Но такое решение было непростым и смелым, в первую очередь для неё.

Насколько я понял, Гала была не прочь узаконить наше совместное проживание, ей не хотелось эпатировать общественность свободой нравов. Тогда такие случаи были крайне редки и не популярны. Но она не была полностью уверена, что мы созрели для такого жизненно важного решения. Я же в свою очередь, во всяком случае в ближайшее время, связывать себя узами определенно не хотел. Мы откровенно поговорили на эту тему и дружно приняли стандартный по форме и содержанию вариант - «проверим серьезность наших отношений, а потом будем решать».

Словом, посопротивлявшись некоторое время, поболтавшись по вечерам на улице, выяснив цены на квартирном рынке, она согласилась. Но подозреваю, что в действительности это делалось для самооправдания, Гала хотела остаться со мной, даже думаю не меньше, чем я. Уж слишком складно все у нас с ней получалось. Может не достаточно романтично, о чем я думал, когда видел Ларису, которая становилась все очаровательней, прелестней, пленительней – можете дальше добавлять эпитеты – во всяком случае, в моих глазах. Но я был – и самокритично признавался в этом себе – недостойн её, слишком обычный... и слишком земной.

Гала с самого начала приняла как неизбежность неравные финансовые вливания в нашу совместную жизнь. Она искренне считала, что львиная доля усилий по быту должна ложиться на плечи женщины и на практике доказывала это, а «мужику» положено добывать мамонта и охранять очаг. Думаю, примерно так было принято у неё в семье – Галин отец был военным. И если я перешел на более высоко оплачиваемую работу, то это мое решение. Она готова была принять меня в должности рабочего, принять мое решение... и мою зарплату. Хотя понимала, что я перешел в монтажники не только из-за денег, догадывалась и о других причинах. Помнила свой поход в больницу к Складенко. Но такой характер был у бывшего комсомольского вожака курса, что она не спрашивала, ждала, когда я скажу. А я не говорил, чтобы не вовлекать. Два наших характера действовали синхронно.

Итак, мы сняли очень неплохую двухкомнатную квартиру с небольшой кухней и даже ванную с ванной – Гала не могла поверить своему счастью и торжественно объявила, что будет благодарна мне всю оставшуюся жизнь. Я немного испугался и сказал, что на всю жизнь не стоит зарекаться.

Очень важным было стратегическое расположение нового жилья – недалеко от компрессорного завода и близко к квартире Касымова, который, стати сказать, с удовольствием согласился взять меня в напарники. Каиль, как вы уже знаете, ездил на машине, поэтому я неплохо устроился – утром он заезжал за мной, а после работы возвращал по месту жительства, что было еще важнее. Почему важнее, надеюсь, понятно. Трудясь в значных местах, мы нередко возвращались домой с пакетами не только обычных продуктов, но и деликатесов. Это не считалось чем-то зазорным, во-первых – я уже говорил – все несли домой, что могли, а, во-вторых, мы никогда ничего не брали в виде взятки, всегда платили, это был принцип. За это нас на объектах уважали. Своеобразный кодекс благородства - в те времена труднее было достать продукты, тем более по госцене, чем купить. Кстати, в ходу поэтому часто было слово «достать». «Я достала кило отличной колбасы».

А летом – сбылась мечта! – я ездил на мотоцикле, получив законные права, а багажник предназначался для продуктов – инструмент на «Москвиче» возил Касымов.

Так я говорил о счастье. Хорошая квартира, в ней отличная, как-то незаметно все успевающая опрятная хозяйка, с которой мы не просто ладили, а вскоре выяснилось, жили в полном согласии, едва ли не душа в душу. Взаимопонимание у нас было удивительное. Вы не поверите, но нередко она отвечала на вопрос, который я еще не успел задать. А я – по её словам – отвечал тем же. И очень важно: впервые в жизни я понял, как все изменяется, когда есть деньги, когда можно их не очень внимательно

считать. По тем временам семь тысяч рублей было, пожалуй, даже больше, чем достаточно для двух не избалованных достатком молодых людей. Плюс – как я уже только что упоминал – доступ к дефицитным продуктам и летом мотоцикл. Все это вместе взятое давало какое-то особое чувство свободы и независимости. Говорят, что денег всегда мало – я этого не чувствовал, мне было вполне достаточно.

Кстати, маме я денег не посылал и о переменах в моем служебном положении не сообщал – не хотел волновать. Мало того, что она за меня переживала, так еще к тому же была болезненно щепетильна. Левые деньги у сына – это было бы для неё трагедией. А откуда они у начинающего инженера могли взяться «справа»? И о снятой недешевой двухкомнатной квартире, о своем незаконном семейном статусе тоже пока не докладывал. Решил, что когда приеду в отпуск, проведу соответствующую разъяснительную работу.

В комплект свободы и независимости входила – это очень важно – и работа. Каиль не прогадал, когда из чувства благодарности согласился взять «интеллигента» в напарники. Возиться со мной ему не пришлось. Я, как вы знаете, был человеком организованным, к тому же неожиданно для себя оказался «рукастым». Работа холодильщика нелегкая, нужно таскать, передвигать, гнуть трубы, куда-то залезать и откуда-то вылезать. Я все это делал добросовестно, не халтурил. Но в дополнение к этому знал многое из того, о чем механики понятия не имели. Знал теорию, знал кое-что из опыта передовых стран. И в конце концов не напрасно меня пять лет учили соображать даже в не очень любимой мною технике. В конторе выписывали журнал «Холод», и я был единственным человеком, который этот журнал открывал.

Поэтому принял решение – постараюсь компенсировать незаконно получаемые деньги дополнительной, можно даже сказать с некоторой натяжкой, творческой работой. Может мне это как-то зачтется в крайнем случае...

На своих объектах мы с Каилем применили некоторые мои новации. Коротко, не удержусь, хотя понимаю – лишняя для вас нагрузка.

Оттайка покрытых шубой – льдом - испарителей тогда была проблемой. Во-первых, когда это делать? Наш самодельный датчик давал сигнал, когда шуба достигала определенной толщины. Потом сама оттайка льда на ибыла хлопотной и долгой процедурой. Рядом с батареями лежали замороженные или охлажденные продукты. Какие-то нужно было переносить в другой холодильник, какие-то превращались в продукт «второй свежести». Жди пока все на батареях растает, стечет и просохнет... Словом морока. Я вычитал, что уже где-то на западе поступают иначе. Короче, как сегодня переключают кондиционер на холод и тепло, так наша схема в испарители загоняла горячий фреон, и оттайка происходила за считанные минуты. А нужные комплектующие я доставал через Михалыча, с которым наладил отношения. Он оказался не бандитом, а жертвой своей креативной натуры.

- Ему бы нормальный капитализм, и цены бы его экономической изобретательности не было, - говорила мне Лариса, лишний раз доказывая, что умнее меня.

Оказалось, что Хабибуллин «выкупил» его у органов и держал мертвой хваткой. А Фима при нем был «смотрящим», как это принято сейчас называть.

Михалыч действительно мог достать все. Он как-то «сообразил» нам импортные сальники, которые в отличие от советских - представьте себе - не текли. Тоже было решением серьезной проблемы. И прочее, и прочее, и прочее. В результате авторитет тандема рос, и нам с Касымовым еще кое-где кое-что добавили в рублях, на этот раз действительно втайне от дирекции. И даже стали сманивать на другие объекты.

Хочу предупредить, кажется, я немного – а может и много – преувеличил наши достижения, скорей всего это результат приятных воспоминаний о каком-то комплексном благополучии, во всех направлениях.

Наряды и материалы в комбинате получал Каиль, я там практически не появлялся. Два раза в месяц заходил в кассу за авансом и получкой. Так что неприятных встреч у меня почти не было. Как-то Аркадий попытался объясниться, но я слушал его в пол уха. Не трудно было представить, как все происходило. В тот день Хабибуллин сказал - или приказал - Аркадию назначить вечером встречу со мной и посоветовать не болтать лишнего никому из знакомых. А после свидания часов в восемь часов позвонить, сообщить результат разговора, мол, он будет дома. Примерно так наверно и было, хотя не знаю, верил ли себе Аркадий. Может верил, может действительно не подумал. Он в принципе был относительно неплохим парнем. Но относительно. Простить побои было нелегко, и я постарался с ним как можно меньше сталкиваться. А с Хабибуллиным умудрялся не встречаться месяцами.

Идиллия, да и только. Самостоятельная работа, никаких неприятных встреч! Только когда началась активность в институте Ларисы, я раз в неделю – иногда два раза - после работы, вечером, когда в комбинате кроме охраны уже никого не было, заходил в бухгалтерию и помогал ей в борьбе с разными Гауссами. Гала, естественно, знала об этом, но никак не реагировала, во всяком случае внешне. Точнее почти не реагировала. Разве что в пределах разумного. Наверно все-таки было заметно, что я после встреч с Ларисой некоторое время пребывал в романтическом настроении, так как примерно можно себя чувствовать после чтения хороших искренних стихов.

Гала оказалась очень гостеприимной хозяйкой. Она часто приглашала в будний день на ужин или в воскресенье на обед одинокого Каиля. И гораздо легче, чем я, примирилась с буйной парой Толя-Валюха. Они тоже стали появляться у нас за сытным столом. К лету вернулась жена Каиля с сыном, мы стали дружить семьями.

И все это на фоне финансового благополучия. Воистину идиллия!

Когда все хорошо, даже отлично, бесппроблемно, то и писать вроде бы не о чем. Точно так же, как если все беспросветно и бесперспективно. Дорогие мои, не волнуйтесь, перемены предвидятся, не знаю к лучшему или к худшему. Скажем так – комбинированные.

Начались они в середине лета.

Меня опасения мучили все реже и реже, хотя тюремная камера с Фимой в качестве соседа время от времени снилась. Этот сон воспроизводился всегда в совершенно одинаковом формате. Но была одна странная особенность – мне казалось, что я просыпался... и опять оказывался в камере. А Фима – вот он, рукой подать. Я даже суеверно решил, что это своеобразная форма наказания свыше за несправедную жизнь. И иногда утешал себя надеждами – может божьим судом все ограничится и до уголовного не дойдет?

Гала довольно быстро привыкала жить не на инженерные доходы и входила во вкус. Но вела себя разумно и тактично, в соответствии со своими взглядами и характером, которые я все больше и больше ценил. На еду и бытовые нужды она тратила деньги, ни о чем меня не спрашивая, но в то же время требовалась моя инициатива, чтобы она потратилась лично на себя.

- Ты можешь купить себе, наконец, хорошие сапоги? Почему я должен тебе об этом напоминать?

Я был недоволен, считал, что это не по-семейному. Меня её «забобоны» только раздражали. Но понимал - полностью по-семейному она все будет считать только после получения штампа в паспорте. И все же настойчиво просил не быть ханжой. Постепенно кое-каких успехов в этом направлении мне удалось добиться. У неё появилась теплая красивая кофточка – сюрприз для меня. И сапоги. Лед тронулся. Мне вещи она покупала без консультации. Есть деньги – нужно тратить!

Такое благолепие – иначе не назовешь – продолжалось до тех пор, пока летом, кажется, это было в начале июля, ей в руки не попал мой расчетный лист зарплаты за июнь. Она проверяла карманы моей одежды перед стиркой – обычная ситуация – а я забыл этот долбаный счет выбросить, порвать или, в крайнем случае, съесть.

Там было написано, что за месяц я получил две тысячи шестьсот, минус налоги. Откуда еще как минимум три тысячи? И их происхождение? Гала в наших общих доходах разбиралась лучше меня, всю бухгалтерию – как уже я только что сообщил – я с удовольствием вместе с деньгами передал ей. Не потому, что не был жадным – хотя и поэтому тоже – просто так было мне удобней. Я приносил мамонта, все остальное с облегчением возлагал на неё.

Когда я в тот злосчастный вечер появился дома – а приходил, как правило, позже её – то меня ожидал допрос. Я держался стойко и не раскололся.

- Ты мне расскажешь, что происходит? Откуда деньги?

- Нет, извини, не могу. Для твоей же пользы.

Эти фразы в различных вариантах мы повторили несколько раз. Гала надоедливой не была и вообще не любила бросать слов на ветер. Она отступила. Но определенно расстроилась. И понятно. Раз я отказывался объяснять, то значит деньги пришли незаконным путем. А это с точки зрения нормального порядочного человека, да еще в недалеком прошлом комсорга вещь недопустимая. Конечно, жизнь с деньгами удобна, перспектива вернуться в конуру, подобную той, в которой она мыкалась с Валюхой, да еще на жалкие – с позиций её нынешнего положения – инженерные копейки её пугала. Сильнейший диссонанс, взрывоопасная смесь! Гала была бы рада, чтобы я как-нибудь более-менее съедобно объяснил ситуацию. «Я сам обманываться рад». Но я молчал, как в танке. Не подготовился. Дело могло кончиться взрывом и разрывом.

Только к ночи я сообразил, что нужно сказать.

После того, как мы легли и перед тем как попытаться воздействовать на неё известным семейным парами способом, я с опозданием объяснил, что деньги платят организации за мои рацпредложения. О них Гала была наслышана, вы уже поняли, что похвастаться я не прочь. Эти воплощенные в жизнь идеи приносят магазинам, складам и ресторанам большую экономию, тонны неиспорченных товаров. А каждой из этих организаций в благодарность и поощрение заплатит каких-то 300-400 рублей в месяц сущие пустяки, копейки – она знала, что у нас с Каилем семь-восемь объектов. Вот отсюда и дополнительные деньги.

- Почему ты сразу мне не сказал? – недоверие её было вполне естественным.

Но на этот раз я подготовился.

- Потому что это чаевые, наличными. Им выгоднее платить неофициально, ты же знаешь, что здравый смысл нашими законами не предусмотрен. Тысяча оформлений и согласований. А в торговле наличных хватает на всех. То есть это не совсем чисто, и я не хотел смущать твою комсомольскую совесть.

Я не мог отказать себе в удовольствии её подколоть.

Гала позволила себя уговорить, конфликт интересов и морали был слишком силен. Но в подсознании – ох уж это подсознание! – проблемы остались. Думаю и в сознании тоже. И там – я понял это позже – продолжались попытки поиска выхода из сложного положения: как сохранить уровень жизни и не омрачать эту жизнь опасениями и укорами совести.

Я догадывался об этих не высказываемых ею даже самой себе сомнениях. Время от времени сигналы появлялись. Вот один из них: Гала стала очень бояться забеременеть и применяла в соответствующих ситуациях – а таких, вы понимаете, у нас хватало, дело молодое – все мыслимые и немыслимые способы предохранения. Я как-то спросил:

- Чего ты так боишься? Ну, в крайнем случае, будет ребенок. Мы же вместе...

Ответ был неожиданным, я думаю для нас двоих:

- А если его отец будет сидеть в тюрьме?..

Мы потом вместе как могли выпутывались из этой фразы. Но послевкусие осталось надолго.

О тайных мыслях Галы я мог только догадываться, но от себя у меня секретов не было. И после этой истории пришлось с изумлением признать, что мое отношение к нашей гражданской семье претерпело серьезные изменения. Я впервые за все время подумал, что Гала может уйти, и испытал как минимум беспокойство. Оказалось, что жизнь в качестве свободного и одинокого холостяка я себе уже не представляю. Но что еще существенней, пугала меня не столько потеря устроенного быта, сколько... Да, я неожиданно для себя осознал, что видеть Галу, говорить и молчать с ней, и прочее, и прочее, в том числе и то, о чем говорить не принято, стало жизненной необходимостью. Кажется в данном конкретном случае теория Анатолия Салова о разделении отношений между мужчиной и женщиной на два малосвязанных между собой фактора оказалась несостоятельной. Я впервые заподозрил, что это любовь, которая объединяет все стороны жизни.

Пока только заподозрил.

И впервые у меня появилось желание узнать, как Гала ко мне относится. До сих пор глубина её чувств меня не то что бы не интересовала, просто я об этом не задумывался. Ведь мы вместе постановили - «проверим серьезность наших отношений, а потом будем решать». Может время выяснить результаты этой проверки уже наступило? Правда, она, как и раньше, время от времени называла меня дорогой, и даже любимый, но это было только в экстремальных ситуациях. В общем – и я об этом упоминал - Гала была внешне не слишком эмоциональной.

А может и внутренне тоже.

Я уже был близок к тому, чтобы попытаться получить от неё ответ на этот воистину жизненно важный вопрос. Что меня останавливало? Увы, то что у меня самого ответа на него не было. Пока, повторю, были только подозрения, правда, как говорят следователи, достаточно обоснованные. Но все-таки не уверенность.

И я решил с объяснениями обождать. Тем более, что Гала собиралась в августе в отпуск к родителям. А у нас на комбинате было суровое правило – летом, в жару никаких отпусков. Не раньше, чем в начале октября.

В августе она отправилась в родные Черновцы, и даже купила подарки, правда, потащив меня с собой в магазин, вроде бы для советов. Рецидив щепетильности. На себя она уже кое-как приспособилась тратить, на родню было все-таки неловко. Я не случайно пишу об этом, хочу чтобы вы лучше представляли себе её характер.

Итак, Гала улетала от меня почти на месяц. На этот раз на самолете – у богатых свои привычки. В аэропорту я почувствовал, что ей хочется к родителям, в отпуск и на родину... но не хочется уезжать от меня. Она даже сказала что-то в таком роде. Я в ответ съехидничал по поводу её сентиментальности. Мол, не ожидал. Она ответила коротко, но убедительно:

- Ну и дурак.

И улетела. А я опять стал свободным и независимым. Кушать мне было приготовлено едва ли не на неделю, холодильник забит как накануне войны. Но что-то нужно было делать со своей свободой и независимостью. На третий или четвертый день, когда Галины заготовки в холодильнике закончились, я пригласил Ларису в ресторан. Не в театр! Положение обеспеченного монтажника обязывало.

- Ну конечно. Ты теперь свободный гуляка. А если Гала узнает?

Лариса ко мне относилась по прежнему хорошо, но, кажется, мой новый семейный статус не одобряла. Нет, скорее не понимала. Почему все нужно делать не так, как положено? Не так, как должно быть?

Любого можно было бы обвинить в ханжестве, но не Ларису. Нет, никакого не ханжество. Что-то другое. Если бы я не боялся показаться высокопарным, то назвал бы это чистотой. Да, получилось высокопарно. Но соответствовало действительности.

Я с огромным удовольствием с ней пообщался. И снова почувствовал себя так, как будто почитал хорошие и очень искренние стихи.

Потом пару дней посидел вечером дома. Почитал на этот раз хорошую прозу – у меня было два журнала «Иностранной литературы». Потом поужинал у Каиля, его жена веселая, пухленькая, невысокая, но очень моторная полтавчанка – конечно её звали Наталка – очень вкусно готовила. Потом еще пару вечеров почитал. Рассчитывать на хлебосольство Валюхи не приходилось. Купил пельмени - давно уже этим не занимался. Но оказалось, что дело не в пельменях. Я понял, что ужасно скучаю без Галы. Или по Гале? Это принципиальная разница. А впрочем, пришлось признаться - оба варианта одновременно.

Я не знал, радоваться этому или огорчаться. А может пугаться? Для меня состояние было непривычным. Сильная, нет, пожалуй, полная зависимость. Ни в какие ворота! Я-то считал, что мы оба с Галой малоэмоциональны и не слишком темпераментны – во всяком случае в дневное время.

В дополнение ко всему неожиданно в памяти всплыл её жених, совсем было забыл о его существовании. Конечно он бывший, но я подозревал, что бывших женихов, как и бывших чекистов, не бывает. Народ не зря утверждает, что старая любовь не ржавеет, тем более если эта любовь - говорила мне Гала – имеет хорошую квартиру и неплохую зарплату.

К концу третьей недели я пришел к убеждению – напрасно люди с таким восторгом говорят о любви. Она слишком часто связана с волнениями, переживаниями, сомнениями ревностью и другими серьёзными поводами для нервотрепки. Возможно, бывает любовь с абсолютным доверием, но это как-то не вяжется с природой человеческой. И женской в первую очередь. Угораздило же меня. Утешает только одно - я все еще не уверен, что это действительно любовь, и что на всю жизнь. Черт бы все это побрал, вначале без всякой экзальтации так было все хорошо и спокойно.

Где-то на третьей недели, когда кипение моих страстей достигло максимума, пришло письмо от Галы. И сразу полегчало. Мы не договаривались, что она будет писать, почта работала тогда еще хуже, чем сейчас. Значит действительно скучает. Тем более, что пишет об этом, и слова подбирает хорошие. На расстоянии она оказалась более открытой и раскованной. Я успокоился и стал постепенно приходить к мнению, что чувства имеют и положительные свойства.

После получения письма я пригласил Ларису еще раз в ресторан. Пока я ревновал и тосковал, было почему-то не до развлечений. А сейчас встреча с мой подругой доставила мне, как и прежде, большое удовольствие. В общении с ней я не испытывал никаких бурь и штормов, и думал, что дружба с хорошей девушкой источник только самых положительных эмоций.

Но последние дни перед возвращением Галы опять принесли мне тревогу и какие-то ничем не обоснованные мрачные предчувствия. Может быть этому способствовал очередной разговор с Аркадием в «Васильке».

Он явно специально дождался меня в день полочки возле кассы. Предложил «погутарить» в кафе, сказал, что обида обидой, но...

- Мы все в одной лодке.

Подумал и добавил:

- Не считая собаки, - опять Джером. Ильф и Петров по-прежнему были запрещены к печати..

Я заинтересовался, кого он считает собакой, и мы отправились в «Василек».

На этот раз он был куда более откровенен, признался, что хочет поговорить «от имени и по поручению партии и дирекции». И начал с хорошего. Впрочем, с хорошего в его понимании. Он сказал, что за год я наберу левых – он называл незаконные доходы «левыми» - тысяч на сто, а это уже лет десять тюрьмы, если нас начнут трясти. Поэтому через год Хабибуллин меня отпустит, конечно, если я уеду из Казани. Он не дурак, лишние проблемы ему ни к чему.

- Он так сам сказал?

- Сказал, - признался Аркадий, – но вот чего он не сказал. Это тебе говорю я. Нельзя никому говорить. Даже твоей Гале. Особенно ей.

- Я не...

Аркадий меня перебил, мы закончили вторые 50 грамм коньяка, политес уже не соблюдался.

- Мы женам ничего не говорим. И я не говорю. Даже расчетный лист не показываю.

- И Касымов тоже, - задумчиво сказал я.

- Самые большие неприятности у нас в комбинате были от жен. В позапрошлом году вообще оказались на волоске. Один дурак...

- Кто?

- Уволился. Так он привез жену из деревни. А она нашла тут хахалю и решила освободить от дурака квартиру. То есть его посадить. Отметила номера валют, записала разговор на магнитофон... Целый детектив... Хорошо, что в милиции с заявлением попала...на того, кого нужно.

Он вздрогнул и побледнел.

- Чуть до самого страшного не дошло.

- С конторой?

- Нет, с ней.

Я почувствовал, что тоже побледнел. Самого страшного!

- Аркадий, во-первых я не говорил никому ни слова. А во-вторых, что с меня возьмешь. Ни квартиры, ни... ничего. От меня можно просто взять и уйти, - последнее я сказал мрачным голосом, третья рюмка не помогала.

Разговор с Аркадием оставил тяжелое впечатление. «Чуть до самого страшного не дошло». Страшнее, чем со Складенко... М-да.

Страх по поводу предательства Галы я, конечно не испытывал. Но о будущем поговорить с ней нужно. В том смысле, что я через год-полтора обязательно должен уехать из Казани. Догадывался, что проблемы с этим будут. И все-таки решил - серьезный разговор сразу же после её возвращения состоится. Пора расставить все точки над «и».

Но когда она прилетела... Я очень соскучился, она истосковалась. Представляете себе, так и сказала – истосковалась! И я решил серьезным разговором с непредсказуемыми последствиями не портить на этот раз самый настоящий медовый месяц. Месяц моего счастья, судя по амнезии и другим косвенным признакам их у меня в жизни было не слишком много. Об этом времени можно с уверенностью сказать – мы с Галой слились воедино. Говорить и молчать вместе нам было одинаково хорошо, хотя оба особыми разговорниками не были. Нечто среднее между болтунами и молчунами. И конечно по-прежнему абсолютное единомыслие.

Месяц растянулся на два, потом на три, что было в принципе – согласитесь – неплохо. Я отложил свой отпуск на декабрь. Распланировал его так: сначала должен был заехать домой, а потом отправится по путевке на лыжную базу в Приэльбрусье. Не

помню когда и куда до этого ездил в горы – по причине известного вам склероза – но я, судя по всему, немного увлекался лыжами.

Между прочим, Галу за это время избрали в профком, хотя она работала всего год. В школе она была секретарем комсомольской организации, в институте – ну, это вы уже знаете, и вот новый успех на общественном поприще. Есть какие-то свойства, какая-то общественно-политическая аура, которые делают человека избираемым и назначаемым. Я так и не мог понять, почему один подходит для этих целей, а другой не годится. Мне никогда – насколько я помню – не предлагали никуда избираться. По моему, это даже в голову никому не приходило...

Но я рассказал о её новом общественном статусе не случайно, не просто к слову. Потому что несмотря на мое решение не обсуждать близкое и далекое будущее, часть намеченного ранее разговора все-таки состоялась. Произошло это после демонстрации седьмого ноября. Наш комбинат в колоннах не участвовал из-за малочисленности. И я пошел с Галиным заводом. Нам тогда демонстрации нравились, была возможность выпить, порезвиться, прогуляться. Мы все положенное с удовольствием делали, и даже Гала с Валюхой выпили на каком то углу в кафе вина. Я уже кое-кого из конструкторов знал. Но вот к нам подошел незнакомый парень, симпатичный крупный, чуть полноватый русак. Лет тридцати. Поздоровался. Я его отметил, потому что он сказал по-свойски:

- Привет, Гала, - и не задерживаясь, пошел дальше.

Галой её называли только мы с Толей, все остальные Галей.

- Это кто такой, - наверно с ревнивой интонацией спросил я, потому что склонный к интригам Толя тут же пояснил.

- Слесарь из сборочного. Шестой разряд, вот-вот получит квартиру. Завидный жених. Пять тысяч с лишним выколачивает.

Я почему-то подумал: «И все законно».

- Смотри, Саша, предупреждаю. За ним очередь из холостячек стоит. Я Валюху в сборочный цех не пускаю.

Гала махнула рукой:

- Ну ты, Толя, и балаболка. Но хорошо, что напомнил. Саша, у нас составляют списки нуждающихся в жилье... Нужно поговорить.

- Хорошо, дома поговорим.

На этом эпизод закончился. Продолжение было на следующий праздничный день, 8 ноября..

Гала сама начала разговор прямо с утра. У них действительно в список очередников добавляли новых работников. Квартиры будут не скоро, но и не абстрактно долго – завод жилье строит. И член профкома – это плюс. Причем семейные имели преимущества. Вопрос таким образом стоял ребром.

В том, что нужно пожениться, я уже не сомневался и был не просто готов, а – как говорят в романах – почту за счастье. Так и сказал и предложил руку и сердце. Галу я своим предложением не удивил, все само собой разумелось. Но в данном случае проблема заключалась в другом, и вы об этом знаете - я не хотел, да и не мог оставаться в Казани. В сентябре месяце следующего года я должен был – если все будет хорошо! – унести отсюда ноги.

Я собрался с силами и постарался сдержано, но очень серьезно рассказать ей о своих планах. О том, что в Казани не останусь, что с начальством договорено, и они отпускают меня через год. Я не объяснял причин этого решения, но дал возможность понять, что не только не хочу здесь жить, но и не могу. Я думаю, Гала сообразила, что есть связь со Скляренко, а может и моей зарплатой, но допрашивать не стала. Железный Феликс!

Судя по реакции, она о будущем, во всяком случае, о городе проживания, пока всерьез не задумывалась. Еще два года по закону ей нужно было работать в СКБ компрессорного завода. Но мое заявление её обеспокоило. Здесь интересная работа, солидное предприятие, к ней хорошо относятся, есть реальные перспективы получения квартиры, а жилье в то время было синонимом счастья. Казань город неплохой и солидный, Одесса для неё все-таки родиной не была, какой смысл начинать все с начала? И – между нами говоря – она уже привыкла жить в достатке, на широкую ногу, во всяком случае по сравнению с большинством, включая Толю с Валею. Переход на инженерные гроши и наиболее вероятный долговременный вариант - жизнь с моей мамой и бабушкой в нашей двухкомнатной квартире – все это не могло по меньшей мере не озадачивать. И наверно пугать.

Разговор у нас был долгий. Но мы не обсуждали вариант, что будет делать она или что буду делать я. Речь шла о том, что будем делать мы. Мы. Вместе.

И единодушно – а иначе и быть не могло – решили ничего не решать до моего отпуска, кроме, как нам казалось тогда, самого важного. Сразу после моего возвращения подадим заявление в загс. А записаться в очередь на жилье денег не стоит. Пусть Гала все оформляет, пока до квартиры дело дойдет - или, шах, или осел... говорит восточная мудрость устами Ходжи Насреддина.

И все-таки две-три недели до моего отпуска Гала была озабочена и даже напряжена, я это чувствовал. Не мог не чувствовать - мы с ней были одним человеком. Но возникшие сложности – как обычно и бывало - только еще больше сплотили нас. Назвать нас не очень темпераментными людьми мог только клеветник (я себя имею в виду). Мы еще раз убедились, что прекрасней любви, включающей все стороны человеческих отношений, ничего быть не может.

Улетал в Одессу я в субботу, поэтому Гала могла проводить меня в аэропорт. Когда мы вышли из автобуса, она взяла меня под руку и так крепко сжимала локоть, что мешала мне нести чемодан. Мне даже показалось, что глаза у неё на мокром месте. Я хотел состричь, мол, это странное поведение для лидера комсомольских, а теперь и профсоюзных масс. Но сдержался, ерничать не стоило.

Посадку еще не объявляли. Неожиданно Гала предложила пойти в буфет и взять по рюмочке коньяка – на посошок. Я с удовольствием согласился.

Под коньяк и кофе с пирожным она произнесла монолог. Это было самое длинное и пылкое объяснение в любви, которое я слышал от моей достаточно сдержанной подруги. И конечно не пятьдесят грамм были тому причиной.

Начала она довольно нейтрально – попросила меня быть осторожным в горах, там все может быть. Потом сказала, что даже не представляла себе, что чужой человек может стать таким родным. Ей никогда не было в жизни так хорошо и спокойно. Нет, это не совсем то, что она хочет сказать. Она никогда не была так счастлива, как со мной – вот так будет точнее. И даже не думала, что может быть такой... такой... Она всегда считала себя скованной и даже флегматичной. Наверно в доказательство того, что сейчас все изменилось, она дала волю слезам.

Я вставил, что уезжаю же не на век, меньше, чем на месяц, на двадцать четыре рабочих дня. Она сквозь слезы попросила не шутить с такими вещами.

- Я тебя люблю. Помни это всегда, - закончила она монолог.

Больше до начала посадки не сказала ни слова, только по-прежнему крепко держала меня под руку. А на прощание поцеловала нежно, даже по-матерински.

Я прошел все процедуры, предусмотренные правилами аэрофлота, сел на свое место в самолете и сразу начал по ней скучать.

Дома... о чем говорить, дома это дома! Мама с бабушкой удивлялась богатству даров, которые я им вручил. О том, что стал рабочим все-таки не рассказал, решил, что

сделать это никогда не будет поздно. А вот о том, что женюсь, конечно, объявил. Показал фотографии, где была Гала, мы вместе с Галой, групповые с Касымовыми, с Толей и Валей. Гала понравилась, хотя в жизни выглядела лучше, чем на фотографии, она была не очень фотогеничной.

Дома в промежутке между посещениями друзей и застольями, я решил очень важную проблему – как сделать для Галы вариант переезда в Одессу не только не трудным, но даже привлекательным. Оказалось, что решение есть, реальное и даже не очень сложное. В то время по стране с большой скоростью росло строительство кооперативного жилья. И стоимость квартир была относительно невысокой, во всяком случае для тех, кто не только получал деньги в качестве зарплаты, но и «добывал» их разными путями. Я входил число последних. Поэтому если бы мы с Галой решили перестать «шиковать», а протягивали бы ножки по итээровской одежке, то за год моих несправедливых трудов в Казанском комбинате треста Росторгмонтаж собрали бы достаточную сумму как минимум на аванс для двух или даже трехкомнатной квартиры. Я бы потом уехал в Одессу, и пока моя жена, то есть Гала, дорабатывала свой срок в Казани, глава семьи готовил бы к её приезду мамонта - дом со всеми удобствами. Отличная идея, решающая почти все проблемы. А какие не решались? Год нужно было жить под страхом разоблачения и уголовного наказания. Тяжкая ноша. И... я старался об этом не думать, но и после покоя бы не было. Если бы в Казани раскрутили это дело – нашли бы меня и в Одессе. И кроме всего прочего спросили – а откуда у тебя, друг любезный тридцать или даже сорок тысяч на кооператив? Но у меня все равно не было выхода. У меня... А у нас? Гала тоже жила на эти деньги, и если не знала, откуда они берутся, то только потому, что не хотела знать. Ей тоже тяжело будет жить под прессом этот год. И позже. Но раз выхода для нас нет, пусть хоть польза будет...

Второй этап отпуска – в горах – был бы тоже очень удачным, если бы я меньше скучал по Гале. Из всех конечных точек перелетов в Казань добросовестно отправлялись телеграммы – прилетел, все хорошо, скучаю, целую.

Для развлечения позвольте добавить еще одно замечание. В горах я обратил внимание на одно интересное явление, известное мне только теоретически. Когда человек полон жизни, надежд, оптимизма, влюблен, не ищет на свою голову – и другие места – приключений, то успех у противоположного пола ему обеспечен. Особенно в местах отдыха. На этот раз практика подтвердила теорию – несколько очень даже симпатичных спортсменок не скрывали желания разделить мое одиночество на трассах Чегета и в номере гостиницы. Само собой я даже подобной мысли не допускал.

Но вот мой отпуск подошел к концу. Я горел нетерпением и вылетел на день раньше намеченного срока – появилось свободное место в рейсе. Но не ждите от меня банального сюжета – он вошел в квартиру и увидел, что она... Нет, такую пошлость и представить себе не возможно. Если вы так подумали, значит, совершенно не поняли характер Галы, или я плохо его описал. Она органически не была способна на дешевую и мелкую интригу. Все было не так. А как?

Я купил подарки, в том числе отличные цветные теплые носки из – по-моему – козьей шерсти, фирменное блюдо горнолыжных курортов. Довольно рано вылетел из аэропорта Минеральные воды. С трудом перенес не то две, не то три посадки. И вот мы подлетаем к Казани. Я отлично помню уже невысоко висящее над горизонтом красноватое солнце, совершенно безоблачное небо, белый, покрытый снегом простор замершего водохранилища...

И больше не помню ничего. Как отрезало. Нет даже проблеска воспоминаний. То ли распоряжением свыше, то ли волею защитных сил организма трансляция из прошлого прекратилась. Полностью. Были ли для этого причины? Наверно были, а впрочем, кто

его знает... Одно в моих воспоминаниях служит каким-то намеком – последний неожиданный прочувствованный монолог Галы в аэропорту мог быть прощанием. Впрочем, не знаю...

Но конечный результат известен. Штампа загса о браке с Галиной Стадник в паспорте нет, но зато в январе месяце отмечена прописка по новому адресу. Есть штамп о выписке из Казани и штамп прописки в маминой квартире в сентябре 1960 года, то есть десять месяцев спустя. На работу в конструкторское бюро станкостроения я устроился через три месяца после возвращения, если верить трудовой книжке.

Дальше идет огромный период примерно в тридцать лет, сведений о котором в моей памяти нет. Что-то иногда всплывает в полумраке, но я не уверен, может просто воображение. По отметкам в документах, я узнал, что работал в одном конструкторском бюро станкостроения пятнадцать лет, затем в другом примерно таком же. Не знаю, как сейчас, а в то время инженера-механика на невысокие должности брали в любую отрасль машиностроения. А я, как ни печально, до высоких так и не дорос - от конструктора второй категории дослужился до первой без особых достижений, не считая благодарности в связи с каким-то праздником. Посмотрел в трудовую книжку, уточнил праздник – это было моё пятидесятилетие.

Я думаю, что драматические события, связанные с моей первой работой и отношениями – не знаю, как их точно определить – с Галой все-таки оказали большое влияние на последующие годы моей жизни. Сужу хотя бы потому, что женился только через семь лет после возвращения из Казани. А развелся еще через семь. В промежутке у меня родилась дочь.

Но об этой стороне моей исчезнувшей из памяти жизни есть дополнительные сведения, не такие сухие, как штамп в паспорте или завись в трудовой книжке.

Антракт.

И теперь самое время рассказать, что незаметно прошло три...нет, почти четыре месяца с начала моей творческой деятельности мемуариста. И по общему мнению - врача, моему и нечистой силы - они пошли мне на пользу. Жизнь стала временами даже занимательной. И день осмыслен, и мне интересно. И любопытно - на сколько

печатных страниц хватит содержательных страниц моей биографии (не понял, получился каламбур или просто тавтология).

Нечистая сила время от времени посещает меня, контролируя, поддерживая и продолжая намекать на грядущее поощрение. Но делает это все реже и реже, наверно мой деловой вид у них вызывает доверие. А может я выздоравливаю и поэтому стараюсь обходиться без них?

Но нужно рассказать о некоторых важных событиях, которые произошли за эти три-четыре месяца.

Когда я выписался из больницы и заново знакомился с окружающей меня действительностью, меня посетила довольно симпатичная женщина лет сорока пяти, может чуть постарше. Я понял, что когда-то её знал. Даже без всякой амнезии бывает, что встречаешь человека, привет-привет, знаешь, определенно знаешь, что это хороший знакомый, а кто такой вспомнить не можешь. Но для нормальных людей это исключения, а для меня было правилом без исключений. Я в этом жил, да собственно говоря, во многом так и живу по сей день. Хотя психиатр до сих пор мне обещает полный возврат памяти, но все с меньшей и меньшей уверенностью в голосе.

Все-таки странная у меня амнезия, я помню все, что происходило в мире, за исключением того, что происходило со мной. Женщина – я догадался – имела отношение к моей жизни, поэтому я её забыл. Не узнал. И все-таки лицо её мне кого-то напоминало. Вскоре мы выяснили кого – оказалось меня. Это была моя дочь Оля, которая живет в Америке В Нью-Джерси и действительно на меня очень похожа. А моя бывшая жена, её мать – живет по соседству с ней, в Канаде, с новым канадским мужем.

Оказалось, что мы с Олей регулярно общались по скайпу, и она почти каждый год приезжает ко мне в гости. И когда я жил в Советском союзе мы тоже переписывались, во всяком случае, поздравляли друг друга с днем рождения и прочими событиями. Словом, я не один, у меня есть дочь, близкий мне человек... У неё в Америке был довольно благополучный муж, две мои внучки вышли замуж, жили отдельно. Намечался и правнук. Вся эта новая поросль меня почти не знала и поэтому не слишком интересовалась моими делами. Это было совершенно естественно. Но с Олей отношения были близкими, в том числе, как я понял, и финансовыми. Она объяснила, что, что у меня есть небольшой счет в банке, который периодически пополняется. С этого счета идет оплата моих расходов на квартиру, свет газ и прочее автоматически – в Израиле это называется «орат кева», кроме того у меня оказывается есть банковская карточка, которой я могу пользоваться для личных расходов. Поток благодарности она прервала и сказала, что поговорим об этом позже, когда я окрепну. И почему-то сослалась на мнение психиатра. Я так и не понял, какая связь...

От неё я узнал кое-что о своем прошлом. Я был нормальным мужем – не плохим и не хорошим, нормальным отцом, примерно такого же качества, как и мужем. Моя бывшая жена считала, что я израсходовал часть души в казанской истории и восстановиться полностью так и не смог. Поэтому наш развод не потряс никого из участников.

Жил я в квартире жены и тещи, а после развода вернулся к маме. Бабушка за это время умерла. Единственным серьезным последствием оказался мой переход из одного конструкторского бюро в другое, о чем я уже сообщил – мы с моей уже бывшей женой сидели на старой работе за соседними столами, согласитесь, неудобно. Наверно если бы не развод, я бы проработал в первом бюро еще пятнадцать лет с тем же успехом.

В общем, ничего заслуживающего внимания об этом периоде она мне рассказать не могла. Спустя какое-то время после развода я сошелся с некой «тетей Кирой», так её

называла Оля. Больше о «тете» она ничего не знала, не знала и фамилию. «Тетя Кира была лет на десять моложе меня и лет на пять моей жены. В паспортах, советском старом и новом, никакой Киры не было. Куда она подевалась, Оля не знала, а я тем более. Просмотрели мои фотографии – их почему-то сохранилось немного – следов «тети Киры» не нашли. А фото моей бывшей жены Оля обнаружила. На фотографии была симпатичная, молодая женщина с симпатичной девчушкой лет пяти на руках. Странно, почему мне с ними не жилось спокойно? А может им не жилось спокойно со мной?

Но был у меня, как выяснилось, и недостаток. Я немного попивал. Не пил, тем более не глушил, а интеллигентно попивал. Это я сквозь туман все-таки припомнил, единственное из того периода. Неужели это было самое приятное и достойное памяти?

Как это происходило. На первой и потом на второй работе образовывалась группа единомышленников, которые после работы относительно регулярно, раза два-три в неделю по дороге домой заходили в кафе, бар, не брезговали и винарней, если она была на первом этаже и столики выходили на тротуар. Подвалами типа забегаловок мы брезговали, там собирался действительно пьющий и не такой интеллигентный как мы народ. Брала – чаще всего – пару стаканов вина, бутерброд или конфетку-шоколадку, в баре гостиницы Красная вели себя более солидно – два раза по пятьдесят коньяка и кофе. Иногда позволяли себе экзотику – на новом базаре стояли бочки из-под солений, мы настилали газету, в рядах по соседству покупали свежие овощи, вяленую рыбку, соленое сало, кровяную колбасу. До сих пор помню вкус свежего «закуса» – так это называлось. Помню неспешные разговоры о том, о сем, в том числе и неизбежные «о бабах». Мы встречались и общались за столиками с такими же группами единомышленников. В этот день приходили домой на два-три часа позже, чем обычно, были в хорошем настроении и распространяли аромат – подчеркиваю, не перегар – хорошего вина или коньяка. И привычно выслушивали недовольное ворчание жен. Мы не увлекались спортом, не участвовали в самодеятельности и КВНе, не играли в карты, это был наш способ отдохнуть от однообразной и бесперспективной жизни. И стоил он недорого, но дело в том, что и на недорого денег не хватало. Я помню, приходилось скрывать премию, прятать в «загашник». Летом я подрабатывал гидом и тоже часть утаивал на личные расходы. Как в «Трех мушкетерах» иногда я угощал, иногда меня поили. Наверно я ценил это неприличное – по мнению наших жен – времяпрепровождение, не случайно многих своих сотоварищей помню, хоть признаюсь уже смутно. Но все-таки помню. Оля сказала, что мы вели себя как грузины в фильмах, разве что только хором не пели. Грузинам почему-то прощалось, когда они благородно в мужской компании проводили время с бокалом или с рогом вина в руке. Нам – нет. Наверно, моей жене хотелось, чтобы я сидел с ней возле телевизора, да и лишние, хоть небольшие расходы тоже сыграли свою роль. Если верить воспоминаниям, мое хобби продолжалось и после развода, наверно «тетя Кира» не возражала. Впрочем, я не знаю, почему она исчезла, так что – как говорят – возможны варианты.

Оля сказала с высоты своего американского образа жизни, что мы тогда в массе своей прозябали в нищете и убогости, от получки до аванса. Ничего кроме минимум минимум не могли себе позволить. Просто этого не сознавали. Я даже подумал, что не случайно оба сохранившихся в памяти периода моей прошлой жизни отличались тем, что мне не приходилось считать копейки, на нормальную обеспеченную жизнь хватало. Это принципиальное отличие. Говорят, денег всегда не хватает, это и верно и неверно. Есть минимальный уровень, который позволяет чувствовать себя человеком, поднять глаза и увидеть что-то выше непрерывной и унижительной борьбы с

бедностью. Не случайно считается, что средний класс основа любого государства. Ниже этого в той или иной форме появляется ущербность.

Мне кажется, что именно эту ущербность и убогость мои защитные силы организма с успехом постарались забыть. Хотя... хотя обидно сознавать, что кроме бочек на Новом базаре и столика в кафе «Аист» память за тридцать лет не нашла за что зацепиться.

Но так или иначе, а я в своих воспоминаниях подошел к 1989 году. Весна. Считайте, что перед вами появились титры: «Прошло тридцать лет». И память возвратила мне наступившие девяностые, во всяком случае их часть. Я вижу себя в Москве, в квартире моей второй жены.

Часть вторая. **Москва.**

Любители мыльных опер – а я к ним не отношусь – знают, как плохо, когда пропускаешь несколько серий подряд. Возникают сложности - куда девался один персонаж, откуда появился второй, чем закончился скандал в доме Диего? Даже некоторые иной раз предпочитают бросать любимых героев и смотрят другую эпопею

- лишь бы начинать сначала и подряд. Но у меня выбора нет, и я вынужден прокручивать тот отрывок из документального фильма о моей жизни, который сохранился в памяти. У меня сериал только один. Но наверно в виде компенсации за утерянные данные, воспоминания об этом этапе, как и о предыдущем, удивительно четкие и цельные.

Я вспомнил себя – как уже писал - с весны 1989 года в роли мужа своей второй жены, в Москве. Свидетельство о браке, который состоялся в 1985 году, прописка в её трехкомнатной квартире, поступление на завод координатных станков – все отмечено в документах, все было в полном порядке. К сожалению, память почему-то не удосужилась сохранить то, что связано с нашим знакомством, женитьбой, переездом в Москву. Даже тещу не могу вспомнить, хотя она умерла уже после моего появления. Может память решила, что нет ничего достойного внимания в женитьбе мужика пятидесяти лет на тридцатипятилетней москвичке, и это банальный брак по расчету? Я не думаю, что выгода была главной причиной, но и полностью элементы практицизма в этом событии тоже отрицать не буду. Дела житейские, намешано всего понемножку.

И все-таки дело не только в московской прописке, можете мне поверить. Лена Саенко была довольно симпатичной женщиной, для меня достаточно – а может даже слишком – молодой, толковой, и, признаю, не только не глупее, но скорей всего умнее меня. Это, как вы знаете, уже не первый случай в моей биографии, и приходится допустить, что шансов на такой вариант хватало... Она тоже была конструктором и тоже не слишком хорошим – как и я, она больше тяготела к гуманитарным предметам. Любила читать. А фамилия Саенко – не только фамилия, но и пятая графа – дала ей возможность работать в оборонке.

У жены был сын от первого брака, когда я стал отчимом, ему исполнилось шесть лет. Парень неглупый, но разбалованный, ему явно не хватало мужского сдерживающего и направляющего влияния. В конце концов выяснилось, что моего тоже оказалось недостаточно. Но все было в пределах нормы, ничего из ряда вон выходящего. Для запоздалой – по возрасту - семьи совсем неплохо. Я, как вы знаете, тоже не подарок, к примеру, жену огорчало, что пару раз в месяц с новой компанией я заходил не в благородную винарню или приличное кафе, как в Одессе - таких в Москве не было - а в бадегу. Сто пятьдесят с прицепом, в смысле с пивом. Сильна привычка. Хотя по московским понятиям меня можно было считать трезвенником. Но и у Лены тоже были ... нет, не недостатки, не хочу обидеть, а скорее... скажем, некоторые странности. Иногда она впадала в депрессию в сочетании с раздражением. Потом это проходило. Любила ужинать одна с книжкой в руках, мы с парнем, как правило, ели отдельно. Готовить, прямо скажем, не любила, но все-таки готовила – под настроение. Зато была очень чистоплотна и хозяйственна. Иной раз была слишком безапелляционна и нетерпима. Но где идеал? И почему он должен был достаться именно мне? Уверяю вас, я все это сознавал, свой новый очаг ценил и по мере сил старался не разрушать.

Я устроился на небольшой станкостроительный завод конструктором и там, как и на одесских предприятиях, себе особых лавров не снискал. Бюро было небольшое, человек семь-восемь, которым не чем было заняться, в основном увлекались кроссвордами. В этом я был вне конкуренции, память хранила массу нужных и еще

больше ненужных вещей. Именно там меня прозвали «банком данных». А попытка спроектировать станок закончилась бы скандалом, если бы начальство во-время не увидело, что конструирование не самая сильная сторона моих талантов. Так что я отделался легким испугом. У нас заведующим бюро был неплохой специалист и неглупый человек по фамилии Хаимович, хотя и русский по национальности. Помните анекдот, когда начальник сказал русскому Рабиновичу: «С такой фамилией я лучше на работу возьму еврея?». Я так и не понял, зачем наш Хаимович учудил то ли с фамилией, то ли с национальностью, но во всех других отношениях он был человеком «приятным во всех отношениях».

Итак, матримониальные события и переезд в столицу оказались недостаточным стимулом для моей памяти. Если исходить из диагноза психиатра, то этот период мое подсознание не считает достаточно интересным, чтобы занести в анналы. Что же возродило интерес к жизни и надежды?

Прежде всего, конечно, это финальный, бурный период перестройки. В стране, где уже семьдесят лет никто ни на какие перемены – во всяком случае к лучшему – даже в далеком будущем не рассчитывал, вдруг поверили, что могут стать свободными гражданами нормального цивилизованного государства! Волны энтузиазма захлестнули пассивную и вечнотерпеливую страну, особенно центр и крупные города. Это не могло не влиять, электричеством ожиданий, казалось, был насыщен сам воздух столицы.

Я относился к демократической части общества, ходил на митинги, большие и маленькие и вынес с тех времен твердое убеждение, которое позже многократно подтверждалось: лица людей на демократических митингах в большинстве своем приятны, интеллигентны и доброжелательны. Патриотические собрания чаще всего... скажу корректно, выглядят иначе.

Еще одной причиной, краеугольным камнем перемен в моей жизни все-таки была встреча с Ларисой свет Степановной Кравцовой, неспетой песней моей из города Казани, надеюсь, вы её не забыли. Заранее предупреждаю, не ждите банальной романтически-эротической истории, все намного серьезнее, уверяю вас.

С Ларисой мы столкнулись на митинге. По субботам я повадился посещать Пушкинскую площадь, на которой собирались демократически настроенные москвичи. Это было интересно и необычно. За все годы жизни мне ни разу не приходила в голову идея открыто возражать против чего-либо государственного. Совершенно новое, острое, я бы сказал рискованное состояние плюс непривычное ощущение единства с незнакомыми людьми, стоявшими рядом.

В одну из таких суббот в первых числах марта и состоялась наша встреча с Ларисой. По мегафону оратор что-то довольно неразборчиво выкрикивал, люди, которые стояли к нему поближе, отвечали одобрительным гулом. Я слов не разбирал, но понимал, что оратор прав. Вокруг были умные, знакомые - мне казалось - лица. И красивые, особенно у стоящей рядом со мной симпатичной татарочки, одетой в дорогую шубу. Она тоже время от времени искоса поглядывала на меня. Вот что значит демократия, она объединяет не только обиженных и неудовлетворенных, но и вполне

обеспеченных. А кстати, почему я решил, что она татарочка? Почему, к примеру. не казашка? Может дама мне действительно знакома, или это только общность взглядов?

- Саша? – неуверенно спросила соседка.

Так мы с Ларисой встретились через тридцать лет.

Митинг мог продолжаться долго, поэтому мы не стали дожидаться конца и спустя какое-то время сидели за столиком в кафе ««Лира»», которое вскоре закрыли и заменили «Макдональдсом».

Лариса выглядела хорошо, сколько ей тогда было – наверно пятьдесят? На вид максимум 45. Ухожена. Все те же светлые волосы, легкий пушистый ореол. Только в лице с возрастом стало чуть побольше востока - скулы, разрез глаз...

А улыбка почти та же. Почти...

Лариса сделала заказ, не консультируясь со мной – я понял, что дорогая шуба у неё уже давно. И незаметно перебрал бумажки в кармане. Должно хватить... И повод того стоил... Правда, взяли всего по пятьдесят грамм коньяка, но дорогого...

Мы обменивались информацией, а за три десятилетия её набралось немало.

Давайте я вам сообщу главное о переменах в жизни Ларисы, как обычно в своей манере, смешивая то, что она о себе рассказала в тот день, с тем, о чем узнал позже. Так будет компактней.

Начну с главного – Лариса вышла замуж за москвича и не просто за москвича. Муж Ларисы был не только на пятнадцать лет старше её, но и намного выше по положению. Он работал во Внешторге СССР, и не просто работал, а был одной из голов этого огнедышащего за границу дракона. В таком же статусе он перешел после преобразования Внешторга в Министерство внешних экономических связей. И хотя фамилия мужа Ларисы была не Аристов и не Катышев (это фамилии министров), но тоже достаточно известна, поэтому во избежание дискомфорта – а темы будут непростыми - я буду называть его просто Сергеем Васильевичем. Так приличней. И порадуюсь, что Лариса предусмотрительно осталась Кравцовой, у меня не будет лишних проблем в описании последующих событий.

С Сергеем Васильевичем я позже познакомился, хотя принимал он меня не часто, считанные разы. Но хочу оправдать в ваших глазах Ларису, если вы поторопились её осудить. Она вышла замуж не из выгоды, разве что частично. Её муж даже сейчас, в возрасте 65 лет был интересным и представительным мужчиной. А в сорок лет ему никакая должность не была нужна, чтобы считаться желанным женихом. Хотя и должность тоже, наверно, не мешала. Была одна особенность, которая отличала его от советских руководителей – Сергей Васильевич выглядел интеллигентом. Не только выглядел, но вел себя, говорил и, кажется, даже думал как интеллигент. Наши бывшие – да и настоящие – руководители могут быть умными, глупыми, злыми, добрыми, но ни одного из них нельзя назвать интеллигентным. Ни одного. Такая вот особенность. Даже Сулова, даже Андропова, которые носили удлинённые худощавые лица и очки, все равно можно было назвать как угодно, но не интеллигентами.

А Сергей Васильевич мало того, что был похож на профессора – лингвиста, еще и говорил так же. Как он попал на такие верха? Лариса говорила, что на службе он носит другие очки, другой костюм, и старается говорить примерно как Михаил Сергеевич

Горбачев, которого я очень уважаю, но не за интеллигентность. Мимикрия – оправдывала Лариса мужа - объясняет многие его достижения.

И чтобы сэкономить время, сразу расскажу о том, что я узнал немного позже. Он оказался не только интеллигентным, но и умным, что – к сожалению - не всегда совпадает. Намного раньше Лужкова и Собянина Сергей Васильевич сообразил, что при его должности нужно сделать предпринимателем жену или какого-то доверенного человека, переложив на неё или на него не только ответственность, но и разные неизвестно откуда пришедшие суммы. И льготы. И свои возможности. И связи. И влияние. В дополнение ко всему у Ларисы – вы это помните – были неплохие данные. В данном случае все сошлось. Но оставались и проблемы, о которых я узнал позже. Потерпите.

У них было двое детей. Старшая дочь вышла замуж. Жила отдельно, сделала Ларису бабушкой. А сын оканчивал школу, я с ним впоследствии можно сказать подружился. Симпатичный воспитанный парень.

За столиком в кафе ««Ли́ра»» Лариса скромно сообщила, что у неё три кооперативных продуктовых магазина, и еще кое-что... она не уточняла. Хлопот и проблем хватает. Я – глядя на её шубу – посочувствовал ей насколько мог искренне. Не сказал «мне бы твои заботы», а что-то вроде «у всех свои проблемы».

Пришлось рассказать о себе и о своей семье. Рассказал, в нескольких словах. Скромно и сдержано. Постарался как можно оптимистичнее описать свои многолетние конструкторские «успехи», но кавычки опустил. Это было непросто. Ситуация мне не нравилась самому. Продолжать что-то высиживать на заводе было глупо. Многие понимали, что я счастливо избежал фиаско, нас влили в другое конструкторское бюро, ожидалось сокращения... Но этого не расскажешь... Я приукрасил картину, как мог. Лариса всегда была умнее меня, и – я видел – поняла реальную ситуацию.

Какое-то время мы помолчали.

Потом она сказала, что всегда удивлялась моим способностям, видела как я легко и мгновенно разбираюсь в любой литературе, как много знаю и помню. Она всегда считала меня самым толковым и многообещающим из своих знакомых. В воздухе повис вопрос - почему же ты ничего не добился?

- Наверно занимался не тем, чем нужно, - честно признался я, хоть это далось мне нелегко. Лариса как-то испытующе посмотрела на меня. Но тему поменяла.

Она рассказала мне о том, что я тогда, наверное, знал – Гала с мужем-слесарем куда-то переехала из Казани. И о том, чего я не знал, в основном о судьбе комбината. «К.К. Хладторгмонтаж» работал в привычном режиме еще почти три года после моего отъезда, затем Хабибуллин ушел на пенсию и уехал из Казани, кажется в Москву. А еще через полгода пришли из ОБХСС и посадили Аркадия и бригадира Кропилова на пять лет. Остальные – даже бухгалтер Арика Бабековна – отделались легким испугом. Наверно когда ушел Хабибуллин со своими связями в КГБ, кто-то осмелел и накапал. На всякий случай жестоко избили моего бывшего партнера Касымова, но Лариса не думает, что Каиль донес. Я был расстроен.

Потом стало ясно, что для первого раза разговоров достаточно. Мы обменялись телефонами. Лариса сказала, что в ближайшее время позвонит, возможно, у неё будет предложение.

- Нужен механик по холодильным установкам? Я уже все забыл.
  - Вспомнишь, если нужно будет. Ты же по-прежнему головастый?
- Вопрос прозвучал серьезно. Я только пожал плечами.

Лариса органично позволила мне заплатить официанту. Как говориться ничтоже сумняшеся. Все обошлось, у меня хватило даже немного на чаевые. И на метро. Четверть века в шубе, что вы хотите...

Я решил первым ей не звонить. Она теперь была богатой женщиной, и это - мне казалось – будет выглядеть, как будто я на что-то напрашиваюсь. Лене о встрече, разумеется, рассказал. Судя по реакции, я с ней раньше кое-какими воспоминаниями о Казанском периоде делился, не думаю что слишком подробно. И вряд ли признался в своей незаконной деятельности. Лена, правда, не была в прошлом комсоргом – кстати, может и была – зато в настоящем являлась членом партии и по совместительству членом месткома. В этом смысле мне «везло». Впрочем, она была практичной, я бы даже сказал немного циничной, и реагируя на окружающую нас последние годы общественную обстановку в идеалы коммунизма не верила. Поэтому осуждения с её стороны я не боялся, и не открывал ей свое темное прошлое скорее потому, что не хотел нарваться на иронию – жена не скрывала скептического отношения к любым вариантам моего финансового успеха, как в прошлом, так и в будущем. А о творческом и говорить нечего – она наблюдала мои потуги «прославиться» на заводе и была вместе со мной счастлива, когда всё закончилось только пшиком, а не взрывом и скандалом. Я вынужден признать, Лена была не слишком высокого мнения о моем потенциале, и, согласитесь, для этого имелись все основания. Какой потенциал может быть у человека пятидесяти четырех лет, которому очередной раз на работе без единого слова готовы подписать заявление об увольнении?

Я пока не предвидел грядущих перемен и жил обычной московской жизнью. Мы по-прежнему ходили на работу – обратите внимание, я сказал «ходили на работу» а не «работали». Это не случайная оговорка, а вполне продуманное высказывание. Работа по стране действительно постепенно затихала и замирала, было не до того. Наверху происходили необычные и очень увлекательные события, к ним постепенно подключались массы снизу. Действительно было не до работы!

Производственные цеха все-таки что-то выпускали. Но по непонятным – или понятным – причинам все в меньших количествах. О качестве умолчу. А прочий персонал даже не изображал трудовой процесс.

Это было время удивительного сочетания очень высокого и альтруистического общественного с очень приземлённым и эгоистичным личным. Я уже говорил, народ следил за баталиями в телевидении, многие с воодушевлением ходили на митинги. Одни мечтали о лучшем будущем, другие, не выходя из прошлого, уже ностальгировали по былому равенству, братству внутри страны и уважению извне нашими многочисленными врагами. Это в общем. А каждый в отдельности в то же время думал – не до жиру, как бы добыть хоть немного хлеба насущного на пропитание семьи. Поэтому мы, например, в конструкторском бюро живо с утра

обсуждали последние новости, а когда раздавался клич – кур дают! – срывались места. К лету нас уже никто из начальства даже не пытался останавливать.

В Москве все еще было вроде бы полегче, чем в регионах. Вроде бы. В это время еще оставалось на всю столицу несколько магазинов, где выстояв огромную очередь, состоящую в основном из приезжих посланцев городов и весей, в которых вообще ничего не продавалось, можно было купить колбасу, похожую на настоящую. Или даже мясо из птицы или какого-то животного. Но работающим москвичам это было не просто. Дело не только во времени. В дополнение каждый раз возникали неприятные стычки, где с одной стороны звучали обвинения – понаехали, москвичам не пробиться, а с другой стороны стандартные и обоснованные возражения – это же все наше, у нас забрали и вам привезли. Причем часто слова «обвинения» и «возражения» можно было заменить куда более сильными, и даже не очень цензурными определениями. На каждого покупателя выдавали только определенную норму, поэтому приезжие, получив свое, тут же оправлялись в конец очереди, или с боями пробивались в середину к какому-нибудь земляку. Нужно было оправдать затраты на билет на поезд, который не зря назывался колбасным. Да, интересно, вначале по нормам было положено на каждую персону 400 грамм колбасы, но зато один килограмм (две поллитры) водки – с учетом нашей ментальности. Постепенно по горбачёвской реформе эта несправедливость была исправлена – в сторону уменьшения спиртных напитков.

Когда в 90 году в Москве ввели «визитную карточку покупателя», чтобы отделить аборигенов от приезжих, это уже смысла не имело – во всех без исключения продмагах было хоть шаром покати. Жутковатая картина, до сих пор в глазах стоит. В организациях периодически давали пайки, их всегда было меньше, чем работников. Тянули жребий, устраивали очередность... Определенно было не до работы... Зато спец распределители работали безотказно и на общем фоне привлекали все больше и больше недоброжелательного внимания.

Ситуация накалялась.

Мы в основном держались за счет близлежащих магазинов, где время от времени что-то «выбрасывали», только нужно было держать ухо востро и следить – чуть зевнешь, пропало дело, кроме вареной колбасы – в лучшем случае – ничего не достанешь. Эта перестроечная «вареная» тоже достаточно знаменита. У неё было удивительное свойство – свежий срез был жизнерадостно-розовым – как попа младенца, говорил мой товарищ – но когда колбасу довозили домой, он становился синюшным. Не синим, а именно синюшным, и напоминал о бренности всего земного. Если кусочек такой колбасы падал на землю, то лежал там, пока дворник не убирал – ни кошки, ни собаки не ели. Даже оголодавшие. Они просто не догадывались, что это еда. А с дворниками тоже в это время были проблемы, так что кусок лежал долго. Но что удивительно – синел, но не протухал! После советской власти уже открыли много секретных архивов, а из чего делали эту «вареную» и по какой технологии до сих пор скрывают.

В провинции, скажем в Подмоскowie, продуктов не видели уже давно. Как-то меня туда занесло. Я зашел поесть в ресторан, мне предложили шашлык из селедки и яичницу из двух яиц. На шашлык я не решился, а в яичнице из двух яиц оказался один желток.

Мы с женой ездили летом в Обнинск, в гости к моему другу профессору. Он получил участок земли, на котором в свободное от науки и руководства лабораторией время стоял вместе с уважаемой профессоршей кверху ногами и сажал или убирал овощи и картошку. Тем и питался.

Я вам напоминаю времена, которые вряд ли забудет среднее и старшее поколение, не только для того, чтобы поохать и пожаловаться. Все в этой жизни взаимосвязано.

Лариса позвонила через неделю, в пятницу вечером и пригласила на субботу в гости.

- Часов в пять. Если вам это удобно.

Я сказал, что удобно и буду рад её повидать.

- Познакомлю тебя с мужем, а ты меня с женой. И потом я у тебя в долгу за угощение в «Лире».

Прозвучало шутливо, но я этому очень обрадовался. Значит, её поведение в кафе не было барством. Она не хотела ставить меня в неприятное положение, и поэтому не стала расплачиваться. Приятно. Я даже сказал что-то вроде «мол, узнаю свет Степановну». Лариса меня поняла, рассмеялась. Но демократия продолжалась недолго – вслед за этим последовало даже не предложение, а распоряжение:

- Тогда диктуй адрес, я за тобой пришлю машину к пяти часам.

- Лариса, зачем так круто? Давай попроще. Мы к вам сами доберемся. Поедем на моей машине. – Я в Москве успел купить старый Москвич 412, который ездил, когда ему этого хотелось. - Так что ты давай адрес.

- Придумал! Это же ужин. Мы немного выпьем...

- Возьму такси. Вы что, живете где-то за городом?

- Нет, наша городская квартира на Фрунзенской набережной.

Я догадался, что есть еще дача, наверно правительственная. Кажется, попроще не получится.

- Зачем вам искать дом, парадную, проезд к нам непростой. «Тебе это надо, Саашенька», - неожиданно сказала она, подражая Лисичкиной. Помнила! Я сдался.

- Хорошо. На Нижегородской возле четвертого номера мы будем ждать. Первый дом от Абельмановки. - И не удержался от попытки реванша. – Но у меня нет фрака.

- Сойдет смокинг, - последовал немедленный рипост. Фехтовать Лариса и раньше умела.

В субботу мы купили бутылку армянского коньяка и цветы.

– Хорошо, что к ним не нужно брать продукты. Вот это была бы проблема, - скептически заметила Лена. Она, казалось, не была заинтригована нашим походом в высшее общество. Впрочем, её вообще было трудно чем-нибудь поразить. Но все-таки надела лучший свитерок, из тех трех-четырех, что у неё были, и новые, не так давно купленные вельветовые брюки – праздничный вариант. Юбок она не признавала, я не понимал почему – ноги были определенно неплохие. Просто такой у Лены был современный – она считала – стиль. И прическа ему соответствовала – короткие волосы. У меня вариантов одежды было еще меньше, смокингом я посчитал еще довольно приличный свитер. Пиджак Лена задрила – стали поблескивать локти. Мы

оба вздохнули – новый костюм определенно нужен. А пока пришлось обойтись спортивным вариантом – джинсы, почти не ношенные и уже упомянутый любимый свитер. Из этих описаний вам понятно, что предстоящая встреча все-таки была интересным приключением в нашей не отличающейся большим разнообразием жизни.

Надели демисезонные пальто, они были попримечнее. Благо на улице потеплело.

В пять часов нас уже ожидала машина, естественно черная Волга. Шофер неразговорчивый мужчина лет под пятьдесят, плотный, думаю, вполне мог работать по совместительству телохранителем, да и время было опасное. Лариса оказалась права – мы бы так скоро этот дом не нашли, он стоял не на набережной, немного в глубине микрорайона. По поводу элитарности здания никаких сомнений не было – в большом и чистом вестибюле горели все лампочки, было зеркало, две картины и охранник. Лифт тоже чистый и бесшумный. Открыла дверь квартиры сама хозяйка. Она была в элегантном облегающем платье, Лена потом сказала цвета индиго, я так тонко в этом не разбираюсь. Но об общем впечатлении могу сказать определенно – производило. Фигуру она сохранила, а может даже еще улучшила, наверно не без помощи массажей, ванн и аэробики – тогда она была в моде. Возможности у жены чиновника самого высокого ранга для этого, безусловно, были. Романтическая девочка превратилась в интересную и сексуальную женщину в расцвете сил. И красоты. Лицо по-прежнему в ореоле светлых и воздушных волос было более жестким, чем в молодости, но, пожалуй, более значительным. Лариса, мне думается, хотела произвести эффект и ей это определенно удалось. Они с Леной казались ровесницами, несмотря на разницу в... да, разница была двенадцать лет. Моя жена тоже считалась довольно симпатичной, но в другом, современном стиле, я называл его мальчишеским, и контраст пошел им обоим на пользу. Впрочем, в тот день мне показалось, что польза для Ларисы была немного больше...

Вопреки ожиданиям персонала в доме мы не обнаружили. И за столом нас посторонние лица тоже не обслуживали. Они естественно были где-то там, на кухне, судя по ассортименту блюд, но у нас не появлялись. В этот вечер хозяйка не хотела нас напрягать великосветскими излишествами. Лариса сохранила такт, стремилась по возможности не демонстрировать различие в положении, и я это в дальнейшем очень ценил.

Квартира была наверно большая, в обе стороны от гостиной, где мы какое-то время посидели для приличия, и столовой, где был накрыт средних размеров стол, вели куда-то двери. Мебель была хорошая, добротная, но, пожалуй, выбрана по вкусу мужчины. Почему я это отметил – решил, что в доме скорей всего не матриархат, как следовало бы ожидать при молодой жене. А впрочем, кто его знает...

Сына дома не было. А хозяин появился в гостиной минут через пять после нашего прихода. Он был в тёмно-сером строгом костюме, но кремовая рубашка с пестрым галстуком оживляла ансамбль. Я в свитере выглядел немного фривольно. Но не объяснять же, что в моем пиджаке локти заблестели?

Не буду описывать вечер, все было вкусно и мило. Все пили наш коньяк, наверно для демонстрации уважения к гостям. Словом, ужин как ужин, и прошел он неплохо. Но несколько слов стоит сказать о хозяине. Он был худощав, роста выше среднего. Тонкие черты лица, золотая оправа очков, волосы густые, темные с сединой –

эффектно. Подстрижены, правда, немного простовато – наверно мимикрия, о которой я уже упоминал. Голос мягкий, даже мне показалось с еле заметной картавинкой, которую он пытался скрывать. Когда Сергей Васильевич немного наклонился вперед и чуть сутулился, то выглядел типичным образцовым интеллигентом. Он это сознавал и поэтому выпрямлялся и даже чуть откидывался назад, стараясь выглядеть высокомерным. Ему это удавалось... пока не увлекался и не наклонился вперед. Мне почему-то казалось, что он время от времени испытующе поглядывает на меня. Неужели на старости лет ревнует к прошлому? Да нет, глупо.

Мы вспоминали Казань, но старались вовлекать Лену и Сергея Васильевича в наши воспоминания. Лариса сказала, что всегда удивлялась моим способностям, знаниям, памяти.

- А как он разбирался в любой технической литературе! Сходу, по диагонали листа. Если бы не он, я бы два первых самых тяжелых курса института ни за что ...

Я из желания состричь, а возможно и польстить, признался, что считал тогда Ларису умней себя. И нашел неожиданную поддержку со стороны Лены.

- Это и так понятно. Какие еще нужны доказательства? Лариса вышла за Сергея Васильевича, а ты женился на мне.

У Лены был талант - она могла так подобрать слова, что фразы припечатывались, запоминались надолго, захочешь, не забудешь. Но у присутствующих – боюсь кроме меня – было отличное чувство юмора. Посмеялись искренне и от души.

Потом муж похвалил Ларису, сказал, что она очень толковый экономист и энергичный бизнесмен. Он бы с удовольствием её взял в штат, но она сама не хочет. Считает, что перспектива за бизнесом. Была моя очередь похвалить Лену. Я немного подумал, и сообщил, что у нас общие вкусы в искусстве и одинаковые взгляды в политике. Это в семье едва ли не самое главное. По поводу искусства я, правда, немного преувеличил.

Естественно мы заговорили о политике, но меньше, чем хотелось бы. Сергей Васильевич полушутливо намекнул, что ему по должности не положено об этом «судачить». Толковый мужик, ничего не скажешь. Мы стали более аккуратны в своем вольнодумстве.

Примерно через час Сергей Васильевич извинился, сказал, что ему нужно поработать, и ушел. Хлопнула дверь из столовой, потом вроде еще одна, затем кажется еще – наш хозяин скрылся вдали, благо квартира ему это позволяла.

После его ухода мы расслабились, от души прокатились по советской власти – вы помните, Лариса была экономической антисоветчицей еще задолго до меня и своим взглядам не изменила.

Попили кофе с коньяком, на сей раз хозяйка выставила свой марочный. Когда почувствовали, что вечер уже можно заканчивать, Лариса предложила экскурсию в один из своих магазинов, ей нужно кое-что проверить.

- Сегодня, в выходной день?

- У бизнеса нет выходных.

Это прозвучало солидно.

Мы поехали на той же Волге с тем же шофером. Лариса недемократично сидела на переднем сидении, все-таки хозяйка, положение обязывало. Мы с Леной на заднем.

Магазин был в центре, на улице Чехова, ныне Малая Дмитровка, недалеко от театра Ленком. Престижное место. Он был открыт. Довольно большой магазин, сейчас бы сошел за средних размеров супермаркет. Было в нем несколько отделов. Мясной, сыры-колбасы, молочный, большой отдел овощи-фрукты, хотя почти пустой – конец марта. Видно было, что не все работы закончены, кое-где витрины еще не подключены. Но размах определенно ощущался, в том числе и в ценах – на краковской колбасе, которая тогда стоила в обычных магазинах два-двадцать, здесь был ценник – десять рублей.

- Ну и дерет твоя подруга, - прошептала мне Лена. – Наживаются. Используют дефицит.

Я подумал - советская закалка, впиталась в плоть и кровь. Забрать и разделить.

- Зато вот она, колбаса, есть. А те по два-двадцать миф. Мираж.

Кажется подругами моя жена и Лариса еще не стали. Ну что ж. время есть. А я очень рад её снова встретить. Подарок из юности.

Лариса о чем-то спрашивала продавцов, появился – я понял – директор магазина, он был очень даже почтителен. Хозяйка, мне казалось, говорила вежливо, но твердо, авторитетно. Впрочем, я не очень присматривался к её поведению, меня – как и Лену – больше интересовал ассортимент и цены. То и другое озадачивало, было непривычным. Потом мне показалось, что Лариса собирается дать нам «паек», она что-то говорила продавцу мясного отдела, указывая глазами на нас. Я подошел и отрицательно покачал головой – мне еще семейного скандала не хватало, Лена бы взорвалась. Лариса поняла, улыбнулась и – опять-таки глазами – отменила заказ. Я про себя отметил – понимание, если оно когда-то было, с годами не пропадает.

- А как это все доставать? – я имел в виду ассортимент, - рыскаете по сельской местности?

Лариса в ответ только пожала плечами, но посмотрела на меня с неожиданным интересом.

Нас отвезли домой, мы попрощались, взаимно поблагодарили друг друга за отличный вечер, я определенно считал его именно таким. Лариса сказала:

- Надеюсь, он не последний, мы будем видеться.

Лена кивнула, и это, видимо, означало согласие. Мне даже показалось, что она с нашим новым знакомством смирилась – в хорошем смысле. Насколько я понял, единственное возражение – различие в материальном и социальном положении. Лена была самолюбива. Но Лариса дипломатично обходила острые углы и это не прошло незамеченным. Словом, вечер удался.

Парень был дома, как обычно не испытывал в нас нужды, поел, смотрел телевизор. Он был самостоятельным, но уроки – как и ожидалось – не сделал. На мой вопрос ответил уклончиво: «А-а, там ерунда». Лена его любила, но в учебе участия не принимала, была сторонником свободного развития личности. И мне давить на него не разрешала, даже иной раз намекая на то, что я ему не отец. Мои попытки вразумить их практических результатов не давали. Мне иногда казалось, что в нашем доме у меня был не слишком большой авторитет. А впрочем, может он не нужен, когда и так все неплохо?

Пока Лариса следующий раз не позвонила, ничего интересного не произошло – я имею в виду в жизни. Все интересное было в телевизоре и в печати. Готовился съезд народных депутатов, речи и статьи в газетах становились все более забористыми, а магазины все более пустыми. Затонула атомная подводная лодка «Комсомолец», мы не знали, что это уже не первый такой случай, раньше нам мало что сообщали. И напряглись. Атомные торпеды или ракеты на дне моря, а вдруг... И ребят жалко.

Пейзаж в Москве тоже не очень радовал, таял снег, обнажались кучки и даже кучи мусора. Очищения можно было ждать только 22 апреля, на ленинском субботнике, тогда народ выходил и какой-то порядок наводил – под руководством партии и правительства. В связи с глобальными событиями убирать улицы стали спустя рукава – если вообще убирали. Посыпали дороги и тротуары какой-то гадостью с солью, чтоб снег и лед таял, а в результате образовывалась бурая ядовитая каша, которая обуви и брюкам определенно пользы не приносила. Почему-то стало модным выкручивать лампочки в коридорах и лифтах, может, поэтому легенды об изнасиловании и грабежах распространялись мгновенно. Соседи друг другу вечером выходить не рекомендовали, женщины боялись с незнакомыми мужчинами заходить в лифт, а иногда и со знакомыми – кто их знает, народ совсем испортился... Может это были и не только легенды, хотя я, честно говоря, ни одного конкретного случая не знаю. Впрочем, постойте. Одного моего сотрудника тогда ограбили и избили. Да и я - вспомнил - тоже пострадал! У меня из сумочки в транспорте вытащили паспорт и в тот же день на него в прокате взяли телевизор и магнитофон, разумеется, с концами. Я полгода не мог доказать, что это был не я и почерк не мой. Юрисдикция на меня внимания не обращала. Пришлось заплатить. Нет, определенно в ожидании будущего настоящее пока не радовало.

Работа – так называемая - тоже разнообразия в жизнь не вносила. Изю дня в день проводить по девять часов - с обедом – на одних кроссвордах и обсуждении даже действительно головокружительных новостей было нелегко. Мы с радостью по очереди пускались в рейды по близлежащим магазинам. Но клевало все меньше и меньше.

В цехах к этому относились проще – после обеда почти у всех рабочих были просветленные лица. Раньше просветление не носило такого массового характера.

И все-таки, если подвести итоги – надежда какое-то время, еще года два, окрашивала все, включая трудности и сложности, в розовые цвета. Как обычно, я с нетерпением ждал воскресенья, чтобы пойти на митинг. Но интересное произошло раньше.

В субботу ближе к вечеру позвонил телефон. Трубку взяла в другой комнате Лена. Она о чем-то немного поговорила, потом крикнула:

- Саша, тебя.

Это звонила Лариса. Она была решительна и энергична.

- Привет. Я уже перед Леной извинилась. У меня к тебе есть серьезное деловое предложение и нужно поговорить тет-а-тет. Разрешение получено, и ты можешь отправиться со мной часа на два-три. Лена сказала, что вы еще не ужинали. И не нужно. Мы совместим приятное с полезным. Через полчаса можешь быть на улице? Я подъеду и тебя заберу.

- Ну хоть поздороваться можно?
- Здравойся.
- Привет. А слово вставить?
- Можно, но не стоит. «Тебе это нужно, Са-ашенька?».

Цитата действовала безотказно.

- Буду.

Она повесила трубку. Я был заинтригован. Лена тоже, хотя спрашивать ни о чем не стала. Только очень внимательно осмотрела меня в праздничном наборе – тот же свитер и джинсы - и даже стряхнула что-то щеткой с пальто.

Наша встреча с Ларисой в этот вечер была, как говорят сейчас эрудированные люди, системообразующей. Поэтому я более подробно расскажу о ней и даже рискну затронуть сложные темы, в том числе экономику, в которой я, как и вы - два моих дорогих читателя – так толком и не разобрался. Но попробую, без этого не обойтись, хотя вам может стать скучно. Впрочем, я не многим, в сущности, рискую, потому что один из вас мои записки читать не сможет, а другой не станет. Кажется, я об этом уже говорил...

Машина была все та же, шофер все тот же. Я сел на заднее сиденье, Лариса хозяйски осталась сидеть на переднем.

- В кафе «Ли́ра», пожалуйста – вежливо распорядилась она.

К этому я готов не был, денег взял немного. Пришлось подать голос:

- Ты бы предупредила, что будем кутить.

Она меня поняла:

- Разберемся.

- А почему нельзя было поговорить у нас дома? Заодно бы посмотрела...

Закончить мысль мне не удалось.

- Саша, я же сказала тет-а-тет. Уединяться, когда Лена дома, по меньшей мере неприлично. Как ты этого не понимаешь?

Она искоса взглянула на меня, и стало понятно, что разговоры лучше отложить. Так я и сделал. Когда возле Лиры мы вышли из машины - кстати шоферу распоряжений не последовало и он тут же уехал – я демонстративно внимательно осмотрелся вокруг.

- Саша, пойдем. Ты кого-то ищешь?

- Смотрю, нет ли за нами хвоста, - драматически прошептал я.

Шутка успеха не имела, Лариса оставалась серьезной.

- Мы будем говорить на очень важные темы. Прошу тебя настроиться.

В кафе народу было немного, мы сели за дальний столик. Пока Лариса привычно заказывала, я постарался настроиться. Так старался, что даже не услышал, какие блюда нас ожидают.

- Ну, хорошо, а почему не поговорить у тебя?

- Какие у меня в доме могут быть секреты? При советской власти.

Я детективы не читал, но и без них знал, что наверху вниманием друг друга не обходят. Впрочем, интересно другое - значит, секреты действительно будут? Кажется, я становился серьезным. Мы пригубили коньяк, закусили красной рыбой...

Монолог Ларисы продолжался больше часа. Я только изредка вставлял несколько слов.

Начала она с меня. С того, что человек должен уметь рисковать и принимать важные решения. Нельзя всю жизнь прожить «премудрым пескарем». В герое Салтыкова-Щедрина я себя узнал без труда. Обидеться? Пока решил послушать

Да, при брежневской советской серости это трудно было сделать, но сейчас действительно наступают новые времена и нужно им соответствовать.

Я вступил:

- Еще неизвестно какие это времена будут. Подождем, увидим.

Лариса подхватила. Ну да, подождем - не под дождем. Так все пескари и рассуждают - я молча проглотил очередной выпад. Конечно, есть опасность, что все повернет назад. И все-таки наиболее вероятен какой-то наш вариант капитализма, как у нас обычно принято не совсем нормального. Но все-таки капитализма. И частной собственности, причем на средства производства, что особенно важно. Развал внизу и наверху такой, что ни у кого уже нет другого варианта, все рушится на глазах. Поэтому и Горбачев вынужден идти в этом направлении - в прошлом году был принят закон о кооперации. Это полумера, закон мало что решает, но дает возможность начать.

- Что начать?

Лариса была решительна. Начать бизнес! Приобретать собственность и капитал! Но самое главное – нельзя терять ни минуты времени. Когда всем станет ясно, куда дело идет, то желающих будут миллионы. Затопчут. Еще хорошо, если только затопчут, а не оставят не только без собственности, но и без головы. У нас не какой-нибудь дикий запад, а дикий восток. Поэтому начинать нужно было вчера.

- Как я понимаю, ты начала еще раньше, чем вчера, - я имел в виду её магазины. – Все это интересно, но при чем тут премудрый пескарь? – обиженно вставил я

- Дойдем и до тебя, потерпи.

Я постарался набраться терпения и не перебивать. То, что она рассказывала, было действительно интересно и масштабно. Ну, Степановна!

Она – безусловно если не под крылышком, то по согласованию и с помощью мужа – начала создавать бизнес еще в 87 году, под прикрытием кооператива. Закон о кооперации вышел только весной 88 года, но до этого в Москве уже официально работало более пятисот так называемых экспериментальных кооперативов. Во всеобщем бардаке каждый кооператив писал для себя уставы. И Лариса утвердила и официально зарегистрировала свой.

Кооператив состоял из двух человек – председателя Ларисы Кравцовой и члена правления бывшего полковника КГБ Чухлебова, который ушел на пенсию, обидевшись, что ему вовремя не присвоили генерала. Они и являлись по существу собственниками имущества. Остальные были – как и позволял закон о кооперации – работающими по договору, то есть наемными работниками. Тогда появилось немало кооперативов, которые были замаскированной собственностью двух-трех человек.

Сложная казуистика.

Устав кооператива, зарегистрированный больше года тому назад, не соответствовал новому закону о кооперации и в частности одному важному пункту – там было прямо

указано, что членов кооператива не может быть меньше трех. У меня мелькнуло было подозрение, что возможно меня эта тема касается, но оно растаяло как идиотское.

Оказалось, что я не представлял всех масштабов задуманного и постепенно осуществляемого Ларисой. Она расчетливо приняла решение заниматься продовольствием, понимая, что в ближайшие годы это будет проблемой номер один с бесконечным резервом потребления. Я – если вы помните – когда мы были в её магазине спросил, как они достают основные продукты. Зрел в корень. При общем дефиците это было самым сложным и требовало, как сейчас говорят политики и экономисты, комплексного решения. Урожай, продукты животноводства все-таки были, но при общей чудовищной разбалансированности управления либо гнили, либо портились, либо исчезали неведь куда, не доходя до полок магазинов.

Лариса решила по максимуму использовать свои возможности и возможности Сергея Васильевича. По примеру некоторых аналогичных фирм на западе, был разработан комплексный проект. И уже в значительной степени началось его осуществление.

На относительно хлебной Украине, в лесостепной зоне между Киевом и Харьковом, она создавала центр хранения и переработки. Там близко друг от друга должны были располагаться средней мощности мясомолочные предприятия, консервный цех, а так же линии современной подготовки овощей и фруктов к длительному хранению. И предприятие по изготовлению тары и упаковки.

В центре системы – блок центральных хранилищ. Весь комплект называли «кустом» и полагали, что сельхозпродукты туда будут свозить со всей округи – таких предприятий поблизости не было. Это был первый, головной проект. Предполагались подобные и в других районах страны, но об этом еще было рано говорить.

Чтобы «куст» связать с городами планировалось закупить солидное количество рефрижераторного транспорта, закуплены еще четыре магазина на Украине - два в Киеве, два в Харькове, там начали перестраиваться и монтировать оборудование. Сеть магазинов должна была увеличиваться по мере поступления продуктов. В тот год на импорт продовольствия кроме зерна еще не очень рассчитывали.

Я слушал, открыв рот.

Что очень, очень важно - заводы, транспорт, максимум оборудования должны быть импортными. В основном по госзаказу, за счет бюджета, «целевые и комплексные программы» - так это тогда называлось. Такой импорт, как вы сами понимаете, далеко не каждому предприятию разрешался. У Ларисы - жены третьего человека в Министерстве внешних экономических связей - эти возможности были. Заказ гарантировал – если все пойдет нормально – быстрый монтаж и надежную работу предприятий.

Горбачевская реформа плюс влияние Сергея Васильевича делало это мероприятие реальным. Продуктовая проблема выходила на первый план и для её решения государство средств не жалело. Договоры кооператива Ларисы на поставку были либо в стадии оформления, либо переговоров. Оказалось - к моему и надеюсь вашему изумлению - дело было за мной!? Действительно в качестве третьего члена и нового председателя правления кооператива. Подозрение оказалось не таким уж идиотским.

Тут Лариса, бизнесмен и психолог – понятия, безусловно, связанные – почувствовала мою перегрузку и сказала, что мы сделаем обеденный перерыв. Она попросила принести горячее – ей богу, не помню что мы ели, настолько был ошарашен и озадачен. Даже дополнительные пятьдесят грамм не помогли мне настроиться оптимистически. Я понимал, что в жизни так не бывает и, несмотря на чудные воспоминания о поэтической Ларисе, справедливо ожидал каких-то подвохов. Поэтому молча жевал, вполуха слушая её воспоминания о Казани, пытался успокоиться и представить себе ход возможных дальнейших событий. У меня был только один реальный вариант – им в кооперативе понадобилось подставное лицо. Козел отпущения. Эдакий зицпредседатель Фунт, который сидел при Александре «Освободителе» и при Николае «Кровавом»... Не случайно Лариса вспоминает Казань, там я выступал примерно в такой же роли. Неужели она будет предлагать нечто подобное, мы все-таки не случайные знакомые? А собственно почему нет? За тридцать лет человек может измениться до неузнаваемости. И бизнес дело жестокое... Но все-таки почему я?

- Почему я? - это было неожиданно сказано вслух. И только тогда я заметил, что мы закончили ужин, даже тарелки убрали. Перед нами стояло мороженное в вазочках. Можно было продолжать разговор.

Лариса очень спокойно сказала:

- Давай по порядку. Сначала по какой причине мне понадобился новый человек в правлении, а потом, почему именно ты.

Она опять вернулась к импорту. Это – я понял – было главным во всей конструкции. Без закупки почти всего оборудования за границей проект по её мнению состояться просто не мог. И тут я задал неудачный вопрос.

- Почему нельзя обойтись без импорта? Дешевле будет.

Лариса посмотрела на меня с удивлением и даже сомнением.

- Это элементарно, Ватсон. Наше за десять лет не постоим, и все разворуют. А так нам поставляют фирмы из Германии и Швейцарии все комплексно. И сроки западные – не советские. И не забудь, это госзаказ, гарантия государства, деньги в основном его же. А ты говоришь свое...

Я понял, что если буду задавать подобные вопросы, то ужин закончится досрочно, и всем видом выразил абсолютное согласие. Лариса успокоилась и продолжала.

Оказалось, в уже почти завершённых переговорах последнее время появились сложности. Перестройка затронула всю вертикаль, перетряхивались структуры, менялись функции, названия, чиновники самого высокого ранга не могли чувствовать себя спокойно. Они - со знанием дела говорила Лариса - и раньше не слишком ладили, были интриги и подсиживания, что типично для бюрократии. А сейчас все чувствуют себя временщиками и – как пауки в банке. Ну что ж, ей виднее, у неё надежный информационный канал на высшем уровне.

Перестройка коснулась, точнее ударила и по институтам внешней торговли, как же без этого, золотое дно. Неутомимый Михаил Сергеевич добивал советскую «плановую» систему. Был создан орган, практически параллельный министерству, в котором работал Сергей Васильевич - Комиссия по внешнеэкономической деятельности при Совмине СССР. Эта Комиссия получала право блокировать заказы,

отменять квоты, то есть вмешиваться в епархию министерства экономических связей. Возникли дополнительные возможности начальникам «искать» друг друга, которых и без того хватало.

Тогда, то есть примерно три месяца тому назад, Сергей Васильевич предупредил, что заявки на импорт не должны быть подписаны его женой. Доброжелатели ему сообщили, что этот вопрос стоит на контроле у Комиссии.

Я про себя отметил - пока все соответствует моему прогнозу. Ларисе понадобился зищпредседатель. Насколько он будет козлом отпущения пока еще не ясно. Я терпеливо слушал и дурацких замечаний больше не вставлял.

Лариса постаралась как можно быстрее найти кандидатуру, что тоже оказалось непросто. Решение об утверждении нового управляющего и члена кооператива должен был подтвердить наблюдательный Совет, состоявший из двенадцати человек. И тут неожиданно наметились проблемы с прежде покладистыми членами Совета - они отказались утверждать предложенного Ларисой кандидата.

Я все-таки не удержался и спросил:

- Почему не может подписать твой полковник?

Тут Лариса замолчала, надолго задумалась. Я тоже помалкивал. Потом она пришла к нелегкому – судя по всему – решению.

- Ты должен знать в основном, что происходит, прежде чем сделаешь выбор. Я не хочу заманивать тебя в ловушку.

Эта фраза мне понравилась. Осталось надеяться, что она соответствует действительности.

С очевидным усилием она продолжила.

В бизнесе, если хозяин не один, если есть компаньоны даже не на равных, то, как правило, возникают проблемы. Об этом все бизнесмены знают. Ужиться совладельцам намного труднее, чем мужу с женой. И тоже появляется желание сходить налево. Назначать Чухлебова председателем Лариса не хотела.

- Он меня съест, как только все подпишет. В ту же минуту. И общее собрание на его председательство согласие не даст. Чухлебова не любят и боятся.

- Почему же ты взяла такого...

- Это история, длинная. Как-нибудь потом расскажу... Главное ты знаешь. У нас с ним напряженка, и Чухлебов человек опасный. Вот это учти.

Она продолжала, хотя устал и рассказчик, и слушатель, и - подозреваю - читатели. Но что делать...

Лариса предложила в председатели близкого человека, на которого могла надеяться. На своего двоюродного брата небезызвестного вам Аркадия Хроменко. Он после отсидки продолжал работать начальником монтажного цеха на комбинате в Казани. Члены кооператива узнали, что он её родственник - работа конечно Чухлебова. Он настраивал против, но причина не только в этом. Они все материально заинтересованы в успехе. В проекте разнообразие работ необъятное, разобраться в этом не каждый сможет. Аркадия засыпали вопросами и не слышали ответов. И Ларисе прямо сказали – нам нужен реальный управляющий, менеджер, не подставная фигура. А сроки поджимают...

- А я причем?

- Вот, дошло дело и до тебя. Я уже обожглась с назначением председателя один раз, второй раз не только не хочу, но и не могу. Я сделала выводы, и буду действовать наверняка. Как? Предупредила всех, что своей властью назначу нового исполняющего обязанности председателя, можно назвать его управляющим, с испытательным месячным сроком - к сожалению и это много. Причем он будет поначалу не столько управлять, сколько входить в курс дела. Объекты, договоры, чертежи, огромный объем. За этот месяц мой кандидат должен все узнать, все понять, знать ответы на все вопросы. И через месяц будет собрание и утверждение его на должность председателя. Серьезное, без дураков! Я не знаю другого человека с такими способностями, с такой памятью, с таким умением быстро разбираться во всем, как у тебя. Который может ответить на самые каверзные вопросы. Банк данных. Если ты свои способности ещё не пропил и не растратил впустую...?

Она вопросительно смотрела на меня. Хм, не пропил. «Каверзные вопросы, банк данных» – это завод, кроссворды... Значит информацию обо мне собирали. Это вызывало уважение. Не с бухты-барухты... Все-таки решение обдуманное, не авантюра, во всяком случае не совсем. И домой она меня приглашала знакомить с мужем, получать его согласие...

Лариса продолжила, резко и прямо.

- То что ты сдашь экзамены, я уверена. Но не знаю, есть ли у тебя способности управлять таким сложным хозяйством. Скажу сразу – если ты после того, как подпишешь договоры, не потянешь работу, то останешься членом правления, председателем опять стану я, а управляющего мы найдем другого. Он нам все равно нужен. Саша, у меня на тебя сейчас вся надежда.

Вот теперь наступило затишье – я имею в виду не в кафе, а в нашем разговоре с Ларисой. У меня промелькнула мысль, что кое-что выглядит наивно, в конце концов её фамилия везде будет, хоть и не первой строкой. Понимающие люди сообразят, что к чему. Но я тогда ошибался. Наивности не было. Все что задумывала и делала Лариса, было со знаком высшего качества. Это я понял позже.

Я обратил внимание, что мороженого на столе уже не было. Появилось кофе и что-то в рюмках. Я попробовал – ликер. Первая нарушила паузу Лариса.

- Ты подумай, даю всего несколько дней, больше при всем желании дать не могу. Будут вопросы – звони.

- Пока только один вопрос – в этих договорах нет ничего такого, за что потом... голову с плеч?

- Прочитаешь, разберешься. Мы заказываем нужные вещи, они поставляют. Министерство оформляет заказ. – Она посмотрела мне в глаза. – То что утверждает договора мой муж, не преступление. И уж во всяком случае, не твое.

Прозвучало это логично и честно.

- Больше вопросов нет? – Лариса определённо ждала, что меня заинтересует зарплата. Я выяснять не стал. Понимал, что меньше, чем на заводе не будет, это просто не возможно. Отложил проблему на месяц.

Но зато позволил Ларисе заплатить за ужин, и совесть меня не мучила.

Было много причин согласиться на это предложение. Во-первых, я ничего не терял – с завода нужно было уходить. Одна мысль приниматься снова за конструкторскую работу доводила меня до тихой истерики – на громкую по свойствам своего характера я способен не был. Но, увы, ничего другого делать не умел.

Конечно был риск. Несмотря на Ларисину прямоту и вроде бы искренность, подозрения, что, в глубинах этого бизнеса скрывалась авантюра и какая-то неизвестная мне подковерная опасность, все-таки беспокоили. Лена тоже высказалась примерно в таком духе. «Простой советский человек» в нас был склонен подозревать у любого бизнесмена как минимум двойное дно. Так что были за и против.

Но последнее замечание Ларисы все-таки позволило мне принять окончательное решение. Какое замечание? Напомню - если я не справлюсь с управлением кооператива, то останусь членом правления. Все-таки какая-то гарантия.

Моя самооценка – так сложилась жизнь и в том числе последний её аккорд на заводе - стала не просто нулевой, она зашкаливала в минус. Утешать могло только одно – практически я ничем, кроме конструкторской работы не занимался, а к этому у меня не было ни призвания, ни наклонностей. Может свои действительно неплохие – не будем скромничать – данные я просто использовал не по назначению? Такая мысль приходила время от времени мне в голову и немного смягчала горечь очередного поражения. А если меня ожидает фиаско и здесь, совсем на другом поприще? Это может оказаться трагедией, настоящей трагедией. Шансов на это более чем достаточно. Смогу ли я возглавить такую сложную систему, ладить с людьми? Быть авторитетом и принимать смелые необходимые решения? Насчет решений, особенно смелых, я ничем пока в жизни себя не проявил. Пример, пожалуйста – почему не поменял специальность, когда понял, что как конструктор я не ко двору? Неуверенность в себе особенно в последние годы превышала все допустимые нормы. Как можно резко менять профиль работы при таких сомнениях?

И все-таки дело обстояло не совсем так. А частично даже совсем не так. Кое в чем я был уверен. Честно скажу – я не сомневался, что этап, который Лариса назвала экзаменом, пройду. В проектах, документах, чертежах разберусь, как она сказала – по диагонали. И в связях, даже самых сложных. Я чувствовал, что это все еще в моих силах. И даже осознавал, что мне этих сложностей в работе не хватало. Но дальше? Если не потяну руководство, что вполне реально? Если бы меня выдворили из кооператива, это бы означало не просто очередное фиаско. Тогда оправданий, что дело только в треклятой конструкторской работе уже не будет. А если оставят даже не командующим, то я все-таки в такой разнообразной, полифонической системе смогу принести пользу. В кооперативе могли пригодиться мои данные многоборца. Есть – признавался я себе – у меня для этого «банк данных». Определенно игра стоит свеч!

Большую поддержку мне в принятии решения оказала и Лена. Она смотрела не меня с таким... нет, не сомнением, а с полной уверенностью, что я аутсайдер и обречен на еще один провал. И это её не очень огорчало. Знала, за кого выходила замуж. Она с самого начала не сомневалась в том, что я звезд с неба не хватаю, и ей это, в сущности, было и не нужно. Муж не хуже и не лучше других. Опасения, что всерьез буду пить к счастью не оправдались, и то слава богу. Разве что в меру. Сейчас трезвенника не

найдешь, и может к лучшему – непьющий и здоровый человек подозрителен вдвойне. Когда я спросил в очередной раз её совета, она в очередной раз пожала плечами:

- Попробуй...

«Ну, ладно же», - обиженно подумал я. Самолюбие было задето – тоже в очередной раз. Я должен был хотя бы попытаться добиться если не пиетета – об этом и мечтать нечего было – то хотя бы чего-то похожего на уважение.

А сейчас, глядя издалека, думаю была еще одна причина, в которой я себе тогда не признавался – мне нравился новый вариант Ларисы, хотя и старый был неплох. За прошедшие годы чистоты и романтики – се ля ви! - поубавилось, но... пришло на смену что-то иное, более соответствующее новым временам. И нравился не просто чисто по-человечески...

Разговор с Ларисой состоялся в субботу, и мои колебания продолжались фактически всего один день, до понедельника. Как только я пришел на работу, как только кто-то сразу при входе спросил меня: «Злак, пять букв?», то вместе с ответом «сорго» решение стало окончательным и бесповоротным. Вечером мы обсудили это с Леной. Она посоветовала - для солидности нужно подождать до пятницы. Но в четверг я перепугался, что Лариса передумает и позвонил с работы, чтобы Лена не стала свидетелем очередного проявления моей бесхарактерности. Лариса в ответе наверно не сомневалась, так как приняла это без всяких эмоций и сказала, что уже назначила на понедельник заседание совета. Часть людей будет добираться с Украины, так что объявлять об этом нужно было заранее.

- А как на заводе? Подал заявление?

- С этим проблем не будет, - нехотя признался я, - но на всякий случай оформлю увольнение после решения собрания. Береженого бог бережет.

Лариса мое решение одобрила.

- Разумно. А как же ты в понедельник? Сможешь к десяти часам?

- И с этим проблем не будет тоже. Разве что у них останутся нерешенными кроссворды.

Она назвала адрес офиса. Недалеко от станции метро «Пушкинская», на Тверском бульваре, удобно для меня по радиальной ветке, без пересадок. И понятно как она попала на митинг, где мы встретились - заглянула по-соседски. Лене я в своем малодушии не признался, а в пятницу после работы сказал, что в понедельник приступаю к своим новым обязанностям. Она, несмотря на показное хладнокровие, вздохнула с облегчением. Мне показалось, что у неё появилось желание перекрестить меня, даже рука дернулась. Но вовремя вспомнила, что я еврей – Лена была немножко религиозна, несмотря на членство в коммунистической партии Советского Союза.

Субботу и воскресенье мы потратили на поиски приличного костюма, не сговариваясь, старались подобрать что-то похожее на тот, в котором был Сергей Васильевич. В конце концов, нашли нечто напоминающее, но попроще. Хотя импортное. Купили галстук, «случайно» пестрый, тоже думаю результат ассоциаций. И даже туфли мокасины – знай наших! Этими покупками мы сделали солидное кровопускание не только месячному, но даже годовому бюджету. Мой долг перед семьей становился не только моральным.

Офис находился недалеко от улицы Горького, второй этаж довольно прилично сохранившегося старого здания. Я для солидности вошел в дверь со скромной табличкой «Кооператив «Нива» за пять минут до назначенного времени – для этого пришлось минут пятнадцать погулять по бульвару. Не знаю, было ли так задумано, но прямо за дверью меня встретила худощавая невысокая чернявая женщина лет сорока с грустноватым лицом, но приятной улыбкой и представилась секретарем Линой. Она приветствовала меня.

- Здравствуйте, Александр Зиновьевич.

Я постарался своего удивления не демонстрировать. Все так же вежливо, но немного печально улыбаясь, она сказала, что Лариса Степановна вот-вот придет, а пока я могу познакомиться с офисом. Мы с ней прошлись вдоль коридора, заглядывая в комнаты. Людей было немного, человек пять на весь офис, они на нас не обращали внимания. Лина была вежливым, но немногословным комментатором.

Наверно там раньше была коммунальная квартира, для частной слишком большая. Слева вдоль коридора шли одна за одной четыре комнаты метров по двадцать, а в торце дверь вела в пятую, большую, метров сорок квадратных. Плюс по правой стороне парочка небольших закутков типа подсобных помещений и солидный санузел с ванной и всем прочим. Окна комнат выходили на Тверской бульвар, это радовало глаз, и было не очень шумно. Учитывая сложности со съемными помещениями в Москве, все говорило о солидности фирмы.

Первым по ходу был кабинет Ларисы, он не имел выхода в коридор, только в комнату секретаря Лины. В третьей размещались, по словам Лины, бухгалтерия и плановый отдел, там были две женщины и парочка свободных столов. В четвертой – гордо сказала Лина - отдел импорта и научно-технический отдел. Там было тоже четыре стола и за двумя - с компьютерами – сидели жена лет тридцати пяти, и парень постарше лет на пять. Женщина была пухленькая, светленькая, с веселыми кудряшками и ямочками на щеках, во всяком случае на одной – она сидела ко мне в профиль. А парень тоже не далеко не худой, тоже блондин, но с длинными ровными, не слишком ухоженными волосами. Тогда в моде были длинные волосы у мужчин и короткие у женщин. Они сидели за столами друг против друга, оба в чем-то светлом. По ассоциации я замурлыкал: «Мой миленький дружок, любезный пастушок». Впрочем, компьютеры подтверждали, что отдел научный.

В большом зале сиротливо стояли два стола, на одном из них бумаги, за ним кто-то недавно наверно сидел, другой пустой. А к противоположной стене был придвинут длинный стол с десятком стульев – для заседаний, как в фильмах о совете акционеров компании с Уолл-стрит. Над столом два окна с видом на бульвар.

Впечатление было двоякое – не то фирма прогорела, не то арендовала помещение с размахом на будущее. Я предпочел второй вариант.

Лина предложила подождать в кабинете босса, это был знак уважения. Она – я понял – знала, кем меня собираются сосватать и вообще была обо мне хорошо информирована. Впрочем, позже я узнал, что она была информирована обо всем.

В кабинете Ларисы стоял довольно большой полированный стол, и к нему – буквой «т» - приставлен еще один, два обычных офисных стула с одной стороны и два с

другой. По торцу еще один, пятый. За основным столом кресло, тоже офисное, обычное. По центру композиции большое окно, нежные тюлевые занавеси и более плотные кремовые шторы. Я представил себе – и вспомнил Казань – Лариса сидит в своем кресле, нимб светлых волос на фоне окна. Мне в голову почему-то пришел Рублев...

Слева от стола небольшой шкаф с документами, справа сейф. Все выглядело солидно, я бы на месте любого посетителя ей деньги доверил.

Лариса опоздала минут на восемь. Она – выяснилось позже – была очень по-своему пунктуальна, всегда опаздывала в диапазоне от пяти до десяти минут. Наверно, таким образом напоминала, что она не только начальник, но и женщина. Это входило в обиход её привычек. И всегда во всех обстоятельствах, в том числе и в дороге, в поезде, в машине или на телеге – были и такие случаи – прическа её была в полном порядке. С одеждой – это уж как получится. Часто были брюки, иногда костюм, в жару платье, но всегда конструкция одежды была более-менее облегающей. Но я забегаю вперед.

Сейчас на ней был офисный костюм темно-вишневого цвета, оттеняющий светлые пышные волосы. Лариса определенно хотела произвести на собрании впечатление.

С первого дня я понял, что у неё все продумано и расписано – мысленно или в блокноте у Лины - деловито и без суеты. В этот день мы сначала должны были час поговорить наедине – и никто нас не перебивал. Потом состоялась встреча с ключевыми игроками – так она их называла - до двенадцати часов, объявленного начала общего собрания. И времени как раз хватало на каждый этап. Её деловитость произвела на меня впечатление, такое же, а может даже большее, чем костюм, оттеняющий светлый ореол волос вокруг восточно-европейского лица.

Лариса определенно была рада меня видеть. И я её не меньше. Она села в кресло, я на ближайший к ней стул в приставном столе. Для начала она одобрила мой костюм и – с улыбкой – галстук. Наверно вспомнила, что такой уже видела на Сергее Васильевиче.

- Выглядишь вполне солидно, а сегодня только это и нужно. Не волнуйся, на этом собрании от тебя ничего не требуется, и никаких ответов ты никому давать не должен. Даже не нужно, учти, пожалуйста. Все, что необходимо я скажу за тебя. Они должны понять, что это мое решение и на данном этапе ничего от них не зависит. Если начнешь отвечать, то привяжутся... А ты молодец. Не облысел и почти не поседел. И не растолстел. Почти...

- То-то мы с тобой еще комплиментами не обменивались, - с облегчением поддержал я легкое направление разговора. Наверно все-таки волновался. – Я польщен. Ты другое дело, тебя, я думаю, восторгами засыпают с утра и до вечера.

Это вполне можно было засчитать как качественный ответный комплимент, Лариса улыбнулась, оценила его, но тут же стала серьезной.

- Давай начнем с главного. В предприятии имеется две совершенно не связанные структуры. Та, которую мы называем «кустом», новый проект, которым ты будешь заниматься. Его контора здесь. И действующие в Москве кооперативные магазины, вполне самостоятельные, ты к ним никакого отношения иметь не будешь.

Она рассказала, что в торговле своя дирекция, она находится в центральном магазине возле метро Ждановская, которую недавно переименовали в Выхино, но к этому названию еще не привыкли. Там у них гараж, сборный холодильник, складские помещения. Целое хозяйство. Там снимать помещения легче. Там же кабинет Чухлебова.

- Не потому, что он там нужен, а потому что близко живет, - в её голосе прозвучало раздражение.

Да, напряженка между членами правления кооператива определенно была.

Лариса продолжала.

- Снабженцы, рыскают в поисках продовольствия, крадем понемножку и из госпоставок, - она так и сказала «крадем», - там своя жизнь, тебе лучше в это не вмешиваться.

Я вздохнул с облегчением – лезть в торговлю не хотелось, другое дело производство, а «куст» все-таки производством являлся, правда, сложным и тоже малознакомым. Я буду – если буду – управляющим, но не торгашом. Как видите, психологическая перестройка на капиталистические рельсы пока не произошла – «у советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока». Во всяком случае, на торгашей.

Тем временем Лариса перешла к проектам. Их заказали двум фирмам, немецкой и швейцарской. Общий проект – размещение, привязки, инфраструктура – сделал «Роспищеагропром». Солидная организация и недорого берет по сравнению с немцами.

Я удивленно присвистнул:

- Ну и размах. Это же миллионы долларов.

- Десятки, - скромно уточнила Лариса.

- А за проекты кто платит? Государство?

- Нет, - печальный вздох, - за проекты платили мы.

- Это же тоже тысячи?

- Десятки тысяч. Но это немного. Потому что мы покупаем уже выпускаемое оборудование. Так, привязки, кое-какие корректировки.

- Ты так богата?

- Саша, это основы. Стыдно не знать. Бизнес, как правило, работает за счет ссуд из банков. Потом отдаем с процентами.

Я ухмыльнулся.

- Не знаю, мне ссуду в банке не дают.

- Её дают либо за гарантию – залог имущества, либо по серьезной рекомендации, которая сама является гарантией, или если с банкирами делаются наличными.

- И каким способом получаешь ты?

- Всеми тремя.

Я все-таки спросил:

- А почему так мало сотрудников? Планы вроде серьезные.

- Хороший вопрос. – Лариса посмотрела на меня с одобрением. – Мы проектные работы вели по договорам с разными организациями и людьми. Сейчас все закончено, согласовано с поставщиками, ждем подписи договоров, утверждения начальства и

затем, - она суеверно постучала по столу, - начнется поставка. Только начнется! Это три-четыре месяца. Тогда и наберем сотрудников в организацию. Раньше рискованно, да и содержать смысла нет, как, впрочем, и лишних денег на зарплату.

Она продолжала. Сейчас только на Украине ведется работа по подготовке коммуникаций под будущие предприятия. По документации и чертежам. Там свое начальство, рабочие. Но дела идут ни шатко, ни валко. Но время еще есть.

- Будем ждать поставок.

Я подумал – господи, сколько уже денег вложено, и если не будет импорта, какой обвал!.. И многое зависит от меня. Я почувствовал, как тяжесть навалилась мне на плечи. Тонны. Мелькнула мысль: «А может, пока не поздно...». Я её прогнал, недослушав.

Лариса смотрела на меня, читала как открытую книгу – думаю, это было нетрудно.

- Понял? Осознал?

Я только сглотнул.

Молчание немного затянулось. Потом Лариса объяснила, почему поджимают сроки – за три года, прошедших после обрушения цены на нефть, наши золотовалютные резервы тают на глазах. И импорт может в любой момент приказать долго жить за компанию со всем хозяйством.

Мне показалось это не слишком убедительной причиной, чтобы мчаться, как на пожар. Где три года, там еще пару месяцев плюс минус. Мелькнула мысль – может Лариса мне не все рассказала? Впрочем, вряд ли...

Допустим риск, что все рухнет из-за импорта, точнее его отсутствия. Но если мы его получим и все сделаем, то тоже хватает сомнений. Одно я высказал:

- Если вокруг сплошной дефицит, если нет продуктов, то может опасно заводить всю эту историю? На нет и суда нет. Нечего будет перерабатывать, хранить. И соответственно не будет доходов.

Вот тогда она мне и рассказала, что урожай все же есть – помните, я об этом упоминал? И неплохой. И пока еще животноводство не до конца разрушено, несмотря на перестройку.

- Ты знаешь, что у нас до прошлого года было максимальное количество скота за последние десятилетия? Можешь себе такое представить?

- Нет, не могу.

- Тем не менее. По четыре коровы на каждые десять жителей. Это очень хорошее соотношение. Мы занимали третье место в мире по поголовью скота, первое место по производству пшеницы, картофеля и еще многого другого. Сейчас правда поголовье начало уменьшаться, но еще не все пропало.

- Но если все вроде есть, то куда оно девается?

- Система.

Я засомневался.

- Система может плохо производить. Но она же продукты не ест? Не жрет?

- Система может все. Я была не так давно на большом мясокомбинате, недалеко от Саратова. Там чуть восточнее хорошее животноводство. И вот откормленный скот либо пешком, либо транспортом отправляют издалека. Без воды, без кормов. Приходит половина веса, из которого большая часть кожа да кости. Люди где-то кормят, поят,

выращивают скот, а потом за несколько дней в лучшем случае остается половина мяса. На комбинате все перерабатывают, замораживают и отправляют в Москву. А в Поволжье в магазинах шаром покати. И народ едет за ними следом в Москву. Так и раньше было, а сейчас к советскому идиотизму добавился бардак перестройки. Сколько я видела складов, где гниет урожай. Или остается на полях. Хоть бы свиньям скормили. Скормить незаконно, а загубить – никто не виноват. Мы не можем влиять на сельское хозяйство, но хотим хотя бы сохранить и довести до покупателей, то что возможно.

Это звучало благородно, но я не был уверен, что альтруизм бизнесмена Ларисы Кравцовой стоит на первом месте в её начинаниях. Мне наверно не удалось замаскировать свои скептические мысли от пронизательного собеседника, потому что она улыбнулась и миролюбиво заметила.

- Будем считать это компромиссом приятного с полезным. Полезного для общества с приятным для себя.

Она рассказала еще много такого, чего я не знал.

Но это не производственный роман, а воспоминания, поэтому я избавлю вас и себя от подробностей.

Добавлю только одно – я начал осознавать, в какие тяжкие умудрился вдряпаться премудрый пескарь. Снова промелькнула мысль, насчет того, что «в профессии святого главное во-время смыться...», но я опять не дослушал. Посмотрел в напряженное, красивое, одухотворенное лицо Ларисы и решительно сказал себе, а одновременно вслух:

- Назад дороги нет.

Спустя четверть часа – точно по времени, Лариса сказала, что сейчас познакомит меня с «ключевыми игроками», эту встречу я уже анонсировал. Она коротко расскажет обо мне и о своих сотрудниках, как обычно бывает при таких представлениях.

Тут она взглянула на часы, хотя мне показалось, что и это было задумано заранее.

- Есть еще пятнадцать минут. Я бы хотела более подробно рассказать об Эмме Отговне, тебе предстоит с ней плотно работать. Она и есть отдел импорта, причем сегодня в единственном числе, если не считать меня.

- Эта пухленькая, светленькая? С кудряшками? Пастушка? А напротив сидит пастушок, тоже упитанный и розовый?

- Внешность обманчива, - серьезно сказала Лариса.

И рассказала о будущей – если у меня все получится – моей ближайшей помощнице. Это интересная история и интересный человек. Человек, который появился в нужное время в нужном месте.

Эмма Отговна родилась в семье поволжских немцев, в селе не то колонистов, не то ссыльных – в советское время в этом трудно было разобраться. После школы она приехала в Москву, жила в общежитии, закончила с отличием институт пищевой промышленности имени Микояна по специальности технолог. В советских институтах, во всяком случае в Одесском и Московском, на факультетах технологов-пищевиков давали очень хорошее образование практически во всех областях пищевой промышленности – консервная, мясомолочная, обработка и сохранение овощей и

фруктов и еще бог знает что. А если бывший студент был способным и учился хорошо, то ему цены не было. Это первое совпадение интересов. Второе – фирмы партнеры кооператива «Нива» в Швейцарии и, естественно, в Германии были немецко-говорящими – второе совпадение, Эмма Оттовна само собой свободно говорила на немецком.

В Москве она в общежитии жила недолго, на третьем курсе вышла замуж за преподавателя истории Долгих. Работала в исследовательском институте «Пищепром», защитила диссертацию.

- У меня работают четыре кандидата наук – не без гордости заявила Лариса.

Переговоры с иностранными фирмами вела, конечно, Лариса, она туда выезжала не один раз без переводчика – у неё был неплохой английский. Но при необходимости Эмма Оттовна ездила с ней. Вела переписку, отвечала на факсы и звонки. Если нужно было переводила. У неё были все архивы документации. Словом правая и левая рука Ларисы одновременно.

Но было еще одно совпадение – мать двух подростков, она не только работала столько, сколько было нужно, но могла – и любила - ездить в командировки на любой срок. Недалеко от её квартиры жила свекровь с покладистым характером, но главное - муж-историк с успехом исполнял роль кормящего отца. Его мизерная зарплата не давала возможности претендовать на большее. Да и занят он в институте практически не был. И хорошо готовил.

То есть за внешностью пастушки с кудряшками скрывался не только крепкий характер, но и много всего прочего, в чем я впоследствии убедился.

О последующих в этот день важных, но не слишком интересных встречах подробно рассказывать не буду. Я думаю так – если о ком-нибудь придется в дальнейшем упоминать, то я вас познакомлю поближе. Если нет – так нет.

Ключевыми игроками оказались те, кого я видел в офисе. «Пастушок» Дима, кстати сказать, оказался кандидатом физико-математических наук, который увлекся компьютером и был специалистом по «логистике и планированию потоков поставок» – я тогда впервые услышал эти определения. Связи, транспорт, график перевозок, загрузка предприятий и магазинов – все было его епархией. Он - насколько я знаю – был одним из пионеров программного обеспечения логистики в Советском Союзе.

Чухлебов не пришел ни на встречу, ни на заседание совета. Я понял, что перспектива добавления еще одно совладельца кооператива его не радует. Если Лариса была возмущена, то внешне это никак не проявлялось.

А сам совет... Люди, как люди, ответственные работники фирмы. Лариса их называла «двенадцать разгневанных мужчин», мне они скорее напоминали присяжных заседателей – наверно в ожидании их вердикта через месяц. Как меня представляла Лариса, повторять не буду из соображений скромности. Это был рекламный ролик. Она сразу предупредила, что решение о месячном испытательном сроке обжалованию не подлежит. Народ сидел мрачно насупившись. Кто-то проворчал – зачем нас тогда позвали? Некоторое оживление внес директор магазина на улице Чехова, в котором мы с Ларисой и Леной были недавно вечером – помните?

- Он может хоть что-нибудь сказать?

Я встал и сказал:

- Рад вас приветствовать. Добрый день. Хорошая сегодня погода на улице.

Немножко народ поулыбался.

- Это вы с Ларисой Степановной были у нас в магазине?

- Я.

- Произвело впечатление?

- Да, ассортимент и цены. Краковская по десять рублей. Московская по четырнадцать пятьдесят.

Директор съехидничал:

- Может вы помните и цену на сыр пошехонский?

Я назвал.

Им овладевал азарт.

- А ветчина особая?

Я назвал.

- А сметана цельная?

Я назвал.

А сардельки говяжьи?

Я назвал.

Неожиданно директор задумался, засомневался.

- Я ошибся?

Он смущенно почесал затылок.

- Нет, это я, извините, сам не помню, сколько они стоят.

Вот тут все облегченно засмеялись и посмотрели на меня с интересом.

Вступила Лариса.

- Хватит, Семён Давидович, а то все подумают, что мы с Александром Зиновьевичем всю ночь учили расценки ваших продуктов.

Совет закончилась в более благоприятной атмосфере, чем начинался.

Потом мы с Ларисой пообедали все в том же кафе ««Лири»», я предложил немецкий счет и она без возражений согласилась. Это означало переход на служебные отношения.

Вернулись в офис. Зашли в её кабинет.

- Саша, будешь сидеть рядом с Эммой Оттовной. Это удобно, она всегда рядом. Подскажет, поможет. И потом, - она заговорщицки подмигнула, - ты еще не председатель кооператива и кабинет тебе не положен.

Моего согласия она не ждала и продолжила.

- Я думаю, что начинать нужно с того, что у тебя – я помню – прекрасно получалось. Со знакомствами с документацией. Проспекты. Пояснительные записки, чертежи.

- Да, извини, а на каком это языке?

- На английском. Так мы заказали. У нас немецкий знает только Эмма. А на русский будем переводить только после утверждения договоров и поставок. Тоже деньги немалые.

Я успел подумать, что она все-таки сомневается... Интересно.

- Ты английский еще не забыл?

- Вспомню, надеюсь.

Юношеское хобби - чтение любой попавшейся литературы на английском языке - время от времени возвращалось. Лариса поморщилась. Моя неуверенность её раздражала. Во всяком случае смущала.

- Когда освоишь проект, поедem за границу. Посмотрим похожие объекты.

Это уже было веселее.

Мы еще обсудили кое-какие рабочие вопросы. В финале мне босс сообщила, что на первый – а может единственный – месяц у меня оклад будет ровно в четыре раза больше, чем на заводе - шесть тысяч четыреста рублей. То есть она знала мою зарплату. Я подумал, что сумма, наверно, включала и компенсацию на случай увольнения. Аванс – половину – могу получить сегодня в кассе фирмы, в магазине у метро Ждановская. Можем поехать вместе, она туда собирается. Поедем на метро – на машине дольше и дороже. Я не кокетничал, поблагодарил, сказал, что с радостью составлю ей компанию, а заодно с удовольствием получу деньги.

- Когда сможешь выйти на работу? Как у тебя на заводе?

- Завтра уволюсь, послезавтра выйду,- уверенно сказал я.

В этот день по дороге в магазин мы больше о работе не говорили, предавались воспоминаниям. Лариса умела переключаться. Магазин был примерно такой же, как на Чехова, только рядом много служебных и подсобных помещений, а на втором этаже конторы и местное начальство. Лариса меня ни с кем не знакомила, подчеркивая этим, что я пока к магазинам иметь отношения не буду. Только зашли в бухгалтерию и кассы. Я написал заявление, дал данные, все было сделано оперативно, никто ни о чем босса не спрашивал. Я понял, что авторитет Ларисы на высшем уровне. Это вам не какой-нибудь директор – хозяин!

Кстати, Чухлебова не было.

- Как обычно, - сказала Лариса.

Домой я пришел с ценными покупками из кооперативного магазина. Там была и колбаса московская, и кусочек балыка, и конфеты «Мишка на севере». Все дефицит. На всякий случай на черный день прихватил пачку пельменей, которые тоже не на каждом углу валялись. Лена уже была дома. Что-то подчищала, подбирала, протирала. Увидела мои покупки, вопросительно посмотрела. Я рассказал о самом важном для неё – я так думал, наверно несправедливо – об авансе.

- Деньги к деньгам, сказала она. И показала лежащее на столе богатство – кусок краковской колбасы, банка тушёнки, пакет гречки и пакет риса. Значит, им давали паек. Гуляем!

Мы с парнем называли её кормилицей – у них в «оборонке» пайки давали чаще. Раз в двадцать, тридцать дней и довольно регулярно. У нас максимум в месяц раз, но на благополучие нашей семьи эти благодеяния не влияли. Всегда пайков было меньше, чем работников, а я часто тянул пустышку. Лена говорила, что у меня такое хобби.

Но сегодня она ни слова не говоря поставила варить пельмени, нарезала закуску и не только накормила нас с парнем, но присоединилась за ужином к нам и даже без книжки. Мало того, она поставила на стол початую бутылку водки и чокнулась со мной.

На следующее утро нас с парнем ждал завтрак. Мой авторитет рос не по дням, а по часам.

Заявление об увольнении никого на заводе не потрясло. Ощущение общей нестабильности и грядущее объединение с другим заводом вынуждало каждого в первую очередь заботиться о себе. Чем больше народу уволится, тем больше шансов у оставшихся не попасть под сокращение. Так что попрощались без надрыва, по-хорошему. Я купил пару бутылок... Русский Хаимович, который ко всему был еще и Моисеевичем, сказал несколько теплых слов.

С моей конструкторской деятельностью было покончено. Я надеялся - навсегда.

С этого времени у меня изменилась походка – стала более лёгкой и в то же время уверенной, изменилась осанка – я уже было начал сутулиться. Теперь – острила Лена – стал стройным, как кипарис. Я понял, что мой мозг и я вместе с ним устали от безделья. Давнего безделья. Теперь другое дело, теперь мне было интересно, наверно самое главное необходимое состояние для работы... и для жизни.

Начну с улыбок.

Секретарь Лина встретила меня теплой улыбкой, но с печалью во взоре. Со временем я понял, что тепло относилось ко мне, а печаль к чему-то неизвестному. Вроде бы у Лины все было хорошо, семья, муж, дети.

Главный «логистик» Дима определенно обрадовался моему появлению у них в отделе. Его улыбка была приветливой. Диме надоело быть единственным мужиком в женском – он сказал в бабьем – царстве. А позже, когда вышла Эмма Оттовна, которую он определенно побаивался, мысль продолжил:

- Это даже не царство, а какой-то гарем. И добро бы я был здесь в роли хана – куда ни шло, но я выступаю в роли евнуха.

Он испугался, что я о нем плохо подумаю, и заспешил.

- Нет, это в смысле... вы же видите, какой контингент.

Дима любил поговорить на околосексуальные темы. Но при этом не ругался, откровенных гадостей не изрекал и это меня не раздражало. Словом, мы с ним сошлись и по-моему в первый же день перешли на ты. Начальника – даже будущего – он во мне не видел. Это меня не обижало, я понимал причину такого отношения: Дима, я думаю, знал себе цену, как специалисту, поэтому совершенно органично никакой иерархии не признавал. Между прочим, это свободомыслие имело одно исключение – к Ларисе наш кандидат наук относился с очевидным почтением. Её аура пробивала даже вполне обоснованную самоуверенность хорошего профессионала. Да, к слову, Лариса тоже давно защитилась, была кандидатом, естественно, экономических наук, а докторскую диссертацию забросила на полдороги – тоже давно – поняв бессмысленность мероприятия. Это были не те деньги...

Улыбка, которой меня встретила Эмма Оттовна, была скорее насмешливой. Особой доброжелательности я в ней не заметил, скорее наоборот. Это была форма ревности? В какой-то степени. Но главным, как я со временем разобрался было, другое. Лариса сказала ей:

- Я прошу вас помочь Александру Зиновьевичу узнать как можно больше о нашем проекте. Поделитесь вашим опытом. Вы не хуже меня понимаете, как это важно и как у нас мало времени. Он должен знать все.

Я думаю, в этом была основная причина напряжения в наших отношениях. Ей казалось нелепым намерение за месяц узнать то, чему она училась пять лет в институте, что узнавала за долгих десять лет трудов праведных в «Пищепроме», не говоря уже о нелегкой работе над диссертацией. А тут видишь ли – пришел, увидел, победил. Эмма Оттовна была подчеркнуто исполнительна, добросовестно отвечала на все вопросы, отбирала и подкладывала мне на стол документацию, которую я просил. Но эта демонстративная исполнительность только слегка маскировала ироничное ко мне отношение, я бы сказал была... да, пожалуй была издевательской. Я надеюсь, вы понимаете, о чем идет речь. А когда мы с Ларисой отправились на неделю за границу – помните, было обещано? – то Эмма Оттовна меня просто возненавидела. Много сил и времени ушло на то, чтобы наладить наши отношения.

Я пытался ей объяснить, что я не конкурент, что у нас совершенно разные специальности и задачи. Не зря же на любом продовольственном предприятии есть главный технолог, который знает, как готовить пищу, и главный механик, который разбирается в оборудовании. Не помогало. Оставалось надеяться на то, что она, в конце концов, оценит мою работоспособность, обучаемость, память и умение работать с материалом, действительно читая по диагонали. Оказалось эти качества, хотя уже в усеченном виде, еще остались, а то, что я утратил за годы безделья, компенсировалось огромным желанием и напряжением сил.

Видя, как я довольно быстро листаю страницы, Эмма Оттовна саркастически улыбалась, и на лице у неё определенно читалось – что интересно в этой голове остается после скачек по тексту, как правило еще и на английском языке. Она в первый же день провела ревизию моего словарного запаса и пришла к скептическим выводам. Ошибочным - я довольно быстро восстановил пробел, брал материалы домой и до полночи читал пояснительные записки к проектам. Язык быстро восстановился, это оказалось похожим на езду на велосипеде – только немного практики и забытые навыки возвращаются.

Какое-то время спустя Эмма Оттовна не выдержала, и стала задавать – вроде бы случайно – вопросы по материалам, которые я уже проработал. Сначала были вопросы на засыпку полегче. Вроде бы вспоминает вслух.

- Парная говядины для одесской колбасы идет сначала на волчок, а потом на куттер? Или наоборот. Забыла...

Я вежливо отвечаю:

- Парное мясо идет только для вареных колбас и сосисок. Не для одесской.

Потом пошли вопросы посложнее. Я выглядел достойно. И...перешел в наступление. Но не оправдания, для дела.

- Эмма Оттовна, в схеме есть требование в куттер добавлять лед или холодную воду. А где мы это возьмем? Не предусмотрено ничего. Летом вода там тридцать градусов...

Случился скандал местного значения. Подключилась Лариса. Мы запросили у фирмы изменений... Это был следующий шаг к примирению с Эммой Оттовной.

Впрочем, наши отношения в дальнейшем развивались по синусоиде, виной тому её характер и темперамент.

Итак, я погрузился в работу. Объем был внушительный – четыре не очень больших, но все-таки завода. И современное хранилище, несколько самостоятельных секций для разных продуктов и различных условий хранения, с автоматическим поддержанием параметров воздуха - температуры, влажности и прочее, и прочее, и прочее. У Эммы Отговны стоял внушительный шкаф документации. Нужно было не просто во всем разобраться, а многое запомнить, чтобы ответить на любой вопрос экзаменаторов. Времени на все месяц.

Я вкалывал - простите за ходульное выражение – как папа Карло. Сначала подолгу задерживался на работе, потом из-за возникших домашних проблем стал уходить почти вовремя, но брал «работу на дом». Об этих проблемах чуть позже.

Я составил хороший план, просто неясно было, как его выполнить. Две недели на изучение документации на все заводы, три-четыре дня на каждый, потом зарезервировал неделю для поездки за границу, хотя в это не верил – у меня загранпаспорта не было, и вообще я считал себя невыездным хотя бы по национальному признаку. Потом неделя – последняя – предназначалась для поездки на Украину, наверняка у совета будут вопросы о состоянии дел на местности.

Вы, оба дорогих моих читателя, люди сугубо гуманитарные, все эти проблемы вам не очень интересны. Поэтому обещаю в дальнейшем не заикливаться на производстве. Разве что при крайней необходимости, по минимуму. А все, что описано в предыдущем абзаце служит одной цели – вы должны представить себе, какую нагрузку и какое напряжение я тогда испытывал. Но в отличие от многих последних лет мой тонус был на высоте. И горжусь – ни разу не было приступов отчаяния, неверия, сомнений. Только убежденность: на первом этапе я не подведу не только себя, но что еще важнее - Ларису.

Почему важнее всего оказался мой долг перед Ларисой? Не знаю, как-то само получилось. И пиетет, и не исключено еще что-то...

Мы с моим новым боссом виделись почти каждый день, кроме выходных. Хотя я в субботу, преодолевая уже упомянутые домашние проблемы, тоже выходил, только немного попозже. Работать в офисе было удобней, все необходимые материалы под рукой. И тихо. А к тому же - вы помните «у бизнеса нет выходных» - раза два за этот месяц заезжала Лариса, когда была в магазине на Чехова, и мы обедали в «Лире». В будние дни она приезжала в офис все-таки нерегулярно, дел, видимо, было немного. Чем-то занималась в бухгалтерии и плановом, просматривала у Эммы Отговны новую переписку с фирмами, готовила ответы. Работала с Димой, который в это время становился серьезным и даже я бы сказал почтительным, насколько это для него было возможно. Но когда Лариса приезжала, мы с ней почти всегда обедали в кафе ««Лири»» – на немецкий счет. Вскоре, месяца через два, к сожалению кафе закрыли. Я даже перестал брать с собой бутерброды, в надежде, что состоится наш ставший уже традиционным обед. А когда Лариса не появлялась, обходился без обеда, не хотелось.

Мы говорили с ней о чем угодно, в том числе и о делах. И тоже как с ездой на велосипеде – очень быстро наше взаимопонимание восстановилось. Я, вспоминая

Казань, говорил, что после общения с ней чувствовал себя, как после чтения хороших стихов. Сейчас Лариса была жестче, проявлялась иногда какая-то горечь и даже усталость. Это был скорее реализм, но до цинизма – я был уверен – дело все-таки не доходило. И... вновь убедился, что Лариса не только умнее меня, но по-прежнему видит многое не так, как мы, простые смертные.

Она никогда меня не проверяла и не подгоняла. Видела, что в этом нет необходимости. Только однажды, когда я ей показал план, со вздохом сказала:

- Огромный объем. Но, Саша, я действительно не могу увеличить срок. – А после паузы добавила, - в самом крайнем случае на неделю.

- Хорошо, - обрадовался я, - месяц и неделя. Заметано.

- И то опасно. Там наверху, - она подняла очи горе, - очень тяжелое положение. Где взять силы... Можешь мне поверить.

Опять тяжелый вздох, и мне даже показалось, что глаза её увлажнились. Не показалось, определенно навернулись слезы. С чего бы ей так сочувствовать бардаку, который происходит у всех на глазах в высших сферах? Опасается не успеть получить заказ – это понятно. Но переживать за них...

Я время от времени заходил к ней в кабинет, как правило, по делу. Но иногда и по надуманному предлогу, когда просто хотелось сказать и услышать несколько дружеских слов. Все мои мысли и намерения – казалось – не были для неё тайной за семью печатями, и в таком случае она сама начинала разговор на вольные темы.

Однажды она задержалась после работы. Я постучался, зашел. Лариса сидела и бездумно глядела в пустоту. На столе было чисто, никаких следов работы. Это было непривычно, Ларису без дела трудно было себе представить. Лина с любовью называла её «наша пчела», иногда интимно «пчелка». А сейчас, казалось, она не сразу обнаружила мое присутствие.

Я спросил:

- Что-то случилось? Новые неприятности?

- Нет, только старые, - и опять замолчала. Смотрела сквозь меня.

Я почувствовал, что теперь моя очередь поднять ей настроение.

- Все будет хорошо. Я сдам зачеты, подпишу заявки, мы получим оборудование, оно заработает как часы. Тебе поставят памятник на родине героя, в Казани.

- Ну да. Все в дерьме, а я выхожу весь в белом. Если свое ни черта не работает, то и чужое не будет.

Я опешил. Такой пессимизм звучал в её исполнении впервые. Мотор фирмы, оказывается, тоже может давать перебои. Давно доказано, что вечного двигателя не существует.

- Ну хорошо. А зачем же мы тогда?..

Она взяла себя в руки. Выпрямилась.

- Потому что нужно бороться до конца. Из каждой ситуации, даже тупиковой, можно найти выход.

Это было сказано с такой решительностью, особенно по контрасту недавними сомнениями, что я сразу уверовал – даже если вокруг все будет рушиться, она найдет выход. И самый неожиданный, до которого мне ни за что не додуматься.

Кстати, насчет «уверовал». Мое отношение к Ларисе было временами в чем-то сродни этому понятию.

- А почему ты домой не уходишь?
  - Шофер где-то в пробке застрял.
  - Давай я тебя подброшу. Недалеко.
- Она засомневалась.
- И мне это будет только приятно.

Согласие было получено. Я галантно взял сумку с продуктами. И когда подъехали к ней, с этой же сумкой поднялся в квартиру. Лариса не открыла дверь ключом, а позвонила, наверно таким образом сообщала о своем прибытии. Дверь открыла молоденькая симпатичная девушка, прислуга и даже в фартучке, как в фильмах. Она забрала сумку. Потом где-то глухо хлопнула дверь, потом еще одна – уже ближе, и появился Сергей Васильевич. Он мне показался усталым, не таким свежим, как месяц тому назад. Может потому, что не было цветного галстука, а вместо модного пиджака серая домашняя куртка.

- Они очень хорошо и тепло встретились. Лариса ласково его поцеловала в щеку.
- Милый, как ты?
  - Хорошо, милая. А ты?
  - Все в порядке, дорогой.

И это звучало совершенно органично. Я позавидовал. Мы с Леной обменивались при встрече «привет, привет». Поцелуев не было, объятий тоже.

- Саша меня подвез, Коля где-то застрял.
- Спасибо Александр... э...
- Можно просто Саша.
- Спасибо Саша.

От ужина я отказался, нужно было мчаться домой.

В квартиру я вошел запыхавшись. Якобы. Демонстрировал, что очень торопился, бежал со всех ног. Хотя бежать было негде – от лифта до квартиры пять шагов. Лена варила пельмени, в мою сторону не взглянула. Парень сидел за столом в ожидании запоздавшего ужина. А я еще сходу сболтнул:

- Извини, нужно было отвезти Ларису домой, её шофер попал где-то в пробку.
- Конечно, Ларису, - мрачно проворчала Лена.

И теперь самое время подробнее рассказать о домашних неприятностях, на которые я намекал раньше. Вы наверно подумали, что Лена ревновала меня к Ларисе? Господи, как вы ошиблись, как это далеко от истины. Вы совсем не разобрались в моей жене. Если бы я такое предположил, то это бы означало как минимум манию величия. Лена видела Ларису и была о моем мужском обаянии – не буду уточнять, какого мнения. Как практичный человек, она даже подумать не могла, что с этой стороны может что-то грозить нашему семейному благополучию. И опять-таки как практичный человек, она понимала, что опасность – не семье, а нашему быту – действительно грозит со стороны моей новой работы. Лариса была только лейблом, названием.

В чем заключалась проблема. Я уже рассказал, что в нашей квартире было распределение обязанностей, которое устраивало всех, точнее почти всех. Еще точнее

Лену. Она никогда не просила помочь ей в уборке, стирке, глажке – тогда еще гладили вещи и в каждом доме был уют. У нас всегда было чисто и уютно. Впрочем, свою лепту я тоже вносил – с пылесосом в руках. Но зато мы с парнем ели вдвоем, я подогревал еду или готовил что-то на скорую руку утром и вечером. На завтрак я приучил его к королевскому меню – овсянка и яйцо всмятку. А вечером часто – слишком часто – варил пельмени или гречневую кашу, мыл посуду. А тут еще вмешался в нашу жизнь вездесущий Михаил Сергеевич Горбачев. Он разрешил скользящий график на производствах. То есть работник мог приходить на работу не в – скажем – восемь утра, как мы с парнем, а по желанию, в десять, а то и в одиннадцать, и соответственно уходить позже. У Лены в оборонке был автомат на входе, который отбивал время появления и убытия. Наш завод работал по старинке, мы проходили через проходную, здороваясь с охранником, в крайнем случае демонстрируя пропуск. О введении скользящего графика и речи быть не могло.

Как и следовало ожидать, моя жена «заскользила» до десяти часов утра, иногда и до одиннадцати, возвращалась в семь-восемь. Когда мы с парнем уходили – он в школу, я на работу – Лена занималась любимой чисткой и уборкой, иногда готовила кастрюлю голубцов, фирменное и почти единственное блюдо. Мы с парнем должны были утром позавтракать, потом после возвращения поужинать, включая мытье посуды – обязательно! Сделать уроки – благо в школе, как правило, «ничего не задавали» или «а-а, там ерунда». После возвращения Лены уже никто не морочил ей голову, и она могла с книжкой часок-другой поужинать, чем бог послал.

- Я не так много прошу от жизни, - говорила она, - только иметь возможность после работы спокойно поесть и почитать. Так я отдыхаю от трудов и... от всех.

Я определенно входил в число «всех». Бог с ним, с едой и кормежкой. Но я считал, что если семья хотя бы за ужином не сидит в полном составе, то это вовсе не семья. Когда Лена заканчивала ужин и отдых с книжкой, на часах было... Словом, общение наше сводилось к минимуму. Нет, оно все-таки оставалось, к некоторым своим обязанностям мужа я относился довольно добросовестно. Говорят, что это основа семейной жизни, и в соответствующей литературе об этом пишут, такого – я точно знаю – мнения была и Лена. Я вероятно смотрел на семейные узы шире, но – уже говорил – моего мнения не всегда спрашивали. Пока моя работа не стала регулярно ломать график, все в доме – почти все – были довольны.

Я сначала задерживался допоздна, Лена какое-то время терпела, потом при моем появлении стала говорить парню:

- Постоялец явился. Не запылится.

Мой солидный аванс и перспектива разбогатеть её не приводили в восторг. Жена была, должен признать, не меркантильна, и многого от меня не требовала. Раньше раз, максимум два в месяц я с компанией задерживался в бадежке – это она мне прощала. Мужики, что с них возьмешь. Но регулярно...

Я понял, что дело может закончиться грандиозным скандалом и стал приходить почти вовремя. Кормил парня. Но приносил с собой папки, сидел над ними до полуночи, об уроках уже никто не заикался. Мы обычно ложились не поздно, так было принято, оба любили поспать. Теперь Лена в спальне смотрела одна телевизор, я оставался в гостиной работать. Чтобы её не будить, регулярно там и засыпал. И - чего

греха таить - некоторыми обязанностями стал пренебрегать. Но все равно при всем желании приходилось нередко опаздывать к кормежке парня. То экскурсия на мясокомбинат, то обучение у Эммы Отговны затягивалось, а она – не в пример Лене – задерживалась на работе с удовольствием. Потом я уехал за границу, потом «смылся» на Украину и получил дополнительное прозвище:

- Наш гастролер приехал.

Конечно не сразу, но постепенно общение в моем семейном гнездышке становилось напряжённым. Мне даже как-то довольно прозрачно дали понять, что на квартиру и прописку в Москве были совершенно другие условия. Это было высказано намеком, не так прямо и грубо, как я только что заявил, но суть примерно такая.

Кстати сказать, я уверен, что если бы предыдущие пять лет мы ужинали каждый день вместе, всей семьей, то отношения могли бы выглядеть иначе. А впрочем, кто его знает...

Возвращаюсь на работу. Лина по-прежнему меня встречала теплой улыбкой, но печаль во взоре кажется уже относилась ко мне. Дело в том, что я часто – по её мнению слишком часто – при входе спрашивал:

- Лариса Степановна сегодня придет?

На этом основании Лина наверно решила, что я серьезно и безнадежно влюблён в моего начальника – производственная трагедия. В том, что у меня шансов нет, она – как и Лена - не сомневалась. Но Лина ошибалась, я не был в Ларису влюблен. Все было не совсем так. Конечно, воспоминания молодости и то, что она была очень привлекательна во всех отношениях, играло немалую роль, это я признавал. И все-таки – мне казалось - главное заключалось в другом.

Я приехал в Москву, когда мне было под пятьдесят, в этом возрасте завести друзей непросто. На заводе ни с кем толком не сошелся. Дома... вы знаете, как было дома. Даже совместного ужина всей семьей... ну, об этом я уже писал. А как большинство одесситов, я любил «поговорить за жизнь». Словом, если отставить шуточки в сторону, мне очень не хватало обычного человеческого общения. С Ларисой я отдыхал душой. Ей можно было все сказать, и она все понимала. Мне было интересно с ней, интересно на работе и все это каким-то образом слилось воедино. Во всяком случае мне так казалось. Надеюсь, вы поняли мое несколько сумбурное объяснение.

Три недели, отведенные для изучения документации по заводам, пролетели как один миг. Но мне казалось, что намеченное я выполнил. Мозг впитывал данные, как губка, возможно потому, что там давно был полный вакуум.

Я завел пять блокнотов для записи, по блокноту для каждого предприятия. К концу третьей недели четыре из них были заполнены четким почерком отличника, дисциплинированного и добросовестного. Были там и схемы, линии потока различных изделий – скажем колбасы краковской или сосисок говяжьих – выполнены различными цветами. На столе у меня лежал целый набор фломастеров. Это можно было смело публиковать. Эмма Отговна видя такое прилежание стала относиться ко мне доброжелательней. Более охотно отвечала на вопросы, иногда сама предлагала услуги.

За эти три недели мы уже совсем было примирились с моей наставницей-помощницей, но тут пришло время уезжать за границу, и в глазах Эммы Отговны опять

появился злой отблеск. Её плохое настроение или отношение можно было определить только по глазам – они леденели. Все остальное – улыбка, ямочки на щеках, кудряшки, внешность и манеры пастушки не менялись.

Лариса о поездке не забыла – она, казалось, вообще ничего не забывала, а при помощи Лины это качество можно было считать абсолют. Итак, за два дня до вылета, она сообщила, что мы на неделю летим в Италию. В Рим! Великий город! Я был потрясен. До сих пор я за границу не выезжал. Как у Жванецкого: «А где я мог быть? Я тут все как-то... Внутри». Как ей удалось за три недели выбить мне заграничный паспорт и визу – одному богу известно. Хотя выезд был при Горбачёве облегчен, все равно это можно считать чудом. Правда я в первый день работы заполнял всякие бумаги, но всерьез их не воспринимал. Для свершения чуда должны были подключаться не только орудия главного калибра, но и ... баллистические ракеты, как минимум. Я долго гадал, зачем стоило прилагать такие титанические усилия для моей транспортировки на запад. Казалось бы. В принципе без моей поездки вполне можно было обойтись.

- Почему в Италию? - спросил я. – Ведь все производители в Германии и Швейцарии?

Лариса улыбнулась.

- Италия тебя не устраивает?

- Устраивает. Еще как устраивает.

Она стала серьёзной.

- Тебя больше интересует, как цеха строят, или как в них работают?

- Конечно, работают.

Но оказался еще один важный момент. В Италии была фирма-посредник, через которую Лариса проводила все финансовые операции. При нашей бюрократии было сложно платить каждому участнику, куча бумаг разрешений и согласований. А потому посредник – один адрес, - который мог ездить в любое место и совершать любые финансовые операции, был удобен. Разумно.

Когда Лариса увидела меня на аэродроме с чемоданом в одной руке и тяжелой сумкой с документацией хранилища, которую я еще не успел даже открыть и собирался штудировать при переездах, в другой, то насмешливо скривилась и отдала сумку шоферу.

- Добавлю два дня, только не устраивай шоу.

Я почувствовал себя провинциалом, каким по существу и являлся. Хорошо, что хотя бы блокноты были в чемодане...

Это была сказка. В аэропорту Леонардо да Винчи нас ждал автомобиль с шофером. Сразу скажу, что Лариса часто сама была за рулем, что за женщина! У меня международных прав естественно не было. Платила за все она – деловая поездка. Но мне выдала суточные, двести долларов, чтобы я мог, скажем, в баре платить, сохраняя свое мужское достоинство. Мы сразу поехали в фирму-посредник, где нас встретили с почтением, доказывающим, что трудятся на нас они не бесплатно.

О самой Италии читайте в другой литературе. Не удержусь и скажу только, что «Великий Рим», я имею в виду исторический, безусловно, поражает воображение дыханием и красотой древности, но вместе с тем он оказался, на мой взгляд,

маленьким, размером с микрорайон Москвы. Мы за день обошли его вдоль и поперек. Все достопримечательности, включая Венецианскую площадь и даже Колизей, оказались меньше, чем я ожидал. В масштабах цивилизации мы ушли далеко. И на этом все. Не удастся передать даже долю впечатлений, не стоит зря стараться. А о рабочей цели поездки, о посещении предприятий я мог бы рассказать больше, но вам, два моих дорогих читателя, это будет неинтересно. Поэтому сокращаюсь.

Первые два дня мы довольно добросовестно потратили на работу, часов до двух-трех. Отдохнув и пообедав, до полночи бродили по Риму или сидели в кафе.

Посредники нам организовали поход на три заводика. Поблизости от Рима. Колбасный, консервный и – больше всего мне понравилась – очаровательная сыроварня. Я тогда решил, что к старости - если разбогатею – куплю себе сыроварню и буду наслаждаться. Вне темы нас повезли на конфетную фабрику, наверно потому, что Лариса любила хорошие конфеты. Я больше любил коньяк... но меня никто не спрашивал. Кстати о коньяке, пили мы граппу – инициатива босса. Я привык выпивать до еды, а этот нектар, оказываются, пьют после. И видов граппы там множество, Это разнообразие Ларисе нравилось. Оказалось, она при случае не чуралась, недостаток, который я засчитал в плюс (у Лены в детстве был инфекционный гепатит, она чуралась - минус).

На фирмах везде было чисто, аккуратно, максимальное использование площадей. Мне понравилось больше, чем наших планов громадьё. Но я обещал эту тему не развивать.

Кроме экскурсий у нас – точнее у меня – было еще одно дело. Я заполнил в итальянской фирме какие-то документы, позволяющие мне проводить финансовые операции. Для безопасности, чтобы никто не мог от моего имени эти распоряжения подделать, кроме официальных основных данных я оформил секретный код из девяти знаков. Записывать его было нельзя, пришлось запомнить. И данные - имя, фамилия и дата рождения - моей дочери. Лариса объяснила, что это контрольный вопрос, на случай, если я забуду код. Теперь г-н Подольский авансом стал почти председателем правления. Наверно Лариса не сомневалась, что я им буду. Признаюсь, я тоже был почти уверен. И мне польстило, что на этой итальянской фирме мне оказывали такое же – если не большее – уважение, чем Ларисе. Возможно потому, что там гендерного равенства еще не достигли.

Мы еще один день – третий – полностью посвятили Риму. Лариса сказала, что у нас визит рабочий, на настоящую экскурсию по Италии времени нет. Но оставшихся три дня нужно использовать. Мы поехали через Флоренцию в Венецию, там ночевали и катались на гондолах, потом – помню – через Верону в Милан, тоже с ночевкой. И назад в Рим. Вернулись в опасной близости ко времени вылета самолета – на шоссе были пробки. Рисковали. Фирма-посредник предоставила нам шофера, который был по совместительству гидом. Он не слишком хорошо владел английским, так что я его отлично понимал. Гид вел себя тактично и вечером исчезал в неизвестном направлении. Гостиницы были скромные, но довольно приличные. Все было идеально. Вечером перед сном мы – тоже традиция - сидели часок с рюмкой-другой граппы. Спокойно, не торопясь беседовали, отдыхая от трудового дня – экскурсия посреди толп туристов, говорящих на всех мыслимых и немыслимых языках, это тяжелое

испытание. У Ларисы в эти дни было ровное, хорошее настроение. Но иногда – без видимой причины - она отключалась. Вдруг осунется, обмякнет и... даже постареет. Я в таких случаях её не тормозил, понимал - десятки миллионов долларов нелегкая ноша. Но это продолжалось, как правило, недолго.

В один из вечеров Лариса сказала, что не отнеслась к нашему разрыву в Казани так спокойно, как мне это, казалось.

- Просто я не была готова на то, что предложила тебе Гала. Но долго расстраивалась.

Это было приятно услышать.

В другой вечер из её разговора я понял, почему она так много и тепло общается со мной. Мотивы у нас были примерно одинаковыми. Лариса по приезду в Москву сразу попала в общество мужа, солидных советских функционеров, соседей по госдачам и их советских жен.

- Похожих на жену Брежнева, примерно такой типаж.

Сергей Васильевич был в их компании самым молодым. В те годы еще не было принято менять старых жен на молоденьких. С высокопоставленными возрастными друзьями мужа Лариса общего языка не находила, с их женами тем более. Она тоже нуждалась в общении. Я подумал, что именно по этой причине почти сразу попал в число её близких друзей.

Уже в Милане, перед концом эпопеи, мы очень устали, наверно я выпил больше, чем две рюмки граппы, и мысленно – мысленно! - позволил себе перейти грань сдержанности и уважения. Чем черт не шутит, когда бог спит... Разумеется я ничего не сказал, но Лариса, мне кажется, не только знала, но даже слышала, о чем я думаю.

- Саша, - сказала она, - давай поговорим. Нужно.

Я замотал головой, что должно было означать – не нужно, все в порядке. Но она продолжила.

- Ты знаешь, я к тебе хорошо отношусь. Но мы не должны разрушать нашу такую важную общую работу и такие хорошие человеческие отношения. Я не способна вести двойную жизнь, притворяться и скрывать что-то от Сергея Васильевича. И уверена, что ты меня понимаешь. И дорожишь тем, что есть.

Мой ответ прозвучал без обдумывания:

- Иначе бы ты оказалась не той Ларисой, которую я знаю, а совсем другим, неизвестным мне человеком.

Я чувствовал себя пристыженным, но не слишком огорченным. Как и в Казани, у нас были очень хорошие отношения, но сексуальных силовых линий между полюсами не наблюдалось. Почти.

Сказка закончилась. Я купил итальянские сапоги Лене и красивый калькулятор парню. Мы улетели в Москву.

Еще в самолете я с ужасом осознал, что нахожусь в страшном цейтноте. Осталась всего неделя, а проект основного хранилища я даже не открывал. Пора было ехать на Украину, там – уверен – все тоже было непросто. И скорей всего вопросы подготовки к установке закупленного оборудования будут самыми дотошными. Изучать проблемы транспорта и логистики я даже не начинал. Сколько будет закуплено рефрижераторов,

график перевозок, где их основная парковка – в Москве или на Украине? А перевалочные базы? Начать и кончить. Еще два дня, которые в аэропорту дала мне Лариса – капля в море. Я испугался по-настоящему. Наверно это было по мне видно, потому что даже Лена перестала на меня дуться – а может сапоги подействовали.

Я лихорадочно принялся изучать проект основной базы, стал заполнять пятую записную книжку. В промежутке для отдыха беседовал с кандидатом-пастушком Димой о транспорте и вообще о логистике и даже завел шестую книжку по этой тем. Мои труды вполне тянули на многотомное собрание сочинений. И тут драгоценное время у меня отняла Лариса. Он сказала, что я к десяти утра должен явиться в магазин на Ждановской для знакомства с Чухлебовым. Конечно, давно нужно было, кто спорит, но это минимум полдня псу под хвост. Черт...

Я познакомился сразу с двумя – с Чухлебовым и Ашотом. Предварительно мы в это утро встретились с Ларисой в нашем офисе, она кое-что о них рассказала и - признаюсь – основательно меня огорошила.

Преамбула была впечатляющей - она объяснила, что у нас заработать деньги не сложно, сложно их защитить. Каждый, у кого есть хоть какие-то возможности, требует поделиться. Для чего применяются все дозволенные, а чаще недозволенные способы. На полную мощность используют так называемые правоохранительные органы – рэкет под крышей «закона» процветал уже тогда. Как, впрочем, и совершенно незаконный – даже по форме – чисто бандитский рэкет, а именно шантаж, угрозы, их осуществление в любом виде, вплоть до... и так далее, и так далее. Бизнес – объясняла мне откровенно Лариса – в современных условиях не может существовать без защиты и нападения, Я понял – это означало, что с обеих сторон не слишком церемонятся, на грани или даже за гранью допустимого. С волками жить – по-волчьи выть. Это меня шокировало. Увы, не в последний раз...Особенно по контрасту с демократическими речами, которые потоком лились на нас из газет и телевизоров. Значит вот куда мы движемся – вместо советского просто в другую форму беззакония?

Чухлебов был нужен кооперативу для «официальной» обороны и наступления. У него, как у бывшего кагебиста, были отличные связи в силовых структурах. Ашот числился начальником охраны, и в его негласные обязанности входило – запнула Лариса – все остальное. Я понял, что она имела в виду. То ли для смягчения сказанного, то ли наоборот, желая поставить точки над «и», она добавила, что хотя Ашот бандитом не был, никогда в тюрьме не сидел, но входил в замоскворецкую группировку, которая была известна не меньше, чем солнцевская или люберецкая. Я не понял – не бандит, но входил в бандитскую группировку? Как это? Уточнять не стал.

Но Лариса подчеркнула – они в основном защищаются. Гм, в основном. Значит бывают и исключения...

Мы ехали на встречу в её машине молча. Темы были подняты такие, что при шофере их обсуждать не стоило. У меня было время подумать. Почему мой босс вылила на меня этот поток шокирующей информации? Скорей всего – а Лариса ничего не делала необдуманно – это была последняя проверка. Я обо всем рано или поздно узнаю, так пусть это произойдет до назначения, чтобы я потом не говорил - меня бедного обманули. Но могу ли я быть уверен, что это последняя мрачная «тайна кооперативного двора»?

«Ты должен знать в основном, что происходит, прежде чем сделаешь выбор. Я не хочу заманивать тебя в ловушку», - так она мне сказала при первом предложении о работе. И кажется выполняет обещанное, хотя этот наш разговор наверняка ей дается нелегко. Сидит непривычно мрачная, настороженная. Она снова предоставила мне возможность выбора. Я не был слишком наивным, просто жил вне среды, где переживание приспособленных было формой существования. О многом догадывался, хотя масштабы этого «дарвинизма» меня все-таки удивили. Включаться или не включаться? В сущности именно такой гамлетовский вопрос задала мне Лариса. Она видимо включилась, и не сегодня это произошло... Я пока ответа не знал. Решил послушать и посмотреть, что дальше будет. А пока еще раз убедился в одном - большие деньги даром не даются.

Встреча состоялась в кабинете у Ларисы – был у нее кабинет и в магазине. Кстати, там она проводила большую часть рабочего дня.

Я только сейчас, когда пишу, сообразил на кого был похож Чухлебов – на постаревшего Путина, хотя члену кооператива тогда было столько же лет, сколько сейчас президенту России. Но время было другое, да и условия жизни у них разные. Никто Чухлебова не омолаживал, не подтягивал, не накачивал витаминами и прочим, поэтому он смотрелся лет на десять старше. Но был очень похож. Прическа, овал лица, просматривалось славяно-монгольское происхождение, невысокая, крепкая – не по возрасту – фигура. Но главное сходство - глаза. Такой же неопределенный цвет, неопределенный взгляд. Даже когда он старался смотреть прямо на кого-то или на что-то, сфокусироваться не удавалось. Чухлебов знал за собой этот недостаток, боролся, как мог, с бегающим взглядом – плохо удавалось. Как и его двойнику.

А вот Ашот меня удивил. Я ожидал увидеть бандита с квадратным лицом, нечто вроде Фимы – помните уголовника из Казани? Но это был молодой – думаю, моложе тридцати – вариант итальянского жиголо. Хотя почему итальянского, можно сказать и кавказского. Смуглое красиво-сладко-знойное лицо, которому очень шли тонкие усики, без них комплект был бы не полным. Волосы немного волнистые, черные, казались набриолиненными, хотя это было не так – просто такой общий стиль. Покоритель сердец определенного типа женщин. Рост довольно приличный, фигура подтянутая, гибкая, но чувствуется сила. Лариса, представляя его, сказала, что Ашот родился в Москве – и незаметно подмигнула. Она хотела, чтобы я не обращал внимания на камуфляж - не только подчеркнуто кавказскую внешность, но и легкий соответствующий акцент. Это в те времена считалось признаком бандитской смелости и безнаказанности, точнее безбашенности. Впрочем, как и сейчас. Когда Ашот чем-то увлекался, то говорил нормально, с явным московским акцентом. Потом спохватывался. Еще Лариса сказала, что он окончил институт физкультуры имени Лесгафта и специализировался на боевых искусствах. В этом его основной талант. На довольно прозрачную иронию Ашот не реагировал, то ли не понимал, то ли не считал нужным замечать. Скорее второе, он на всех окружающих, в том числе и на своего боса, смотрел свысока – это был его взгляд на жизнь.

Мы обменялись ничего не значащими фразами. Чухлебова я ни о чем не спрашивал, а у Ашота спросил, много ли у него в подчинении голо... чуть не сказал головорезов,

но спохватился и заменил нейтральным «сотрудников». Он ухмыльнулся, понял, и сказал:

- Двенадцать ... сотрудников.

Не мало.

Лариса пару слов сказала обо мне, но рекламировать не стала, судя по всему, на мою дружбу с силовиками кооператива она не рассчитывала.

Потратив на общие фразы еще четверть часа, мы разошлись. Я понял, что Чухлебову не нравился еще до знакомства. А отношение Ашота ни тогда, ни позже меня не интересовало.

Назад я возвращался на метро и чуть не пропустил свою остановку. «Мысли смешались, голову мнут». Моя доселе слишком тихая и бесцветная жизнь со дня на день и даже от часа к часу становилась все более напряженной и – как сегодня выяснилось – рискованной. Не слишком ли много экспрессии для довольно мирного человека, которым я был всю жизнь? Впрочем, стоп! - не всегда. Происходящее очень похоже на казанский этап, а там я смирился и даже неплохо себя в конце концов чувствовал. Сейчас примерно такая же ситуация, только на следующем, более высоком, а значит еще более опасном витке. Но зато и перспективы более основательные. И есть еще одно важное отличие – тогда, в Казани, махинации в комбинате все-таки были в стране скорее исключением, чем правилом, хотя и не слишком редким исключением. А сейчас – Лариса мне доходчиво разъяснила – бизнес просто не может быть другим, и с большой вероятностью не изменится ближайшие годы. Как все, так и мы - а это уже совсем другой подход. Нужно признать, что бизнес у нас не может в обозримом будущем не быть наполовину – в лучшем случае наполовину – бандитским. Это реальность. И если я не хочу оставшиеся годы быть убогим и неуспешным конструктором, то может «премудрому пескарю» все-таки стоит попытаться использовать выпавший на его долю шанс? Просто нужно быть по возможности осмотрительней и осторожней.

Я еще раз попробовал объективно оценить ситуацию. Лариса сказала, что они в основном защищаются. Это «необходимая оборона», которая даже в суде признается допустимой, главное, не выходить за её пределы...

И в этот момент я обратил внимание на то, что мысль «бросить все пока не поздно» у меня даже не возникла, а это, честно говоря, удивительно. Должна была бы появиться! Но нет, в основном я мысленно искал основание продолжить начатое, несмотря на то, что где-то в глубине подсознания шевелились мрачные предчувствия. В этом загадочном омуте кооператива неприятные сюрпризы еще могут быть, несмотря на мою слегка пошатнувшуюся веру в искренние помыслы Ларисы. Во всяком случае по отношению ко мне.

Короче говоря, я искал оправданий. И причины этого понятны. Ну, во-первых, подводить Ларису было... было просто невозможно! Это нож в спину женщине, от которой я – ни в юности, ни сейчас – не видел ничего, кроме хорошего. Она мне доверилась! И я слишком дорожил её отношением. Во-вторых, возвращение в ранг конструктора-неудачника было ничем не лучше самоубийства. Да, Чухлебов и Ашот были не комильфо, их дела, скорей всего тоже не лучше. Значит нужно постараться не

замараться, держаться на расстоянии. Смахивает на показное чистоплюйство? Да, пожалуй. Аморально? Возможно. И тогда я нанес своим интеллигентским колебаниям сильнейший, нокаутирующий удар - откровенно признал, что никогда особо высокой, кристальной принципиальностью не отличался. Напомнил Казань и еще кое-какие эпизоды из прошлой жизни.

К моему стыду борьба продолжалась недолго. Я только раза три прошелся из конца в конец по Тверскому бульвару, и решение было принято. Долг перед Ларисой и соблазн за явным преимуществом победили опасения. А слабые доводы морали вообще во внимание можно было не принимать.

Видите, мои дорогие малочисленные читатели, я стараюсь ничего от вас не скрывать. Хотя хочется: «А я выхожу весь в белом». Нет, пишу, как было. И то ли еще будет! Но по-прежнему утешает одно – эти признания один из вас читать не сможет, а другой просто не станет.

В офисе меня встречала Лина. Она предложила выпить кофе-чай с печеньем или коврижками – её стандартное меню. Я вспомнил, что еще не обедал и поблагодарил за заботу. Мы вошли в секретарскую. Там было всегда чисто, все блестело, на столе у неё ничего лишнего, только какая-то папка, телефон, стаканчик с ручками, ножницами, ножиком. Рядом этажерка с папками. И сама наша секретарша была всегда аккуратна, подтянута, строгое платье, зимой не менее строгая кофточка – стиль выдерживался во всем.

Я понимал, почему получил приглашение на чай-кофе. Лина еще не знала, как прошла наша встреча на Ждановской, поэтому её сведения обо всем и обо всех были не полными. Впрочем, она догадывалась, что ничего существенного не произошло, её больше интересовало мое впечатление. Она так и спросила:

- Ну, как вам понравились наши вояки?

У нас с Линой сложились доверительные отношения. Я пришел к выводу, что хотя она многое знала, но сплетницей не была. Если о ком-то рассказывала, то только потому, что считала это полезным в первую очередь для своего кумира – Ларисы. Поэтому и ответил откровенно.

- Чухлебов такой, каким и должен быть бывший гэбист. Мы с Ларисой Степановной такого персонажа знали еще в Казани. – Лина была в курсе наших с боссом исторических связей. – Но тот был похитрей, Чухлебов проще. Но тоже палец в рот не клади. Он с Ларисой Степановной не очень ладит?

Лина ограничилась минимумом информации.

- Пока не получили импорт он не опасен. Для неё. Не для тебя.

Я благодарно кивнул.

- А Ашот? Произвел впечатление?

- Итальянский жиголо?

Лина громко рассмеялась. Я никогда еще не слышал её смеха, дело обычно ограничивалось улыбкой. Хотя даже сейчас глаза выглядели невесело. Я уже говорил, что для этого вроде бы не было никаких оснований. Кроме хорошей семьи, о которой уже упоминалось, у неё была еще мама в отличной форме, помогала по хозяйству и почти не болела. Чего еще человеку желать? Лина даже не была еврейкой, так что на вековую печаль предков тоже ссылаться не стоит.

– Жиголо? Почему итальянский? Хотя да, похож.

Отсмеявшись, она заговорила серьезно.

- Он не жиголо. Тем более не итальянский. Жиголо живет за счет женщин. А Ашот в деньгах не нуждается. Он сам может заплатить, сколько нужно. Кстати ему и платить не надо. К нему стоит очередь молодых и не очень молодых дур, любителей экзотики.

- А откуда у него деньги? - я подумал, что даже на мои шесть тысяч четыреста не разгуляешься.

- Только между нами, - я кивнул. - Он собирал мзду на Рогожском рынке.

- Так там же кавказцы?

Это было время, когда большинство московских рынков стали жертвами «дружбы народов». Местным продавцам было туда не попасть.

- Собирать мзду у кавказцев это нужно быть.., - я не мог найти подходящего сравнения, – это как.. это как «среди биндюжников он слыл грубияном».

Лина опять засмеялась. Она была интеллигентной женщиной и Бабеля читала.

Я расстроился.

- Так он настоящий действующий бандит?

- Нет, он бандит в отставке. Лариса взяла его на условии, что со своим вымогательством он полностью покончит. Не подставит фирму под монастырь.

- И ему можно верить? - я не скрывал иронии.

- Я верю Ларисе. Она не ошибается.

В голосе Лины было такое убеждение, что я понял – она тоже «уверовала».

И мне ничего другого не оставалось.

- Гм, начальник охраны. Начальник сторожей?

Лина посмотрела на меня с искренним удивлением.

- Александр Зиновьевич, вы с какой планеты? Не видите, что творится?

Я смутился. Да, был в курсе слухов, на уровне обывателя, каким и являлся. Верил им и в то же время считал паникой. Лина, стараясь быть тактичной, немного рассказала о том, что позже – а может уже тогда – называли «криминальной революцией перестройки». За последних пару лет количество преступлений возросло в полтора, а кое-где в два раза. Как на дрожжах росли банды. Возникали группировки. В те годы многое начиналось. Развал был питательной средой сразу для всего плохого и хорошего одновременно. Не напрасно в стране, где все скрывали, где официально «не было наркотиков, банд, проституток и даже секса», создали в 88 году – год назад – РУДОП, комитет по борьбе с организованной преступностью. Я с прискорбием признался, что этого не знал и с уважением посмотрел на полит-образованную Лину.

- Неужели вы думаете, что будут грабить в парадной только тех, у кого в кармане есть десятка?

Я так уже не думал. Просто пока не был знаком с теми, кто может позволить себе нанять телохранителей.

Лина продолжала ликбез.

В кооперативе был спорный гараж, на который кто-то тоже претендовал. Он время от времени возгорался. Сторожа не могли ничего поделывать. Тогда Лариса и наняла

Ашота. Через пару дней недалеко нашли двух сильно избитых и даже покалеченных парней. С тех пор о гараже все забыли. Не Ашот, так был бы другой, выхода не было.

Лина тем временем продолжала меня просвещать. В годы криминальной революции телохранители стали работать не только на правительство, а и на бизнесменов, которые вынуждены были их нанимать. Все, как я уже говорил, начиналось в те годы.

Лариса долго запрещала охране ходить за ней. И все-таки в конце концов вынуждена была согласиться. Это случилось после одного эпизода, о котором Лина наотрез отказалась говорить, и даже побледнела при одном воспоминании о нем. Но при одном условии - чтобы телохранители держались на расстоянии. «Не сидели на голове». Я вспомнил, что в кафе неподалеку от нас часто обедал один парень...

- Лина, рыжий, здоровый - это охрана?

Она хитро подмигнула:

- Леша Лебедь. Из замоскворецких.

Чтоб покончить с этой темой, скажу, что я со временем знал всех её телохранителей. Иногда поблизости болтался – то есть, простите, работал – и сам Ашот. Ларису это раздражало, а я быстро привык, конформист он и есть конформист.

Разговор с Линой помог мне лишний раз убедиться в том, что стерильная успешная организация в данных условиях практически невозможна. Но... я впервые позволил себе сомнения в праведности моего босса. Бытие определяет сознание. Новое побеждающее капиталистическое бытие, насколько оно изменило сознание моей старой подруги Ларисы, чудной и искренней девочки со светлой улыбкой и ореолом легких волос? Она не могла не знать, что людей покалечили – без явного или неявного её согласия в фирме ничего не делалось. Наверняка было и другое. Это не похоже на хорошие стихи...

Но решение принято... Пришлось еще раз внушительно сказать себе – назад дороги нет! И жребий брошен, и Рубикон перейден, и какие еще есть изречения на эту тему?

Я знал, что Лариса сейчас волнуется, слишком много она на меня поставила. Поэтому прямо от Лины позвонил ей в магазин на Ждановской. Она взяла трубку.

- Лариса, я послезавтра выеду на Украину. Хорошо? Времени в обрез.

Она громко и с облегчением вздохнула.

- Хорошо. Я завтра с утра у вас буду. Обсудим.

И после паузы тихо сказала:

- Спасибо, Саша.

На следующий день я привычно спросил у Лины:

- Когда будет Лариса?

- Она уже здесь. Пчелка.

Я постучался в кабинет и вошел. Меня встретили улыбкой, такой же безоблачной, как в молодости. Жаль – подумал я – что её мы видим чаще всего озабоченной и серьезной.

- Улыбайся чаще, тебе это идет.

- Для этого нужны основания, - она вздохнула.

И тут же стала привычно деловой.

- Значит, отправишься завтра, - это было скорее утверждение, чем вопрос. – Я думаю тебе лучше поехать с Эммой. Она там всех знает.

Я кивнул.

- Познакомит тебя с людьми. Она полностью в курсе дела. Поэтому давай я сначала расскажу тебе то, что ты еще не знаешь, а потом позовем её.

Я снова кивнул, но немного встревожился – опять чего-то не знаю? На это у меня уже выработалась негативная реакция. Но на этот раз новости были утешительными. Главной задачей на Украине для меня было ни во что не вмешиваться, и ничего не решать, только попытаться понять, что происходит. И то не стоит особо стараться, чтобы не навредить.

Дело в том, что Лариса – кстати согласовано с Чухлебовым – приняла особую стратегию по отношению к работам на Украине. Было решено - пока не оформили полностью импорт, на местности пока ничего не сообщать о проекте. Ни слова. Сначала нужно подписать все документы о праве пользования участком. Просто оформляем на кооператив, а зачем – еще не решили. Когда надумаем – будем согласовывать. В нынешнем бардаке мало кого интересует, что будет дальше. Получат денежки за бросовый участок – и довольны. А если узнают о сути проекта, что там речь идет о магазинах – цены взлетят до небес, все будет в разы дороже. И местные власти, и инспекция, и экологи начнут рвать куски. О «кусте» знает только их директор, Кирилл Матвеевич. Ни рабочие, ни служащие не в курсе дела. Никаких фундаментов, никаких реальных работ – иначе нужно согласовывать со всеми. Фирма сейчас завершает оформление участка. Занимается этим сама Лариса. Остается немного потерпеть.

Поэтому не нужно ни о чем связанным с сельским хозяйством, животноводством и тому подобным даже интересоваться, не дай бог. Не смотреть в их сторону.

Лариса явно не торопится заканчивать оформление. Снова ждет решения об импорте?

Она, кажется, догадалась, о чем я думаю.

- Да, незачем лишние деньги тратить. Будем преодолевать трудности по мере их наступления. После того, как ты подпишешь договор, пройдет минимум три-четыре месяца, пока начнутся поставки – если начнутся. Времени хватит. За это время мы все сделать успеем. Разве что кроме двух работ – трудоемких. Это бы нужно делать немедленно. Но по возможности бесплатно.

Она почти рассмеялась. Серьезно к возможности работать бесплатно относилась скептически. Но продолжила.

- Нужно обновить коммуникации – вода, газ, и электричество. Но самое главное – дорога. Двадцать километров от основной трассы идет разбитая колея. Тяжелый транспорт там не пройдет. А после дождя и не тяжелый. Это можем не успеть. Но у Кирилла Матвеевича дела не движутся. Работы включены в госплан, выделены фонды. Деньги берут, а работы нет. Посмотри, в чем дело. Но с директором старайся не конфликтовать – он человек Чухлебова и входит в состав Совета. Ты его видел, здоровый мужик. С бородой.

Я вспомнил. Действительно здоровый, примерно нашего возраста, с рыжей бородой как лопата. Я еще подумал – зачем человеку такая борода, крошки вычищать...

Дел там, на Украине, у меня, судя по всему, будет немного. Договорились на четыре дня командировки, день отъезда день приезда – один день, как было в славные времена Советского Союза.

Позвали Эмму. Та согласилась поехать с удовольствием и даже, кажется, гнев после моей поездки в Италию сменила на милость.

Мы с Эммой Оттовной отправились в командировку в хорошем настроении. У меня причина была - дома состоялась миролюбивая беседа. Я сказал Лене, что это последние четыре-пять дней напряженки, потом я не буду загружен и смогу вернуться к своим семейным обязанностям. Одну из которых - пока парень гулял на улице – продемонстрировал авансом. Судя по тому, что Лена добровольно сложила аккуратно мои вещи в чемодан, мне это неплохо удалось.

Эмма Оттовна тоже была в тонусе. Мы перед сном выпили по «грамульке» коньяка, не на брудершафт, а чтобы перейти на ты. Да и русская традиция обязывала – полоса отчуждения! Улеглись на свои койки – вагон был СВ, фирма! – и немного поговорили. Она призналась, что любит любые перемещения в пространстве, цыганская душа, хотя родители её уравновешенные и надежные, как и полагается немцам. Словом, на выезде она оказалась намного более коммуникабельной, чем в стационаре. Рассказала о директоре, который с бородой, Кирилле Матвеевиче. Эмма оказалась – как я и раньше отметил – остра на язык и сообщила, что близкие его называют Киря, что соответствует действительности.

- Пьет?

- Не без этого. Там все пьют, кому здоровье позволяет. И те, кому нельзя тоже.

Посплетничали немного и о фирме. Чухлебова укусили дружно. А мои восторженные охи и ахи по поводу Ларисы поддержки не встретили. Даже в темноте было видно, что глаза Эммы не то чтобы заledenели – скажем, утратили теплоту. Странно.

Добираться до «куста» было удобно – ночь до Бахмача, и еще часа два на машине, которая нас ждала возле вокзала. Правда в последний час душу вынимала ужасная дорога – сплошные рытвины и колдобины. Это и был тот участок, который нам нужно было не обновить – проложить заново.

«Куст» был расположен по соседству с небольшим селом Зелене, Зеленое по-русски. Отличное место. Этих Зеленых на Украине вагон и маленькая тележка. То, о котором я говорю, было на границе лесостепной и степной зоны. Живописные окрестности, душа радовалась после московского смога. Апрель, все вокруг было воистину зеленым, как название села. А в речушке, вдоль которой шла дорога, еще было довольно много воды. Летом она почти пересыхала, но русло себе вырыла приличное. И дорога шла на расстоянии метров двести-триста от речки, говорили, что случались паводки.

Приезжее из Москвы начальство встречал лично Кирилл Матвеевич, который оказался добродушным человеком, миролюбивым и до часов двух дня совершенно трезвым.

Нас с Эммой поселили в пустом доме Зеленого. Приезжие работники, которых было на удивление немного, тоже жили в свободных домах по соседству. Село было

маленькое, человек сто пятьдесят, а пустых и немного запущенных домов хватало. Здесь тоже народ перебирался в города, хотя в меньшей степени, чем в России.

Об этой поездке я бы не рассказывал, если бы там за короткие четыре дня не произошло два с половиной интересных события.

В двух из них виноват я. Лариса мне сказала – никуда не лезть. Не высовываться. Я не удержался.

Так в чем я виноват. Точнее не я, а моя память. Я принял серьезный вид – начальство, хоть и временное. Порылся в документах в бухгалтерии. Посмотрел переписку, накладные. Посмотрел объяснения, что мешало восстановлению коммуникаций. Оказалось то же, что плохому танцору... Не хватало будто бы арматуры, фитингов и прочего. Я посмотрел в документах – все это было. Посмотрел на складе – много кой-чего действительно уже не было. Номенклатура была не такая большая, чтобы я не запомнил «по диагонали». У них произошла «усушка», а может «утруска».

Я посоветовался с Эммой, которая без усталости бродила по весенней природе и была счастлива.

- Врут и воруют. Как думаешь, что делать?

- Много крадут?

- Не очень, но... достаточно.

Эмма только неопределенно пожала плечами.

Лариса мне советовала, то есть приказывала не лезть. Но морально, морально... Я решил принять соломоново решение - босса не беспокоить, а сказать Кириллу Матвеевичу. Пусть не принимают меня за идиота.

И сказал.

Он изменился в лице, может даже не знал об утруске. Думал, просто не работают – он и сам это дело не любил. После обеда был уже даже не под мухой, как обычно, дело мухой не обошлось. А на следующее утро мы узнали, что двери складов – двух – сломаны, и все украдено. Выглядело как-то глупо, шито белыми нитками, на трезвую голову такое не придумаешь. Кирилл Матвеевич с утра был трезвым, узнав о краже, взревел, как бык. Тогда я убедился, что он к этим шалостям отношения не имеет. Тут же, с раннего утра он позвонил своему боссу – Чухлебову.

Все было очень быстро и оперативно. Вечером приехал сводный отряд – Чухлебов, Ашот и Леша Лебедь. Я забеспокоился, кто остался присматривать за Ларисой? В тот же вечер завкладом случайно сломал ногу, а кладовщик два ребра. На следующий день поползли слухи, что в соседней деревне был пожар, а к вечеру приехал грузовик в сопровождении милиции и привез ворованное. Я заметил, что «усушка» уже растворилась, но тему не поднимал, не хотел лишних жертв. В ночь подразделение отправилось в Москву. Со мной не общались, только поздоровались и попрощались.

Кирилл Матвеевич тоже усек насчет недостачи и понял, что я это вижу. Он был благодарен мне за молчание. Вечером мы с ним по этому поводу выпили. Первачок был хорош, но очень воня... простите пах свеклой. Отношения с директором налаживались и довольно неплохим способом. Я последнее время все как-то был не при делах. По сравнению с самогоном граппа вспоминалась, как одеколон. Признаюсь,

угрызений совести я не испытывал. Кстати, и Эмма поучаствовала в меру своих сил, хотя ушла спать раньше.

В этот же вечер я подготовил задел для второй интересной истории. Не напрасно говорят, что алкоголь до добра не доводит. За приятным и дружеским разговором я выяснил, что Киря – мы перешли на ты – специалист-дорожник с серьезным опытом. Он сказал, что провести дорогу и закопать эти дурацкие трубы – для него раз плюнуть. Тем более, - он почесал затылок, - в Бахмаче уже две недели их на станции ожидает новый канавокопатель. Я вспомнил, Лариса говорила, трубы и дорога идут за счет федеральных фондов. А с канавокопателем трубы проложить можно за месяц. Но решили делать все сразу, вместе с дорогой.

- А почему же ты дорогу не делаешь? – наивно спросил я. – Деньги берете, мне сказала Лариса Степановна, а результатов – меньше чем полкилометра из двадцати. И оборудование не используете. Канавокопатель не берете. Каток - пылью покрылось. Материалы растаскиваются. Ты не обижайся...

Кирия не обиделся, а пожаловался. Нет рук. Это работа тяжелая, трудоемкая. На западе асфальтоукладчики, грейдеры, скреперы, экскаваторы – он выложил свои знания. А у нас главное орудие - лопата. Люди работать не хотят, предпочитают выпить – заодно и мы чокнулись. Денег платим немного, и дело даже не в инфляции - сейчас за эти бумажки ничего в магазинах не купишь.

- А что ты сдлал? - у него была привычка не все буквы произносить, наверно борода мешала.

И я развернулся. Включил воображение, подогретое первачком. Сказал, что вдоль этой раздолбанной дороги есть села. Три или даже четыре. Пусть примут участие.

Кирия возразил, что они не хотят и не будут, что рассуждают по-советски – вам поручили, вам надо – вот и делайте. А мы потом будем ездить.

- Заставить их нльзя!

Я добавил полрюмки, сосредоточился и выдал план, под условным названием «кнут и пряник».

Дело в том, что все села были расположены вдоль одной, правой стороны речушки, о которой я вам говорил. На левом берегу была невысокая каменистая гряда, поэтому он успехом у жителей не пользовался. Мы могли новую дорогу проложить по любому берегу, там же заложить трубы. А кстати, в селах газа не было, это тогда нередко случалось. И кроме центральной усадьбы не было и водопровода, в основном колодцы.

- И вот, – выдал я, – мы можем поехать к их председателям и предложить этот кнут и пряник. Будете участвовать – проложим дорогу и все под нею по вашему берегу, нет - по левому. Нам лучше по левому, там грунт крепче. Но тогда между нами глубокое русло. И пойма. Сосите лапу, кувырчайтесь по своей стороне речки в грязи без газа и водопровода.

- Дк у их денег нет, - возразил Гриня.

- Нам деньги не нужны, пусть дадут рабочих, - я вспомнил пожелание Ларисы, - бесплатных. Будут пить меньше.

- Дк они не зхотят?

- Это дело председателей. Они все могут. Отберут самогонные аппараты – все вприпрыжку побегут поработать, как миленькие. Зато будут у них дорога, газ, вода ...

На следующее утро кто-то постучал ко мне в дверь. Я немного «хворал», практики давно не было. Оказалось - Кирилл Матвеевич. Он был человек тренированный, понятия «после вчерашнего» для него не существовало. Трезв и в рабочем состоянии. Я далеко не все помнил, поэтому Кирилл Матвеевич воспроизвел мой план. На трезвый взгляд он тоже казался не лишенным смысла. А сам директор участка был настроен решительно.

- Одвайся, мшина ждет. Пъехали.

Тщеславие меня подтолкнуло на активные действия, вопреки прямому указанию шефа. Я обещал вас не загружать производством, поэтому подведу итог – на третий день переговоров и уговоров принципиально, на уровне взаимных обещаний все было решено. А вечером в центральной усадьбе состоялся банкет всех сельских начальников, со стороны кооператива «Нива» присутствовали временно исполняющий обязанности председателя, директор участка и научный работник Эмма Оттовна. Там участники дали друг другу «честное купеческое слово». И там же решили гнать трубы не дожидаясь дороги, благо появился канавокопатель. Оттуда нас с Эммой отвезли на поезд и погрузили в вагон СВ.

Как ни странно, это не оказалось блефом. Потом Лариса утвердила официальное соглашение, совместные работы начались. Что удивительно, особых восторгов Лариса не высказала, хотя и не ругалась. Может потому, что все-таки немного расходов добавилось? Но совсем немного, зато дело сдвинулось с мертвой точки.

Это было вторая интересная история.

Теперь о половинке интересного события, которое я упоминал.

Оказалось, что Эмма Оттовна в командировке в принципе не против изменить мужу. Это, как я понял, распространилось и на меня. И не потому, что она выпила первачка. Эмма сказала, что жизнь одна – она в этом была абсолютно убеждена. Главное условие - соучастники должны быть уверены, что после возвращения не будет никаких последствий, отношения останутся точно такими же, как и до происшествия, все начисто вылетит из памяти. А хорошее нужно ценить. Такая вот жизненная программа...

Почему я это назвал половинкой интересного события, догадайтесь сами, не все мне вам разжевывать.

Был еще один результат командировки – Кирилл Матвеевич вроде бы положительно отозвался обо мне своему шефу Чухлебову. Перед началом совета полковник четким шагом зашел к нам в отдел, поздоровался за руку и с кислой рожей сказал, что он в курсе моей работы и - еще больше скривился - её одобряет. Кислая... простите кислое лицо относилось не ко мне и не к моей работе – он органически не мог говорить людям что-то хорошее.

Всезнающая Лина мне потом все объяснила. Чухлебов понимал, что за подписью Кравцовой заказы оформлять нельзя и смирился с моим появлением. Он отложил свержение Ларисы до получения импорта. Но понимал, что сам работать не сможет – производство не для него. Поэтому он задумался о варианте – переманить меня на свою сторону. Решил, что менеджер из меня может получиться. Кроме того, в оппозиции тогда будет два члена кооператива из трех, и свергать Ларису будет проще. Я сказал Лине, что он дурак, если надеется справиться с женой самого Сергея

Васильевича. Далеко куцому до зайца... Лина в ответ понимающе и одобрительно улыбнулась, а в выражение её глаз я постарался не всматриваться.

Экзамены я сдал хорошо, только из скромности не говорю, что на отлично. Вспомнил свой былой опыт. Отвечая на очередной вопрос, я приплетал – как бы случайно – кое-что из попутных тем, которые сохранились в голове. Это производило впечатление глубоких знаний, профессионалы сдачи экзаменов – а я к ним когда-то относился – это знают. Я был счастлив не в последнюю очередь потому, что Лариса просто сияла. За меня проголосовали и Кирилл Матвеевич, и Чухлебов. Только один воздержался, но я был настолько демократичен и толерантен, что даже не запомнил, кто это.

После совета состоялось общее собрание из двух членов кооператива, Ларису сняли с руководящей должности и сделали рядовым членом, каким был раньше Чухлебов, а меня назначили председателем с окладом 9 (девять!) тысяч рублей в месяц. Десять процентов акций у меня, тридцать у Чухлебова, шестьдесят у Ларисы.

Все-таки сумма моего оклада потрясла Лену, но немного в неожиданном ракурсе. Она сказала, что я должен сушить сухари и приготовить портфель с вещичками на случай неизбежного ареста. Нормальным людям за честную работу таких денег не дают. У меня было промелькнуло опасение, что она права. Но быстро понял, что это всего-навсего рецидив убогого советского мышления. Привыкли жить в безынициативной нищете и считаем это нормой. По сравнению с миллионами, которыми ворочает Лариса, моя зарплата сущие копейки. Назло Лене я даже подумал, что нужно будет попросить добавку, десять тысяч для ровного счета. Но тут же спохватился – вот как алчность быстро овладевает человеком. Пока, слава богу, чувство юмора меня еще не покинуло, но нужно быть осторожным...

Мои ощущения? В первую очередь огромное облегчение. И только тогда я осознал, в каком напряжении находился последних полтора месяца. А чем я теперь буду заниматься, кроме как получать большую зарплату, дело само по себе приятное? Лена во многом права – за бывшие заслуги таких денег не платят. Нужно оставаться полезным.

Но я рано беспокоился. Пока во мне необходимость была. Моя подпись под документацией на импорт играла не только символическую роль. Теперь нужно было собрать немереное число виз, подписей и резолюций. Да, проект был утвержден, в принципе все согласовано, всем известно, что наверху есть добро и поддержка. Но советская бюрократия - воистину непобедимый бастион, в чем я вскоре убедился.

При обходе самых различных инстанций, начиная от техники безопасности, экологии, многочисленных специальных комитетов и прочее, и прочее, и прочее мог возникнуть любой вопрос, поэтому Лариса тащила меня с собой. Каждый чиновник доказывал, что он не зря ест свой хлеб - с маслом. Именно с маслом. Это иллюзия, что при советской власти чиновники не брали взятки. Не такие большие, как сейчас и не на самых верхах. Впрочем, я думаю, что на верха потом тоже с низов уходило. Я свидетельствую об этом как очевидец. Хотя – повторю – масштабы пока были не столь грандиозными.

Появился наш юрисконсульт Симкин, как и положено юрисконсульту, плотный лысый невысокий, средних лет, в очках и подозрительно еврейской внешности. Лариса нас познакомила. Я довольно тщательно – вместе с ним – просмотрел договоры на предмет «ответственности председателя», особенно финансовой. Таковой не обнаружил. Только ответственность кооператива, а значит групповая. Не страшно. Все остальная казуистика меня мало интересовала.

Так о визах и подписях.

Для вас, дороги мои не техничные читали, объясню попроще. Если в проекте была кнопка справа, то её чиновник просил перенести налево. Ручку заменить педалью. Сигнальную лампочку убрать. Следующий просил сделать все наоборот. То же, только в худшем варианте было в экономических расчетах. Даже Лариса, терпеливая и целеустремлённая, которую все считали экономистом от бога, к концу второго месяца наших хождений по мукам срывалась. И мне приходилось её удерживать от скандалов. Но я был запасным игроком мне, конечно, было легче.

А ведь мы не могли ни что реально влиять, все давно было согласовано с зарубежными фирмами. Но кого из твердолобых это волновало? Тогда я предложил:

- Лариса, договорись с посредником в Италии. Мы им будем писать письма типа: «Убедительно просим перенести кнопку справа налево. Примите наши уверения и пр. и пр.». А они нам в ответ: «Обязательно рассмотрим вашу просьбу о перенесении кнопки и приложим все усилия... С уважением и пр., и пр.». Факс приколем к документам.

Лариса посмотрела на меня и изрекла:

- Кажется менеджер из тебя получится.

В тот день она была не в духе.

Так мы и поступали. Помогало.

Изменилась ситуация на работе и, как следствие, наша семья вернулась к нормальному образу жизни. Бюрократические организации после работы не засиживались, поэтому я стал возвращаться домой вовремя, Лина могла отдохнуть от всех и почитать за ужином часик-другой. Качество и ассортимент потребляемых нами продуктов возросли. Я сделал капитальный ремонт машины, она стала выглядеть лучше, хотя на её здоровье это мало сказалось – годы берут свое. Теперь каждую неделю по субботам мы ужинали в нашем любимом маленьком ресторане в саду «Эрмитаж», позади театра с одноименным названием. Рядом с нами был большой ресторан «Закарпатские узоры», но мы его не уважали. А в Эрмитаже обязательно заказывали блины с икрой – и они еще были в ассортименте! Я радовался – хоть раз в неделю мы всей семьей ужинали вместе. Но увы, раз в неделю оказалось недостаточно...

Пока в кооперативе не состоялся совет и мое утверждение, я временно выпал из общественной жизни. Было не до того. А тем временем в стране продолжались штормы, бури и даже цунами. До меня все-таки доходили слухи о трагических событиях в Грузии. Это потрясло общественность. Где-то, за границей, в

Чехословакии, Венгрии такое могло быть . Но у нас тут все свои, и бить своих саперными лопатками...

Теперь я мог вернуться к телевизору, даже снова стал участником митингов. И как раз успел к самому интересному – в конце мая открылся первый съезд народных депутатов. Вечером на улицах было пусто. Никакой модный сериал не мог сравниться с тем триллером, который мы видели по телевизору. Горбачева избрали президентом СССР – первым и последним. Его конфронтация с Сахаровым по напряжению не уступала другой паре тяжеловесов – Ельцину и Лихачеву. Мне тогда казалось, что агрессивно–послушное большинство, по замечательному определению Афанасьева, незаконно, по инерции оказалось на первом съезде депутатов, а народ в массе своей только и мечтал о западной демократии. Сомнения в этом появились намного позже, и, увы, не только сомнения... А тогда по вечерам народ собирался возле телевизоров, слушал пламенные речи властителей дум Юрия Афанасьева, Гавриила Попова, Бориса Ельцина и прочих лидеров, входящих в различные группы, в названии которых было слово «демократический».

Я не был исключением. Переживал за не очень красноречивого и слишком интеллигентного Андрея Дмитриевича Сахарова, которого – мне казалось – обижал поднаторевший в баталиях Горбачев. А сольное выступление Юрия Афанасьева на съезде по мнению большинства не уступало Шекспировскому «Быть или не быть». С восторгом и негодованием обсуждалась новость – за публикацию этой речи в печати был уволен многие редакторы газет. Борьба шла не на жизнь, а на смерть.

Если улицы пустели к вечеру, то магазины были в таком состоянии с утра, и даже кооперативные испытывали серьезные трудности. Очень резко, буквально на глазах продукты исчезали из магазинов и исчезали навсегда. Это добавляло напряжения. Казалось, взрыв неизбежен. Я задумывался – как будущая ситуация скажется на планах Ларисы? И как-то мы поговорили об этом. Это был серьезный разговор с неожиданными последствиями.

Но я немного забегаю вперед, разговор состоялся уже в конце июля, когда мы все оформили, когда в верхних эшелонах подписали, утвердили, и можно было праздновать победу. Договор с иностранными фирмами на закупку оборудования из бюджетных средств по статье «целевые и комплексные программы» был официально заключен. В полном объеме. Мне кажется, Лариса с Сергеем Васильевичем, или точнее Сергей Васильевич с Ларисой успели вскочить на подножку последнего вагона уходящего поезда. Свершилось! Процесс стал необратим. Все что заказали – получим!

По этому случаю в нашем офисе состоялся банкет победителей. В ресторан не пошли – и я понял почему. На банкете появился Сам, то есть Сергей Васильевич. Демонстрировать в ресторане, на глазах общественности, что он празднует передачу своей жене многомиллионного оборудования за счет бюджета, наверно не стоило. Хотите верьте, хотите нет, но я впервые осознал и оценил масштаб этого... скажем мероприятия. Раньше за деревьями проблем и будней, я леса не видел. Но во-время вспомнил, как Лариса предлагая мне работу, сказала:

«То, что утверждает договора мой муж, не преступление. И уж во всяком случае, не твое».

Действительно не мое. Я постарался выбросить эти мысли из головы.

Участвовали в банкете только сотрудники нашего офиса плюс Чухлебов. Зато все пришли с со своим половинами, кроме Димы, у которого её просто не было. Считайте, что я пристрастен, но чухлебовская половина была действительно похожа на жену Брежнева, чуть моложе. И даже не намного. А муж Эммы оказался приятным интеллигентным человеком, разве что немного замшелым. Он вежливо поздоровался со мной и сказал:

- Очень приятно, Александр Зиновьевич, давно хотел познакомиться. Много слышал о вас от Эммы.

Интересно, что он обо мне слышал?..

А вот Лариса с мужем, несмотря на радостное событие, не выглядели счастливыми. Лариса наверно вымоталась, а её муж... Кстати, я обратил внимание, что она очень редко говорила «мой муж», или «мы с мужем», как правило по имени и отчеству. Хотя скорей всего это ни о чем не говорило, я вспомнил, как они тепло встретились вечером – дорогая, дорогой, милая. И это звучало очень искренне. Наверно просто у них наверху такая косная советская традиция.

Так о Сергее Васильевиче. Он снова был в том же хорошем костюме и цветастом галстуке, но выглядел поблекшим. Ничего удивительного - штормы и шквалы наверху дают о себе знать не только простым смертным, тем, у кого в холодильнике пусто. «Богатые тоже плачут».

Все были празднично одеты. Лена специально купила новые джинсы «Левайс» и модную джинсовую куртку.

Праздник удался. Все прилично выпили – включая женщин, кроме Лены. А Эмма, по-моему, перебрала и приставала к Лене с ехидными вопросами - где она оторвала такие изумительные брюки? Напрасно, Лена могла и звездануть... Дома она спрашивала:

– Почему ваша немка ко мне привязалась? - историю Эммы я рассказывал.

Апофеозом банкета было выступление Ларисы. Она, как положено, всех поблагодарила, а потом объявила, что дает три выходных дня.

Все быстро сообразили - за ними следует суббота и воскресенье, почти отпуск. Дальше было народное ликование, крики ура, попытки качать босса – их с трудом утомонили.

Словом, все прошло хорошо.

Дня через два, да, в пятницу, позвонила Лариса и предложила вдвоем - как главным действующим лицам - отметить событие. Я был польщен, но скромно возразил, что считаю себя не главным действующим лицом, а актером на ролях «кушать подано».

- Хорошо. Кушать будет подано в два часа в ресторане Украина. Там вроде бы еще есть котлеты по-киевски. Встреча у входа. Успеешь?

Моего согласия не требовалось.

Во время нашего разговора Лены в квартире не было. Не знаю почему, но когда она появилась, я сказал, что иду на митинг.

- В новом костюме?

- Праздник свободы.

Народу в ресторане было немного. Мы нашли в дальнем углу небольшой свободный столик. Лариса, не советуясь со мной, что бывало и раньше, заказала закуску, котлеты по-киевски и триста грамм коньяка. Ого! Я понял, что это будет не праздник, тем более не свидание, а серьезный разговор. Лариса не выглядела отдохнувшей, активность не проявляла. Пришлось мне начинать. Это был разговор, о котором я вас уже предупреждал. С последствиями.

Я начал, как и предполагал. Мол, в стране напряженная обстановка, магазины пустеют на глазах, ужасные события в Грузии. Куда дело идет? К взрыву? Что будешь делать со свалившимся на твою голову богатством? Кстати, так и сказал «свалившимся на голову». Если будет пушкинский «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», то может пока не завозить, подождать, пока утрясется?

Лариса отрицательно покачала головой.

- Нет, у них не камера хранения. И это надолго, не переждешь. Сейчас готовится закон о собственности на средства производства, я говорила... Потом приватизация. К социализму вернуться невозможно. Только танками.

Я не сочиняю, она это говорила в 89 году!

- И что будет?

Я совершенно серьезно, без тени сомнений, ожидал её вердикта. Судя по всему действительно «уверовал».

- А что бывает, когда своре собак бросают кости? То и будет.

Я очень ясно представил себе эту свалку. И даже почувствовал, как из нас выдирают ключья не только шерсти, но и шкуры. Даже передернул плечами.

- Ты поэтому не форсировала подготовку на Украине? Я думал, что ты не уверена в импорте. А оказывается... Боишься, что не удержишь? Но почему? Пока тебе все удавалось.

- То, что происходит сейчас, будет казаться детской забавой при дележе и разделе собственности.

Она это тоже когда-то говорила.

- Саша, без серьезной поддержки и крыши над головой не на что рассчитывать. Сомнут.

- Ну, знаешь ли! Тебе грех жаловаться. Какая крыша может быть надежней, чем Сергей Васильевич? В его руках торговля со всем миром.

Лариса глубоко вздохнула, немного помолчала, потом решительно и твердо сказала:

- У меня крыши больше нет. Сергей Васильевич очень болен. Ему осталось недолго.

Я остолбенел. Онемел. Ужаснулся. Нет, все не то, слабо сказано. Не знаю, как описать мое состояние. Попытался заговорить - не получалось. Не мог найти нужные слова.

- Врачи сказали максимум полгода. Скорее меньше. Нас ждут тяжелые времена.

Голос её был по-прежнему спокойным и уверенным, а по лицу текли слезы. Этот контраст между звуком и изображением я буду помнить всю оставшуюся жизнь.

- Лариса, Лариса, я...

Мы надолго замолчали... Молчать было легче обоим. Что тут скажешь?

- Саша, мы уезжаем примерно на месяца полтора за границу. Послезавтра. Химия, облучение. Реабилитация. Хотя, - опять большая пауза, - мне сказали, что уже поздно. Но он хочет, - тут Лариса все-таки всхлипнула, слава богу, сколько можно продемонстрировать железную волю, - и я тоже хочу надеяться на чудо.

Слезы и глаза её говорили, что чуда не будет.

Я молчал, нужные слова по-прежнему не приходили на ум.

Лариса салфеткой промокнула лицо и взяла себя в руки. Подала - как обычно – мне пример.

- Я хочу тебя попросить. Ты уже официально председатель, пожалуйста, будь им. Я на завтра вызвала Татьяну и Ольгу, приезжай с утра в офис, поговорим.

Татьяна и Ольга не дуэт из «Евгения Онегина», а наши бухгалтер и плановик.

- Прошу - сделай все, что можно. Через два-три месяца начнутся поставки, времени на подготовку может хватить, а вот с деньгами совсем плохо. Банк уже знает, что я... сама по себе. Больше денег не даст и готовит атаку. Я слишком много должна. Сергей Васильевич уже уволился, такие слухи распространяются мгновенно. Выстроится очередь за моим скальпом. Но если мы не сможем принять оборудование и хотя бы начать монтаж – сразу же начнется обвал. Этого только и ждут. Поезжай на Украину, не вылезай, делай, что можешь. Я видела – ты способен.

На Украину? Несмотря на трагичность ситуации, мне явился светлый образ Лены и прощально помахал рукой. Даже послышалось саркастическое «гастролер». Кажется, у меня тоже предвидятся потери. Но разве можно сравнивать масштабы? Я устыдился своего эгоизма. Образ Лены стал не таким светлым, но по-прежнему витал надо мной, в сопровождении речитатива - «постоялец, гастролер, постоялец, гастролер». Тряхнул головой, попытался снять наваждение.

- Конечно, Лариса, не сомневайся. Сделаю, что смогу и даже больше.

Хотел добавить, что я за неё в огонь и воду, что сочувствую от души, что я...

Она как обычно прочитала эти мысли, благодарно коснулась губами моей щеки и аккуратно салфеткой стерла следы помады.

Мы довольно в быстром темпе допили коньяк. Я говорил, что Лариса не чуралась, а сегодня был основательный повод – не знаю, корректное ли в данном случае выражение «повод». Нет, конечно, не повод, а причина.

Коньяк делал свое дело, и я постарался посмотреть на проблему трезво. Я имею в виду объективно. Примерно так - охота действительно может начаться. Приз очень большой, да и, честно говоря, есть сомнительные элементы в ситуации. Ленинское «грабь награбленное» будет для всех оправданием. Впрочем, они в оправдании и не нуждаются. Я спросил.

- Как давно вы узнали?.. О Сергее Васильевиче?

- Весной.

- Когда на западе все было согласовано? И запущено?

Она кивнула.

- Но сейчас... Лариса, ты продумала варианты? На тот случай, если... Я помню, ты говорила, что всегда можно найти выход.

- Мы с мужем думаем. Хотя это уже не самое важное. Но у нас дети. Сын хочет учиться в Англии. И дочь без нас тоже... Все навалилось сразу. Как выдержать...

Опять слезы.

Я решил её не терзать.

- Все. Хватит об этом. Если что надумаешь, скажешь мне?

Неожиданно сквозь слезы она улыбнулась.

- Тебе-то уж точно скажу.

Я это принял как знак доверия.

Лариса заказала еще сто коньяка и объяснила.

- Это тебе.

Я с благодарностью дар принял. Лишние граммы не помешают.

Заплатил за заказанное, дал чаевые.

Шофер нас ждал на улице. Лариса меня подвезла домой, снова оставила – я думаю – след помады на щеке и снова стерла его салфеткой.

Я вошел в квартиру подавленный и возбужденный одновременно. Лена на кухне сидела за столом, перед ней была чашка кофе и книжка. Обычный натюрморт. Парня в доме не было.

- Однако вас на митинге неплохо угощают.

В её голосе пока не было раздражения, только легкое недовольство

Говорить, что я угощался в бадежке, смысла не было, аромат хорошего коньяка непьющая Лена легко отличит от «стручка» с прицепом кружки пива. Может лучше – семь бед один ответ? Я решил сразу разрубить гордиев узел моей семейной жизни. Не в том смысле, что рубить концы и опять уходить в свободное плавание, а – если уж я занялся аналогиями - скорее, как говорят математики, приводить к виду, удобному для логарифмирования. В конце концов жизнь в семье должна хотя бы относительно удовлетворять всех.

Начал я с ключевого вопроса, который должен был сразу обнажить все проблемы.

- Лена, я встречался с Ларисой. У нас в кооперативе случилась беда, и я должен примерно на полтора месяца уехать на Украину. Буду иногда приезжать на денек-другой...

Я не хотел рассказывать о Сергее Васильевиче. Лена меня не просила молчать, но это само собой разумелось.

Новость, как я и рассчитывал, была бомбой. Лена на время потеряла дар речи, что с ней редко случалось. И очень даже кстати, если бы она сразу выпалила все, что хотела, то любые последующие разговоры и объяснения смысла бы уже не имели.

Я воспользовался благоприятной возможностью, вклинился в неожиданную паузу и высказал ей свою точку зрения на нашу и вообще на семейную жизнь. Давно нужно было. В мою программу входила в первую очередь взаимная надежность и уверенность в том, что в трудную минуту партнер – я видел как Лену передернуло от слова «партнер» - поддержит.

- Мне нужен не партнер, а муж, - наконец она нашла в себе силы отреагировать.

Но я опять перехватил инициативу.

- А что ты понимаешь под этим понятием? Человек, который делает твою жизнь более удобной? Дает возможность не делать то, что ты не любишь? И почитать за ужином часок другой?

- А что если я после работы...

- Погоди. Ты там не рельсы таскаешь. Когда ты последний раз кормила парня? Когда с нами сидела за столом, не считая ресторана? Разговаривала, слушала, что мы говорим. Лена ты ни разу не делала с ним уроки. Ты и в школе была только в день первоклашки. Ты знаешь, что у него с дисциплиной плохо, и он связался...

- Знаю.

- Потому что я тебе об этом сказал.

Она немного растерялась от напора.

- Я по-твоему его не люблю?

- Конечно, любишь. Но и к себе неплохо относишься. Ты не терпишь долбанную кухню, знаю. Но парень не может сидеть на пельменях и сосисках. Это должен быть не долг матери, а естественная потребность. И к мужу тоже должно быть тепло, а не только обмен обязанностями. – Я решил идти ва-банк. – Черствая ты Лена, прямо скажу. Может все правильно, но мы не семья, а скорее сожители...

- Ну знаешь ли...

Нужно было не давать ей разогнаться.

- Когда у меня были такие тяжкие дни на фирме – пан или пропал, то я ужом вертелся дома. Какая там помощь, - я махнул рукой. - Как же мне надеяться, что если нагрянет беда, ты будешь рядом?

Я вспомнил о Ларисе с мужем, и - не без влияния коньяка - на глаза навернулись слезы. Это было неожиданно для меня, но еще неожиданной для Лены. Она не представляла что такое возможно. Какое-то время не знала, как себя вести дальше. Потом – я видел – решила, что это последствия пьянки.

- Давай, иди спать, - и не удержалась, - алкаш. Завтра разберемся.

Я с удовольствием убрался по добру по здорову. Во всяком случае свои предложения ей высказал, и обошлось без скандала. Пусть на досуге подумает.

Когда уходил в спальню, то услышал, как Лена приходит в себя и закипает:

- Это ж надо, полтора месяца! Терпенью моему...

Я закрыл дверь.

Проспал до вечера. Разбудила меня Лена – укладывалась в кровать. Хороший признак, могла бы уйти в гостиную. Но отвернулась к стене - это хуже. Впрочем, я не возражал.

Утром тихонько встал, и ушел в офис, даже не позавтракав. По принципу - не буди лыха, то есть Лену, пока спит.

Мы работали допоздна. Денег в фирме действительно почти не оставалось. Весь долг в банке брала на себя Лариса, Чухлебову бы не дали ни копейки. Теперь она оставалась крайней. Наскребла какие-то остатки из загашников, но это мало что решало. Продавать магазины пока не решалась – в общем все ускоряющемся развале их купят за гроши, либо... подождут немного и отберут.

Напряжение последних месяцев сказалось и на нашей «железной леди». Она допустила серьезные просчеты. Один из них – нет перевода проектов западных фирм. В частности – разделы монтажа. Пояснительные записки на английском, это еще куда ни шло, но монтажные чертежи все на немецком. Караул! Со мной поедет Эмма, будет

на месте править чертежи. Два комплекта документации Лариса уже на Украину отправила. И в Зеленом нас ждет группа геодезистов с оборудованием для разметки фундаментов и всего прочего.

Господи, начать и кончить!

Когда я вернулся домой – было около девяти – меня встретило холодное молчание лучшей половины. Стало понятно, что переоценки ценностей в её взглядах на семью, не произошло. Она как обычно, когда была недовольна, не скандалила, а вела себя подчеркнуто сдержано. На вопросы отвечала, но и только. Такой характер... Нагрубить Лена могла только в случае сильнейшего стресса, до которого я старался её не доводить. И вчера счастливо избежал вспышки...

Спали мы в кровати, отселять меня в гостиную она пока не решилась. Значит, все-таки что-то из моих доводов произвело впечатление. Наверно нужно было профилактику начинать раньше, когда её мама умерла, тогда это все началось.

Следующий день мы с Леной почти не общались, но! – она помогла мне собрать вещи. Вечером обменялись привычным «пока-пока», и я уехал на вокзал. Эмма появилась за несколько минут до отхода поезда, её провожал муж – уезжала надолго. Он подозрительно осмотрел наше двухместное купе вагона СВ, даже с душем. Но отреагировать не решился.

Поезд тронулся. Мы перед сном выпили по капельке коньяка, Эмма была весела и говорлива, я молчалив и печален.

Дальше мне было очень интересно, а вам будет скучно. Потерпим все втроем, постараюсь сократиться, как смогу.

Интересно и удивительно в первую очередь было то, что я неплохо справлялся с порученной мне ролью председателя, сейчас бы сказали менеджера. Оказалось, у меня есть целый набор необходимых для этого достоинств и недостатков. Недостатки, представьте себе, тоже нужны руководителю. К примеру – моя жизнь, вы знаете, не давала поводов для излишней самоуверенности, то есть распространенный у нас принцип: «ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак» был не для меня. А такой подход приводит к гораздо большим бедам, чем принято думать. И нормальным отношениям не способствует, особенно когда напряжение – а значит и нервы – у всех на пределе. Менеджер не может быть специалистом во всех областях, поэтому обязан слышать, что ему говорят. Я слушать умел, был терпелив по отношению к другим и к себе. И умел выбрать чужое самое лучшее решение, без комплексов самолюбия. Как капитан команды КВН. Это невероятно важно для современного менеджера! В число достоинств входила моя склонность бывшего круглого отличника к системе, если хотите, не посчитайте хвастовством, кругозор. Все еще не плохая память. Мне удавалось держать в голове практически весь круг вопросов, следить за своевременным выполнением всех наших общих решений. И даже появилось не очень присущее мне качество – инициатива, не следует её путать с изобретательностью, изобретательностью я научился пользоваться чужой.

Мы с Кириллом Матвеевичем составили неплохой дуэт. Учитывая сложность положения, он теперь до четырех и даже до пяти часов был как стеклышко. Я разгружался с ним только вечером в субботу, ну может изредка и в будний день, ближе

к ночи. Лена была бы мною недовольна. Скучал ли я по ней? Скучал. Пока не приезжал в Москву по делам, а заодно поменять бельишко и одежду. С каждым моим приездом ситуация, к сожалению, все больше накалялась. И в довершение Лену вызвали в школу. Парень, по мнению учительницы, постепенно становится плохо управляемым, хотя – поверьте мне – был достаточно толковым и головастым. Лена разозлилась больше на меня, за то, что я не избавил её – как это делал раньше – от неприятных разговоров. Не на парня – на меня.

Словом, я с удовольствием возвращался назад, на место постоянной дислокации. А по Ларисе - скучал, наверно скучал. Во всяком случае, помнил о ней все время. Звонил Лине – нет ли вестей? Она отвечала – какие могут быть новости? Лечатся в частной клинике, в Лейпциге. Но голос её особых перспектив не обещал.

Я нашел своего бывшего одноклассника Семена, окончившего строительный институт, и переманил к себе. В Одессе строительство, как и все прочее кроме телевизионных баталей, замерло. Семен был довольно опытным специалистом-практиком и почти не пил – по сравнению с другими строителями. Потом я проявил инициативу и привез сразу две бригады шабашников, промышлявших строительством в селах. Универсалы, мастера на все руки, и стиль работы у них был не советский - быстрее закончишь, быстрее получишь. Но платить им было нечем. Выход просматривался только один – вы помните, на строительстве дороги работали бесплатные колхозники? Деньги, им предназначенные, мы стали выплачивать шабашникам. Это было прямое преступление - я тратил бюджетные деньги на нужды кооператива, фактически их воровал. И сам удивлялся своей смелости. Признаюсь – если бы не Лариса, ни за что бы на такое не пошел.

Работа кипела, Геодезисты энергично размечали фундаменты, хотя сначала немного поскандалили. Доказывали, что нужно проводить геологическое исследование участков. Мы махнули рукой – в нашем всеобщем бардаке исследования? Скважины? Чушь. Они согласились за небольшое вознаграждение. Сказали, что ответственность лежит на нас, и даже потребовали письменное распоряжение. Я дал. Семь бед – один ответ. Но Семен сказал, что почва хорошая, площадки ровные. Проскочим!

Я решил проскочить. И мы поскакали закладывать фундамент. Начинать решили с центральной базы, потом колбасный цех, потом консервный – в соответствии с ожидаемым графиком поставок. В проектах были типовые чертежи примерно для наших условий, с учетом – узнал впервые - глубины промерзания почвы. Я с уважением и доверием следил за действиями Семена. Дело оказалось совсем не простое. Об опалубке я еще слышал, но подложка, гидроизоляция, арматура, трамбовка и еще куча терминов... Для выемки грунта попросили у колхозов-побратимов пару тракторов с ковшами – навесным оборудованием. Колхозники – мне казалось – на свою работу махнули рукой. В основном пахали на приусадебных участках. А взамен мы дали канавокопатель и они тихой сапой – никого не ставя в известность – стали разводить по домам воду и газ. Как хорошо, что мы проявили волонтеризм и провели трубы отдельно, не в комплексе с дорогой! Теперь у нас и у них была вода и газ. Никто ничего нигде, в том числе и друг у друга, не оформлял. Оказалось бардак – то есть отсутствие советского «порядка» - во многом благое дело. Землю из котлованов мы отвозили побратимам, она им пригодилась.

Потом появились бетоновозы...

Все, все успокойтесь, я остановился, перехожу на другие темы.

Эмма добросовестно трудилась над чертежами – рядом с немецким писала ручкой название по-русски. Она оказалась неплохим, во всяком случае надежным другом, хотя ей иногда попадала вожжа под хвост. Я ей дал определение – хороший человек с нелегким характером. Она хотела, чтобы мы снова поселились в том доме, который нам выделили в прошлый приезд, но я возразил. Мы теперь приехали надолго, я начальник, это будет выглядеть несолидно, пойдут разговоры. Эмма посмотрела на меня невинным, девичьим взглядом и спросила:

- Какие разговоры?

Я рассмеялся.

- Разные, о которых твоя чистая душа даже не догадывается. Но важно другое. Самое большее через неделю зайвится твой муж с детьми. Как это будет выглядеть?

Ей пришлось согласиться.

- Жаль, можно было бы ужинать вдвоем, одной скучно.

Но она выбрала дом поблизости, и иногда у себя в холодильнике я находил жаркое и даже борщ украинский. Я не думал – основываясь на своем семейном опыте – что такое можно готовить в домашних условиях. А потом иногда стала исчезать грязная одежда. Правда, потом появлялась, но уже в приличном виде. Я пытался протестовать, признаюсь, не очень активно. Выбрал более безобидный вариант – время от времени приглашал её на ужин, где подавал ею же приготовленные блюда. Первачок был мой.

А насчет моего прогноза – ровно через неделю появился муж Эммы с обоими детьми. Я становился прозорливым и серьезным руководителем.

Неожиданно у меня появился еще один если не друг, то союзник. Я думаю, мой товарищ Киря доносил своему патрону обо всем, что у нас происходит. И вот однажды появился Чухлебов. Он сказал, что очень доволен моей работой – при этом его немного корежило. И добавил, что надеется на дальнейшее взаимопонимание. Я, помня рекомендацию Ларисы дружить с ним, ответил взаимностью - надеюсь, полковник не заметил, что меня тоже слегка корежило. Менеджер должен быть хитер и терпелив. Вечером Кирилл Матвеевич дал ужин в нашу с Чухлебовым честь, пригласил Семена и Эмму. Чухлебов принял достойное количество первачка, не уступил в этом хозяину и крепко держался на ногах. Но веселья компании не добавил.

Что еще? Регулярно наезжал дуэт Татьяны и Ольги, они наводили порядок в финансовой документации, хотя здесь был свой бухгалтер Лилечка, молоденькая и не очень квалифицированная. Пожалуй, все.

А вот дома... дома было плохо. Когда прошло обещанных полтора месяца, то выяснилось, что Лариса задерживается еще на пару недель. Приезды мои становились реже – бельишко стирать было не нужно – и вот я, как обычно утром в субботу, заявился с объявлением, что мое возвращение переносится. Тут Лене изменила выдержка, мне – как вы узнаете – тоже. Мы оба проявили себя не с лучшей стороны. Пожалуй, с худшей. Может я не очень тщательно вытер ноги при входе... может быть. Хотя нет, я передел тапочки... Словом, Лена первая сорвалась и сказала:

- Я тут вкалываю, Вылизываю, убираю, а ты приходишь – фон барон – на все чистенькое.

Я в долгу не остался и добавил безобразия:

- За те деньги, что я тебе даю, хотя здесь не живу, можно нанять пять уборщиц. Совесть нужно иметь.

Лена попала в практически безвыходное положение. Как «девушка гордая», она должна была с презрением швырнуть мне деньги в лицо, и сгоряча схватилась за кошелек. Но увы, там уже почти ничего не было – и жизнь дорогая, и к деньгам быстро привыкают. Она беспомощно опустила на стул и – я с ужасом увидел – собиралась заплакать. Лена не плакала даже на похоронах матери. Это было слишком. Я потерял кураж, стал извиняться и каяться, обещать искупить все вины, настоящие и будущие. К счастью пришел парень, и я сообразил пригласить всех в ресторан.

- Хорошо, - обрадовался парень, - у нас ничего нет пожрать.

Лена плакать раздумала и – представьте себе – даже покраснела. Молча ушла переодеваться, вернулась в новом красивом платье – не в брюках. Опять почти покраснела – я понял, почему у них «нет ничего пожрать».

В ресторане радовался жизни только парень. Его даже не слишком расстроило, что блинов с икрой уже не было. Нам с Леной было неловко за недавнее непристойное поведение. Поэтому я был очень предупредителен, а она не такой ледяной и вежливой, как последнее время. Спиртное не заказал - не хотелось быть единственным пьющим за столом. И стал исподволь выяснять у парня, как они жили последнее время. Оказалось хорошо. Он – кажется – не слишком расстраивался из-за моего отсутствия.

- Ты знаешь, мама вкуснее готовит, чем ты. И жареную картошку, и суп с курицей. И даже тефтели.

Из дальнейших его рассказов я понял, что Лена хорошо справляется с теми обязанностями, которые были прежде возложены на меня. И едят они вместе. И больше общаются. Правда уроками она по-прежнему не интересуется. Ну что ж, с ее стороны это действительно позиция, а для него – облегчение. Я парню морочил голову по поводу уроков, и нужно признать без видимой пользы. Интересно, повлиял на неё мой эпатаж под пьяную лавочку накануне отъезда в Зеленое? Помните??

Принесли первое, разговор стих и у меня появилась возможность заняться переоценкой ценностей. Не такая возможно Лена черствая эгоистка. Ну, облегчила себе жизнь, что в этом плохого? А когда потребовалось, то стала вести себя иначе. Вполне достойно. Наверно дело в её отношении ко мне. Моя задача была несложной - избавить её от некоторых нелюбимых нагрузок, дать возможность немного покайфовать... плюс статус семейной женщины. Мать одиночка – даже без бабушки! – это опасно и не очень престижно. Большого от меня не требовалось. Наверно так. И когда я перестал выполнять возложенные обязанности, то и смысла в моем присутствии – а к тому же при физическом отсутствии - вовсе не было.

Я не очень активно поддерживал разговор, а сам продолжал соображать дальше. Почему же произошла такая агрессивная сцена? Нетипично для Лены. Она если и говорила гадости, то приличные по форме и манере исполнения. Я её за пять лет отлично изучил. Что-то изменилось за полтора месяца. Может она решила от меня избавиться? Вряд ли, тогда бы точно было все вежливо, до тошноты. Это похоже

скорее на акт отчаяния. Она почувствовала, что от неё ничего не зависит, очень обидное состояние, особенно для Лены с её самолюбием и самомнением. А может еще проще - осознала, что даже с сыном может быть одиночество в доме? Почему я так подумал - платье, первое платье, которое я видел, кроме домашних халатиков и сарафанов. В конце концов, я в доме не был агрессивным, помогал, неплохо справлялся с возложенными на меня обязанностями – всеми! И был не из худших мужей – Лена не опускалась до ревности, но заподозрила Эмму в покушении на меня и пару раз намекала на это. А теперь знала, что она на Украине.

Может многое из того, о чем я только что сказал, надумано. А может не далеко от истины.

И как доказательство, Лена нарочито вежливо спросила.

- Как у тебя там, на Украине дела? Все получается?

- Да, к моему удивлению, получается все. Почти все.

Это был главный вопрос и главный ответ. Основная проблема. Приедет через две недели Лариса. И тогда потребуется принять самое тяжелое решение. Что я буду делать здесь, в Москве? Ни-че-го! Я кооперативу в Москве не нужен. А там, на Украине я на месте, там без меня, по меньшей мере, трудно. Впервые за долгое время я не думаю о бессмысленности жизни.

После ресторана под веселые речи парня мы немного погуляли по парку Эрмитаж, потом пешком прошли до метро «Пушкинская». Были последние дни лета, нужно было наслаждаться ими, впереди ждала тяжелая – все это знали – зима. Немножко постояли возле митинга. И вернулись домой – парень устал.

Кстати, вам наверно интересно, почему я своего пасынка называю парнем? Как и Лена. Так повелось после моего появления в их квартире. Он тоже был Саша. Возникла путаница. Стали называть Саша старший и Саша младший. Должно. Сократили до «старший» и «младший».

Ему почему-то не нравилось, мне честно говоря тоже. Лишнее упоминание о возрасте...

- Хочешь, мы будем называть тебя «парень»? Старший уже в парни не годится.

Ему очень понравилось. Не детка, не какой-нибудь мальчик, а уважительно - «парень». Он перестал откликаться на любые другие обращения. Постепенно все привыкли. Так что ничего обидного в этом нет.

Дома я поплескался в ванной – в Зеленом у меня такой роскоши не было, только душ. Постарался сделать это как можно дольше. И своего добился – Лена уже была в постели и, отвернувшись к стене, делала вид, что спит. Я тихонько улегся на свое место с краю. Потом все-таки сказал.

- Подождем приезда Ларисы. С нами вообще неизвестно что будет.

Лена знала, что происходит в кооперативе. Впрочем, это уже ни для кого не было секретом.

- Я хочу знать, вернешься ли ты в Москву или нет.

Голос был не сонный.

Ответ на этот вопрос созрел у меня давно.

- Это от тебя зависит.

- От меня? Каким боком?

- Если человек нужен, то его ждут годы, не то что пару-тройку месяцев. Ждут с фронта, из тюрьмы, с зимовки в Антарктиде. А если не нужен, то не ждут.

Я долго ждал ответа. Не дождавшись, уснул. И утром его не было. И днем. Мы гуляли, опять обедали в ресторане.

Может быть в какой-то степени можно была засчитать в качестве ответа чемодан, который Лена собрала мне в дорогу. А может это был просто акт вежливости.

В Зеленом были новости. Стало поступать оборудование. Причем по условиям договора фирмы поставляли его прямо к нам большегрузами – не очень распространенный способ в то время в Союзе. Много, почти все мог сделать Сергей Васильевич, когда был в форме и на посту.

Сначала пришло центральное хранилище в полном комплекте. Лариса с проектировщиками приняла решение заказать автономные рефрижераторные контейнеры максимальных размеров, пять штук. Два морозильных, три для хранения охлажденных продуктов. Кран мы пригнали заранее, как только получили сообщение, о пересечении ими границы. Рефроконтейнеры установили на заранее подготовленную фундаментную площадку в соответствии с документацией, подключили к электричеству – можно было загружать продукты. Но пока хранить было нечего. В планах было строительство обычной овощной базы для картофеля, капусты, свеклы и т.д., но это отложили на следующий год.

Потом стали появляться первые контейнеры с оборудованием для колбасного цеха. Мы их пока ставили на специально подготовленной площадке для контейнеров - понимали, что в этом году до наступления холодов успеем немного. Хотя колбасный цех надеялись завести под крышу, а потом зимой доделывать. Планы наполеоновские, но реальные. Только нужно бы добавить рабочих и денег.

Лариса вернулась через десять дней. Лина позвонила, и сказала, чтобы я приехал к понедельнику. Хозяйка пока будет занята магазинами. Я почувствовал, что очень взволнован и по-настоящему соскучился. Еле дождался этого понедельника. Домой не заезжал – не знаю почему – выехал из Бахмача ночью в воскресенье. Может быть, чтобы была возможность снять стресс ожидания за компанию с Кириллом Матвеевичем, мы это выполнили на высшем уровне. А Лена бы не позволила.

Эмма уехала в Москву в пятницу вечером. Сказала, что не хочет видеть страдания пожилого Вертера. Ох и язычок у неё.

В столице прямо с поезда забежал по дороге в парикмахерскую, побрился и постригся – готовился! – и пришел в офис вовремя, к началу работы. Лариса немного задержалась.

Мы собрались в зале.

Она не посвежела, не отдохнула и не помолодела. Видно было, что заграница на этот раз далась ей нелегко. Ничего удивительного.

Тепло поздоровалась со всеми, сказала, что очень соскучилась. Мы хором уверили её в том же. Меня поцеловала в щеку. Потом стала деловой. Ситуация тяжелая, но она надеется, что мы справимся. Очень похвалила работников на Украине и меня в особенности. Я понял, что сведения у неё были, и мой доклад вряд ли понадобится.

Потом сказала, что продает один магазин – на Чехова – это даст передышку на месяца три-четыре. Она не скрывала тяжелое положение фирмы от немногочисленных сотрудников, присутствовавших тут.

Потом ушла к Татьяне и Ольге и полдня работала с ними. Я терпел, терпел, потом часа в два сунул голову в бухгалтерию и сказал:

- Извините. Лариса Степановна, вы не хотите пойти пообедать? – все-таки я был председателем, а не рядовым подчиненным.

Он устало улыбнулась и сказала подчеркнуто неформально:

- Саша, подожди, пойдем через часик.

Кафе «Лира» уже не работало. Мы сели в машину к Коле.

- Хотелось бы тихое место. Я устала.

Я предложил мой любимый ресторан в саду Эрмитаж.

- Там тихо.

Мы поехали в Эрмитаж. Кстати, блины с икрой были.

Лариса заказала триста коньяка. Пили мы поровну. Она мне показалась более привычной к процессу, наверно – подумал - на западе тренировалась.

Когда принесли коньяк и закуску, она сразу налила рюмку и мы не чокаясь выпили. закусили красной рыбой. Потом сразу же, не дожидаясь вопросов, она сказала:

- Пока ремиссия. Не надолго. Есть метастазы. Боли то ли меньше, то ли муж скрывает, чтоб не расстраивать. Это все ужасно. Он понимает, что все, и в первую очередь он сам, ждут – скорее бы это закончилось. Я так не думаю, и уверяю его... А может иногда думаю... Он улыбается, острит. «Я был раньше активный, теперь только радиоактивный». Когда он лежал в больнице, - призналась она, - было все-таки... Он под присмотром. А с тех пор, как мы здесь, я всю ночь глаз не смыкаю. Слушаю, не плохо ли ему. Может в любой момент стать плохо...

Она налила еще рюмку. Я сказал:

- Подожди, сейчас блины с икрой принесут. Фирменное блюдо.

Она поморщилась, но рюмку поставила. Пока блины не принесли, мы молчали. Потом выпили.

- У меня через два дома от офиса есть квартира, знаешь?

- Нет.

- Небольшая, я там жила с мужем, когда приехала из Казани. Мы её переписали на Витю, - это её сын. - Я там иногда перехватываю пару часов сна утром или вечером.

Я видел, что ей хочется еще выпить, и сказал:

- Ну давай по последней.

Потом спросил, что нас, то есть кооператив ожидает. И не потому, что эта тема меня больше волновала, а для того чтобы она хоть немного отвлеклась от самоистязания, которым ничему не поможешь.

Она повторила, что продает магазин, но этим только оттягивает финал. Как бы мы не старались, нас съедят. Банк отказывается реструктурировать долг, что сделал бы без напоминаний, если бы муж работал. Атаку возглавляет бывший конкурент мужа из комиссии по внешнеэкономическим при Совмине. Он, как и многие высокие чины стал собирать бизнес.

Кстати, я заметил, что Лариса уже не говорит Сергей Васильевич, а муж или мой муж.

- Но может еще будут перемены... По телевизору сплошной оптимизм ...

- Нет, Горбачева снимут. Он не по делу. Идеалист. Сам деньги не берет и другим не дает. Дикому капитализму, куда мы движемся, это не подходит. А дальше будет как минимум несколько лет дальнейшего падения и беззакония. И знаешь Саша, что я поняла на Западе? Глядя со стороны и сравнивая? Здесь в ближайшие годы, а может и никогда нормальной жизни не будет. Если есть возможность, нужно уезжать отседова, - она подчёркнуто иронично произнесла посконно-домотканое «отседова». - И взять с собой подушку из пары миллионов.

Я ничего не ответил, потому что не понял – она сознательно поделилась своими мыслями или импульсивно, под влиянием паров коньяка.

Под конец обеда Лариса сказала, что в курсе всего, что сделано на Украине. Я молодец, на что она, впрочем, и рассчитывала.

- Пока не езжай назад. Побудь здесь. Еще обсудим, что дальше делать.

- Но там...

- Саша, там потерпят. Так нужно.

В её голосе появились начальственные нотки. Я согласно кивнул головой.

Они с Колей отвезли меня домой.

Я сказал Лене, что Лариса приехала. А что будет дальше не сказал, потому что и сам не знал. Лена это поняла и... не повеселела.

Неделю я провел как на заводе – бездельником. Я уже отвык от этого занятия и переносил его с трудом. Звонил в Зеленое, пытался давать инструкции, но понял что на расстоянии это бесполезно. Как-то позвонил часа в два, трубку взял Киря, он уже был в состоянии, соответствующему его короткому имени. Скверно.

Лариса появлялась редко, она продавала один магазин и наводила порядок в двух других. А если заходила, то сразу же включала в работу Татьяну с Ольгой. Мы ни разу даже обедать не ходили.

Однажды, когда Лариса была в офисе, пришел Чухлебов. Он прямо подошел ко мне и спросил, почему я здесь, а не в Зеленом. Там опять бардак – он использовал слово покрепче, на досуге попытайтесь сообразить какое. Я ответил, что босс не отпускает. Его передернуло:

- Вы же председатель, или что? Идем, поговорим.

Мы зашли к Ларисе, которая трудилась все с тем же дуэтом. Чухлебов предложил – не попросил, а предложил - отправить меня в Зеленое.

- Без Александра Зиновьевича там опять бардак, – на этот раз он использовал именно это слово, считая его достаточно приличным.

Лариса взглянула на меня не то с одобрением, не то – может мне показалось – с сожалением.

- Нет, он мне нужен здесь, - это прозвучало довольно резко.

У Чухлебова хватило сил сократить свой ответ только до двух слов – «до свидания», но было видно, чего это ему стоило. Он вышел, даже не хлопнув дверью. Всем присутствующим при этой сцене – кроме Ларисы – стало неловко. Да, соратниками их

не назовешь... Но в одном Чухлебов прав – я себя председателем в Москве определенно не чувствовал. Глуповатое положение. Хотя с другой стороны, Лариса нанимала меня на должность управляющего и то при условии, что у меня получится. Вроде получается. А все же хозяину я обязан подчиняться. Да, подчиняться, но не болтаться без дела. Я себя чувствовал «лишним человеком» из русской классики.

У меня все-таки были некоторые основания обижаться на Ларису за то, что она даже намеком не дает понять, что будет дальше. И с фирмой... и со мной. Но её можно понять. Такие ужасные проблемы дома, и на работе не легче. Скорей всего она сама не знает толком, куда все повернет. Из разговоров Татьяны с Ольгой я понимал, что на нас идет сильнейшая финансовая атака. Появился и наш юрисконсульт Симкин, а значит банк – скорей всего – подал на нас в суд за неуплату.

Судя по поведению Чухлебова, он не на нашей стороне. И вообще, барометр настроений в офисе показывал «к буре». А печаль в глазах Лины на этот раз кажется имела реальные основания. Но хорошо ли вместо поддержки Ларисы, прислушиваться к глупым жалобам своего ущемлённого самолюбия? Я решил набраться терпения и по-прежнему «веровать». Не слушать «бунтовщиков».

«Бунтовщиков» было двое.

Одна бунтовщица – главная – была у меня дома. Она имела все основания знать, где её муж будет работать – в Москве или на Украине. Лена привыкла к своему новому положению за два месяца, втянулась в режим. Утром готовила парню завтрак – и мне перепало. Завтракала за столом с нами. Уходила на работу вместе с нами. После работы готовила или разогревала ужин, кормила парня – и меня заодно. Ужинала с нами, без книжки. Пока я был в командировке, такой образ жизни считался нормальным. Но в моем присутствии? На кой черт я тогда торчу дома? Только как дополнительная нагрузка? Правда у меня приличная зарплата, лишние деньги, но я говорил, что Лена меркантильной не была. Я чувствовал себя кругом виноватым. Она это не подчеркивала только потому, что все было очевидно. Хотя может и подчеркивала, время от времени спрашивая:

- Твоя Лариса еще долго будет тебя водить как бычка на веревочке?

Она демонстрировала готовность пойти на решительные меры, если я на длительное время переберусь на Украину.

Но недовольной была не только она. На работе было скучно и дома не веселее. В принципе мы никуда не ходили, только изредка в театр. Друзей у меня в Москве не завелось. А Лена была довольно замкнутым человеком, общалась только со своей двоюродной сестрой и её мужем, и ещё с какой-то подружкой по телефону – подружка жила у черта на куличках, в Теплом стане. И все. Вне работы ни у меня, ни у неё общения фактически не было. Я раньше этого не замечал, потому что... Словом не случайно я это «раньше» забыл после инсульта. А сейчас, открыв глаза на свет божий, стал оглядываться по сторонам. Даже выпить было не с кем. На заводе мы эпизодически собирались после работы и шли в бадежку. Не будешь же звонить им и спрашивать, когда намечается поход.

Но мы с женой понимали, что рубить с плеча нельзя. Разрушить все легче легкого. А потом? Я в 55 лет, ни кола, ни двора. Да и Лена, в её сорок – тоже немало - при таком

характере почти гарантирует себе одиночество. Дети... дети вырастают. Уходят. И это происходит очень быстро.

Нам нужны были перемены, каждый из нас это понимал. Но какие? Перестроить или все разрушить?

Вторым бунтовщиком была Эмма. Мое, как я сказал, глуповатое положение ей казалось унижительным. Там, на Украине я был солидным и уважаемым человеком. А здесь брожу как неприкаянный, слоняюсь в поисках занятий. Татьяна с Ольгой поделились с ней подозрением – может Лариса решила меня уволить?

- Ты, - сказала как-то Эмма, - как карась на леске. Дали поплавать, потом дернут и вытащат на сушу.

Язычок у неё...

Как вам нравятся эти сравнения - бычок на веревочке, карась на леске?

Должен с гордостью сказать – я не пошел на поводу этих бабских науськиваний. Я верил – когда нужно будет решать, Лариса со мной посоветуется. Для того и оставила здесь, в Москве. Слишком многое нас связывает не только в прошлом, но и уже в настоящем. На неделю моей веры хватило.

И вдруг... В понедельник – как известно день тяжелый – Лина печально сообщает, что Лариса извиняется, в особенности передо мной. Ей нужно срочно лететь в Америку, Нью-Йорк на пять дней. Почему не знает даже Лина, наверно что-нибудь срочное с Сергеем Васильевичем. Мы тоже так решили, с Америкой у нас вроде бы связей не было.

Еще неделя! Бунтовщики подняли голову. А Лене я даже не осмелился рассказать о случившемся. Так, бормотал что-то неопределенное. Я позиций не сдавал, хотя оборонительные редуты казались уже не такими прочными. И все же надеялся, что Лариса все объяснит, и в моем неопределенном положении наступит, наконец, ясность. Чувствовал, что перемены будут.

Вы увидите, что я не ошибся.

В субботу часов в одиннадцать позвонила Лариса. Поговорила с Леной, которая взяла трубку. Я по холодному и официальному её тону догадался, кто звонит.

- Можно бы вежливей, - прошипел я и взял трубку.

На этот раз Лариса была менее безапелляционна, чем обычно и спросила, удобно ли мне встретится и поговорить часа в четыре. И только после моего согласия, предложила – не распорядилась – захватить за мной. Её вежливость – признаюсь - нагнала на меня еще большую тревогу. Мы оба – Лена и я – нервничали до неприличия. Я понимал, что придется принимать воистину судьбоносное решение. Скорей всего нелегкий выбор – потерять либо семью, либо работу. Такой вариант казался наиболее вероятным. На положение «лишнего человека» в Москве я, безусловно, согласен не был. За любые деньги.

Как-то получилось, что возможность потерять одновременно и работу и семью не рассматривалась.

Я до встречи четыре с лишним часа занимался тем, что пытался взять себя в руки, а Лене изменила её пресловутая выдержка. Когда я уходил, она непривычно жалобно попросила:

- Пожалуйста, не задерживайся.

И готов поклясться, чуть не поцеловала меня в щеку. Но решила, что это уж слишком.

Лариса выглядела еще более усталой. Перелет в Америку, - объяснила она, заметив мой сочувствующий взгляд,- смена часовых поясов и ночные бдения не украшают. Вежливого опровержения с моей стороны не приняла. Предложила поехать в ресторан Эрмитажа.

В ресторане скромно подождала, пока я сделаю заказ. На заявленные двести грамм коньяка не отреагировала. Блины опять исчезли. Лариса была непривычно пассивна. А может просто готовилась к серьезному разговору. Пришлось брать инициативу на себя.

Спросил, как дома. Она ответила, что пока без изменений. Надежда в её голосе не прозвучала. Выяснить, зачем она летала в Америку, было бестактно. Я решительно заговорил о работе и моих перспективах, о том, что меня интересовало. Сколько можно было проявлять покладистость?

- У нас появился Симкин. Банк подал в суд? Добиваются нашего банкротства?

- Это не банк. Фактический хозяин банка Шершнев. Но и у него есть хозяин. А Чухлебов теперь у них на побегушках.

Шершнев – я знал – был зампредела Комиссии при Совмине, будущий олигарх.

- Так может...

- Нет, Шершнев с мужем на ножах. Не просто отберет. И еще посадит.

- Тогда почему ты взяла Чухлебова?

Лена отвечала автоматически. Чувствовалось, что её мысли были далеко.

- Его рекомендовал наш знакомый, ба-а-льшой человек с Лубянки. Тоже стал подминать бизнес. Сейчас многие этим занялись. Чувствуют, что самое время. Он и есть самый главный.

- Так может пойти под его высокую руку этого ба-а-льшого человека, если ты уверена, что сама не сможешь...

С неожиданной злостью Лариса ответила:

- К этому старому уродливому лешему? У него на меня виды. Ни за что!

В это время принесли закуску и коньяк. Мы выпили не чокаясь.

И тут Лариса преобразилась. Не от коньяка – приняла решение.

- Давай по сути, - она выпрямилась.

- Давай.

- Напрямую, не боясь правды, Все как есть.

- Хорошо.

Начало было угрожающим. По спине поползли мурашки.

- Когда я узнала... о муже, то твердо решила. Мы вместе решили, с его согласия... Мне здесь не продержаться, без него. И вообще нужно искать возможность вместе с детьми уехать, - она невольно понизила голос. – Жить там, где можно жить по-человечески. Я в тот раз сказала об этом не под влиянием алкоголя. Забросила удочку.

Я помрачнел.

- Ты хочешь сказать, что я остался без работы. Погоди... Погоди... Так значит, когда ты меня нанимала, то знала, чем все закончится? Моя роль – только эпизод? Дивертисмент? Просто вставной номер?

- Нет, не просто, не все так просто. Подожди обижаться, у тебя еще будут возможности для всяких эмоций. Потерпи.

- Терплю.

- Помнишь, я сказала, чтобы за границей нормально жить, - она понизила голос до шёпота, - нужна подушка из миллионов?

Я перейду от диалога к повествованию. Тема не простая и так будет доходчивей. Лариса – я позже понял – говорила не совсем правду. Операцию они с Сергеем Васильевичем задумали еще до его болезни. В проект сразу была заложена возможность перевести на запад не деревянные рубли, а доллары. В разваливающемся Союзе все было нестабильным и деньги, и имущество и – опасались – сама жизнь. Лариса с мужем были даже не первопроходцами, многие уже тогда применяли такие и подобные схемы. А потом это делали на постсоветском пространстве практически все, и бизнесмены, и чиновники. В первую очередь большие чиновники. Я просто напоминаю то, что все знают. Короче заказ пробил большой, фирма в Италии была тем, что сейчас называют «прокладкой». Из бюджета платили дороже, «фирма» покупала дешевле, разницу отправляли в офшор на имя... И вот тут, как в любом большом деле начались неожиданные трудности.

Кстати сказать, в первоначальном плане отложенные деньги были только страховкой, никто не собирался дорогое оборудование и хорошую идею дарить кому-нибудь или государству. Но болезнь Сергея Васильевича нанесла первый удар. Постепенно главным становилась «подушка», шансы удержать такой куш в стране таяли на глазах. Но беда не приходит одна. Напомню то, что уже рассказывал. Комиссии, где был Шершнев, главный противник Сергея Васильевича, дали права отменять госпоставки. Председателя кооператива «Нива» – от греха подальше – нужно было менять.

Пришлось искать нового Фунта – я был прав, когда считал себя зицпредседателем. Близкий Ларисе Аркадий сгорел на экзамене. И к тому же у него не было достоинства, которое от рождения было у меня. О достоинстве позже.

В этом запутанном деле все время появлялись сложности.

Лариса очень боялась «старого уродливого лешего» с Лубянки, у которого были серьезные связи за границей и виды на саму Ларису. Я понял, это не просто опасения, а какие-то конкретные сведения. Из-за одних опасений она бы такую сложную игру не затевала. Брать на свои данные, то есть на себя ворованные – будем называть вещи своими именами - деньги даже в офшоре она не решалась. И в этом смысле я подошел со всех сторон. Конечно, она меня подставляла. Но насколько?

- Я подумала, что тебя сам бог послал, - пожалуй чересчур восторженно сказала Лариса. И продолжила.

Постараюсь как можно ближе к оригиналу, почти цитата.

«Во-первых, не чужой человек – она не сказала, что к ней неравно дышу, но подумала. И опять от себя добавлю, делала все, чтобы это чувство только усиливалось. У неё неплохо получалось. Во-вторых, толковый, экзамен выдержит. В-третьих,

порядочный, что бывает не часто. От себя добавлю – возможно в её понимании это было синонимом слова «лопух». В-третьих, очень важно – если перевести на него – то есть на меня - деньги, то можно воспользоваться преимуществом, на которое я выше намекал. А именно – я в любой момент могу уехать в Израиль, а там евреев не выдают, тому много примеров».

Следующий довод должен был произвести самое большое впечатление. И произвел, каждый бы на моем месте прореагировал. Она только одними губами проартикулировала:

- Там двенадцать миллионов. Я предлагаю тебе три и нам девять.

Все-таки я наверно недостаточно выпучил глаза, Ларису это удивило. Тогда моя доля была как сейчас наверно миллионов десять, не меньше. Но дело в том, что я эти миллионы себе в реальности не представлял. Для меня это было... ну как Марс, примерно такая же реальность. Где-то есть, но ко мне никакого отношения не имеет.

И после паузы.

- Ты подумай, можешь ли согласиться на такой вариант. В принципе. Понимая, что есть плюсы, и минусы, даже элемент риска. Но кто не рискует...

Потом сделала скидку на мои взгляды на жизнь, и добавила, стараясь скрыть насмешливую улыбку:

- Разумеется, учитывая моральный аспект.

И замолчала. Молчал и я. Шум в голове – барабаны судьбы – мешали сосредоточиться. Я выпил еще немного коньяка, хотя понимал, что этого делать не стоило. Впрочем, я сейчас все рано ответ давать не собирался, но хотя бы стоило попробовать разобраться в истинных мотивах её поступков. Кажется действительно передо мной - я правильно сказал в Италии - сидела не Лариса, а другой, не знакомый мне человек. Я, наконец, признал, что бытие определило её сознание. Но другой человек плохой, другой опасный, или просто другой, который не только себе, но и мне зла не желает? Ничего личного, только бизнес? А бизнес может быть удобным для всех. В какое время мы живем?

Соглашусь ли я в принципе... И тут я вспомнил оформление странной бумаги в Италии и секретный код из девяти знаков. Вот почему меня возили за границу. Скорей всего моего согласия уже не требуется. Она наверняка все сделала. А может пока не решилась переводить деньги, вдруг я взбрыкну? Впрочем, думаю, перевела, такую большую сумму на счету продажной фирмы-прокладки оставлять еще рискованней, чем иметь дело со мной. Тем более, насколько я понял опасения Ларисы, в первую очередь именно эта фирма находится сейчас под прицелом. Для выпившего и ошарашенного человека я еще неплохо рассуждал...

Да, скорей всего деньги уже где то в офшоре на моих данных.

Молчание затянулось, Лариса его не прерывала. Она изучающе смотрела на меня и – я думаю – читала мои мысли.

Что такое миллионы я не понимал, зато ясно представил себя в тюремной камере и – снова ассоциации – по соседству с казанским бандитом Фимой. Виток спирали... Бр-р-р...

Лариса определенно уловила общий ход моих мыслей и добавила сильнейший – по её мнению – довод.

- Я действительно возблагодарила бога, когда тебя встретила, – на этот раз прозвучало почти искренне, – потому что у тебя было еще одно достоинство. Мое отношение к тебе. Я подумала, что когда здесь все... закончится... ты сможешь забрать меня, нас всех в Израиль. Гражданство получить не так просто.

После этого барабаны судьбы в голове поняли такой шум, что я даже не пытался думать. Отложил на потом. Поэтому смело заказал еще сто грамм коньяка. Благо официант не торопился и только сейчас принес вторые блюда. Мы ели в полном молчании. И когда уже собирались уходить, я неожиданно проявил несвойственную мне интуицию.

- А ну-ка, Лариса, что ты еще припасла, выкладывай? Что у тебя там за пазухой?

Я даже не понял, что это звучит двусмысленно. Лариса поняла и улыбнулась. Подумала и сказала.

- Хорошо. Все, так все. Чтоб больше без сюрпризов. Я на прошлой неделе была в Нью-Джерси. Познакомилась с Олей.

Я думал, что после всего сказанного прежде поразить меня уже не удастся. Оказалось возможности Ларисы беспредельны. Так вот почему появился контрольный вопрос об Оле в заполненном мною в Италии странном документе. Как можно с такой дьявольской точностью все предусмотреть? Это даже внушало... нет, не уважение. Почтение. Но и невольный страх, как минимум тревогу.

- Саша, нельзя такие суммы доверить только одному человеку. Тебя может переехать машина, или...

- Могут убить, - подсказал я.

- Что ж, и такое возможно. Это жизнь и это большой бизнес, в который ты случайно попал.

- Как кур в ощип.

- Все от тебя зависит. Оля оказалась хорошим человеком и тебя любит. А её муж вполне финансово обеспечен, это тоже немаловажно. У нас с ней соглашение. Все то же соглашение, - опять шёпот, - девять и три. Так что сейчас все переведено не на мои и даже не на твои данные. Концов не найдешь. Хотя доступ только у тебя.

Высказав все до конца и пока не встретив ожидаемого – наверно – сопротивления с моей стороны, Лариса явно почувствовала облегчение. И неожиданно рассмеялась.

- Знаешь, самый модный сейчас анекдот? Два еврея разговаривают, подходит третий: «Не знаю, о чем вы говорите, но ехать надо». Надо, Саша, надо. И как можно скорее. Береженого бог бережет.

Я понял, что опасность действительно реальна. И близка.

Заплатил по счету, мы вышли из ресторана.

- Лариса, ты поезжай домой. Я, пожалуй, пройду. Нагрузка для одного человека неподъёмная. Попробую растряссти еду, выпитое и впечатления.

Лариса согласно кивнула головой. Поколебалась – и все-таки поцеловала меня в щеку, протерла носовым платком. Я кисло про себя сострил, что платок она носит специально для таких случаев. Повернулся и побрел к ближайшей скамейке.

На этом детективная часть воспоминаний на какое-то время закачивается, точнее прерывается. Дальше следуют размышления и колебания. Можете и вы поразмышлять,

а заодно еще раз перечитать последний кусок и попытаться разобраться в сложных переплетениях... Впрочем, о чем я? Один из вас читать не сможет, а другой просто не станет.

Несмотря на очумелость, я сообразил, что сомнения и колебания носят чисто формальный характер, только для утешения самолюбия. А в принципе меня не спрашивают. Если я не уеду, то сяду в тюрьму ни за грош, в буквальном смысле этого выражения. Попробуй докажи, что ты не верблюд. А если уеду... то может действительно быть богатым и здоровым, а кстати, и свободным, лучше, чем бедным и больным – на полке рядом с Фимой? Сейчас каждые два из трех евреев решились на побег из лагеря социализма – из лагеря, у меня появились какие-то тюремные ассоциации. А меня не просто принуждают, а еще солидно доплачивают за побег. И при этом намекают... Стоп, я просто запретил себе думать об этом. Надо прежде всего не забывать, что Лариса меня загнала в угол, даже не поинтересовавшись моим желанием. Все решила за меня.

Короче, получается, что есть только два варианта в данной ситуации – я еду с семьей или один. Все остальное не зависит от меня, причем, и это тоже...

Я долго шел домой, и мысли мои были только различными сочетаниями уже описанного набора. Не буду вас нагружать. Нетрудно представить себе, что думает человек, неожиданно попавший в... да, в совершенно другое измерение, так будет правильно. Я понимал, что должен быть не только обижен, но и возмущен вероломством Ларисы и её новой ипостасью. Но, каюсь, плохо получалось. Я понял – в очередной раз – что этот человек мне не по зубам, бороться с ним и его влиянием дело безнадежное. Стыдно, конечно, мне и до сих пор стыдно...

Лена на кухне оторвалась от кофе с книжкой вприкуску и встретила меня тревожным взглядом. Я мог её успокоить только частью новостей.

- На Украину не еду, - она громко и облегченно вздохнула.

После недолго колебания я продолжил:

- И работе моей конец.

Это её как минимум не огорчило.

- Найдешь другую. Целее будешь.

- Где я её найду? В конструкторы не хочу. А ты меня кормить не станешь.

- Кто не работает, тот не ест. Проголодаешься – отыщешь что-нибудь. Твои проблемы. Я вижу, сейчас ты сыт, пьян и нос в табаке.

И она вернулась к кофе и книжке. С меня на сегодня было достаточно. Я пошел спать.

Проспал до вечера. Проснулся часов в девять. Спать не хотелось, лежать не хотелось, смотреть телевизор не хотелось, не считайте меня истериком, но и на белый свет смотреть не хотелось. Ушел на улицу, где уже было темно. Бродил часа два, распугивая собак и собачниц, которых последнее время завелось в Москве много. Пережевывал все те же мысли, ничего нового придумать не мог. Нужно поговорить с Леной. Но когда вернулся, она уже спала.

На следующий день – было воскресенье, - как только парень ушел гулять, я начал на кухне разговор. Старался сделать его серьезным.

- Я хочу поговорить с тобой об очень важном деле. Обсудим его как следует. Сядь, послушай внимательно.

Она села, но не слишком озаботилась.

- Ты знаешь, сейчас многие семьи с евреями едут в Израиль или дальше. Давай подумаем...

- А о чем тут думать, я никуда не поеду.

- Но там и жить легче. Здесь такой бардак, а что дальше будет?..

- Я не поеду, даже если бы там были золотые горы.

Лена меня опередила, соблазнять богатством смысла уже не было. Она попыталась встать.

- погоди, я серьезно. Что ты имеешь против Израиля?

- Там слишком много евреев, - и засмеялась.

Я знал, что это только шутка. Лена ни в малейшей степени не была антисемиткой, а с чувством юмора у неё не всегда был порядок. Но у евреев есть темы, где им это чувство тоже отказывает напрочь. И мне отказало.

- Саша, на эту тему говорить больше не хочу. Я никуда не поеду.

И ушла к плите.

Больше всего меня расстроила не неудачная шутка, а безапелляционность. Жена – по моим понятиям - в таком важном вопросе должна попытаться понять, обсудить, приводить доводы. Должен быть разговор близких людей. Нельзя отмахиваться, если это жена. Я вспомнил, как Лариса сказала: «Ты сможешь принять меня в Израиле». Как будто знала, что в Израиле жены у меня не будет. Значит не только изнутри, но и со стороны так выглядела моя семья.

Но может Лена просто не верила в серьезность моих разговоров? Я решил её убедить.

- Если ты не поедешь, тогда будем разводиться.

Она наполовину поверила. Но ответила кратко.

- Тебе решать. Я не поеду. И закончим на этом.

Результат не был неожиданным.

Не в моем характере было принимать быстро и энергично решения, особенно если они были не просто важными, а как сейчас, кардинально меняли жизнь. С удовольствием бы потянул время, рассматривая ситуацию со всех сторон, взвешивая за и против. Но осознание опасности подгоняло. И Лариса в понедельник с утра вызвала меня к себе, разговаривала очень ласково, сказала, что вполне понимает мое состояние, но... я должен торопиться. Так будет мне спокойней.

- И не только мне, - мрачно съехидничал я, – из меня герой не получается, могу не выдержать и пойти на сделку с совестью... и со следствием.

Прозвучало агрессивно, но она, в конце концов, должна почувствовать, что чужими судьбами играть небезопасно.

Лариса на конфронтацию не пошла и продолжала смотреть на меня все так же ласково.

- Саша, я этого не отрицаю. Понимаю, что мы с тобой связаны в настоящем, - и после паузы решила для надежности добавить, - и надеюсь в будущем.

Я невольно почувствовал себя укрощенным, хотя одновременно ощущал круглым дураком. Ну должен же неглупый человек видеть реальность? Я уже говорил – плохо получалось.

Лариса спохватилась и заметила свою бестактность.

- Лена едет с тобой?

Мне хотелось сказать: «А то ты не знаешь». Но сдержался и только отрицательно покачал головой.

- Тогда займись делом, а работу можешь пропускать. Только не демонстративно, появляйся, чтобы можно было тебе выплачивать зарплату. Об отъезде никому не говори, само собой. Подойди в Голландское посольство, там бродят еврейские активисты, попроси, чтобы тебе выслали вызов. Так положено. Потом подай на развод. Тебя не выпустят без развода. Правило железное – или разводитесь, или отдайте квартиру государству. И только потом АВИР.

Она была в курсе всех дел. Еще бы, готовилась давно. Но не удивляться её способности все знать и все предвидеть я не мог. Как и чутью. Видя, что я уйду в тяжелом настроении, она добавила.

- Саша. Это лучший вариант, который у тебя мог бы быть. Остаться здесь в твоей ситуации, - она явно имела в виду ненадежность моей семьи, - и еще еврею... Уверю тебя, совесть меня не мучит.

Я ушел в более сбалансированном состоянии, чем до разговора. Воистину дьявол. Но может не обязательно дьявол должен быть злодеем? Действительно, в свободном мире, да еще с деньгами... Но почему все-таки так нелегко на сердце? Наверно потому, что я остаюсь «премудрым пескарем».

В тот же вечер уже в постели я снова завел разговор с Леной. Сказал, что должен подать на развод, иначе меня не выпустят. Лена, оказывается, это знала, у них на работе был подобный случай. И ответила коротко:

- Саша, дело твое. Я не поеду.

Но в голосе было что-то ей прежде не свойственное. Какая-то горечь. Я решил все-таки поговорить.

- Лена, давай по-человечески попробуем обсудить. Пять лет вместе, не встретились-разбежались.

- Давай, - определенно она не такая решительная, какой хочет казаться.

Я начал с главного.

- Дело в том... что я не могу не уехать.

- Я так и подумала. Говорила – нормальным людям за честную работу таких денег не дают. Твоя Лариска – я чувствовала – до добра не доведет.

Она не знала подробностей, но существо проблемы уловила сразу. Да, судьба сталкивала меня с более умными женщинами, чем я.

Мы все же поговорили. Она знала об эмиграции больше меня. У них на работе это была животрепещущая тема. Она знала, что в Израиле возрастные новые репатрианты работают либо уборщицами и уборщиками, либо в лучшем случае охранниками и кассиршами в магазинах. Что, кстати, чистая правда. На мои заверения «обеспечу,

возьму на себя», она ответила таким «гм!», что я и сам засомневался. Для чего, между нами говоря, были основания. Я все-таки гораздо больше был убежден в том, что «ехать надо», чем в том, что меня ждут эти самые золотые горы. Я признавался уже, что был дураком, но все-таки не совсем круглым.

Лена подвела итог:

- Саша, я не тот человек, который может выжить в чужой стране.

Против этого нечего было возразить.

На следующий день я приступил к делу в точном соответствии с указаниями Ларисы. Суд о разводе должен был состояться через месяц. Вызов обещали прислать. А следствием разговора с Леной было только одно – дома стало просто ужасно. Нет, она меня не выгоняла, не терроризировала. Все намного хуже, женщин не поймешь. Неожиданно этот железный феликс впал не просто в расстройство, а даже в отчаяние, которое гордо пыталась скрывать. Она худела, хотя и была не толстой, чернела, хотя была смуглой. Даже один раз призналась:

- Я понимаю, что была недостаточно внимательна к тебе. Очень об этом сожалею. Видишь, как в жизни бывает, человек только когда ничего изменить нельзя ...

Слава богу, не заплакала, я бы этого не вынес. И стал переживать за неё даже больше, чем за себя. Хотя и понимал, что если бы я остался, то спустя месяц-другой все могло вернуться на круги своя. Характеры так легко не изменяются.

Даже парень заметил, что в доме напряжение.

- Вы поссорились?

- Нет. Саша уезжает надолго, - объяснила Лена.

На него сообщение не очень подействовало. Но нам с Леной было трудно.

И поговорить, поделиться не с кем. Все друзья остались в Одессе, кстати, большинство из них тоже собирались в путь-дорогу. Но они ехали семьями, а я один. Трудно вообразить, какое это отличие. Огромное. Правда оставалась фата Моргана, на которую намекала Лариса, говоря о своем предполагаемом приезде в страну обетованную... Но я не очень миражам верил, а если бы все сбылось, то скажу вам как на духу – не представлял, как с этим можно справиться. Словом, не совместимые, противоречащие друг другу чувства и мысли работали буквально на разрыв. Я тоже не хорошел, и это стало заметно окружающим.

Однажды Димы на работе отсутствовал – такое случалось редко, а я был – теперь тоже не частое событие. У нас с Эммой появилась возможность поговорить без свидетелей. Она по-прежнему старалась меня опекать и переживала, наблюдая непонятные перемены не только в моем поведении, но и во внешнем облике.

- Саша, что с тобой происходит? Что у тебя с лицом?

- Лицо как лицо.

- Ты последнее время ходишь серый. И на работе не бываешь. Скандал с боссом?

Эмма была, пожалуй, самым близким моим другом в Москве. Я решил на разговор – очень в этом нуждался.

- Сейчас многие немцы едут в Германию. Ты не собираешься?

Она понимающе посмотрела на меня.

- Так в этом дело? Нет, пока не собираюсь. Родители едут.

- А почему ты?..

- Из-за мужа.

- Он не хочет?

- Он? Он за мной на край света. Я-то там устроюсь. А он? Без языка, старый историк придуманной фальшивой истории... Будет там чувствовать себя приживалом, отработанным материалом. Я все-таки за него отвечаю. Вот пока не решаемся.

- Хорошая ты женщина, Эмма, - и неожиданно выпалил, - а я развожусь.

- Не хочет ехать?

Я только пожал плечами.

Эмма расстроилась.

- Я не очень люблю такой тип москвичек - в брюках, с короткой стрижкой, с сигаретой и кофе...

- Откуда ты знаешь? Хотя курить она бросила, когда я пришел. Я сказал - или я или сигареты. Тогда еще имел вес.

- Но она мне все-таки показалась приличным и порядочным человеком. А почему ты вдруг решил ехать? У тебя не было ни в одном глазу. Ты был доволен, и на Украине выглядел человеком на своем месте. Это было твоё.

Еще раз - в который! - скажу, что мне везло на женщин, умнее меня.

- А когда хозяйка вернулась из заграницы и забрала тебя... Вот тогда ты стал на себя не похож. Страдания пожилого Вертера? Нет, тут без Лариски определенно не обошлось.

Я обратил внимание, что Эмма, как и Лена, вставила в её имя пренебрежительную букву «к».

- При чем тут Лариса Степановна? Она много для тебя сделала, за что ты её не любишь? Или мне так кажется?

- Кажется. Я её ценю и уважаю как хозяина, экономиста, бизнесмена. Умная и красивая женщина. Но... есть и обратная сторона луны.

- У каждой луны есть обратная сторона.

- Но не у каждой она невидимая.

- Да в чем дело?

- Это личное. Но вот что я тебе скажу, друг любезный. Я не позволю делать из тебя дурака. Я эти страдания пожилого Вертера изведу на корню... Так и знай.

Неожиданно я сник. Почувствовал полную зависимость от обстоятельств, от Ларисы. Как человек в машине, когда руль и тормоза отказали.

- Что мы можем сделать? - вырвалось у меня, прозвучало безвольно, не по-мужски. Я спохватился, но было поздно - слово не воробей... Раскис, нужно следить за собой.

- Сможем, Сашенька, не сомневайся. Я смогу. Вот только наберусь решимости.

Я Эмму поцеловал. Кажется в щеку.

Время тянулось бесконечно. Незаметно в свои права вступила зима. На улице стало быстро темнеть, и я стал раньше уходить на прогулку - вежливое напряжение дома нарастало. Мы вежливо ложились по-прежнему в одну постель... но все на этом и заканчивалось. Было с каждым днем все невыносимей, и мой внешний вид - судя по

реакции становившейся все более решительной Эммы - красноречиво об этом свидетельствовал.

Но я должен на время отвлечься от семейных проблем и обязательно рассказать вам об очень серьезной перемене в моем отношении к эмиграции.

Я – как вы догадываетесь (шутка) - знал, что я еврей, но еврейского национального самосознания, в том виде, какой требуют патриоты Израиля, у меня не было. Я не увлекался поисками своих корней. И сознаю, что до сих пор не чувствую ни стыда, ни гордости, оттого, что я еврей. Еврей и еврей. Так получилось. Я в принципе не очень понимал, а может даже не одобрял любых национально заикленных людей. Печальные результаты моего советского воспитания? Может быть. Но это так. Иудаизм уважал – это относится и к настоящему времени – не больше, чем христианство, хотя больше, чем ислам, но это просто связано с агрессивностью последнего.

Для меня советский еврей был обычным человеком, который отличался от других только тем, что ему не давали медаль в школе, старались не принимать в институт. Например, в Одессе вообще не принимали почему-то в консерваторию или медин - хорошо, что у меня не было слуха, и я боялся врачей. Еврея – за редкими исключениями - не допускали в оборонку и на престижные предприятия. О нем – за компанию с остальными евреями - обобщенно время от времени писали гадости в газетах и журналах. А на улице могли сказать «жидовская морда». Но в остальном от других не отличишь, и даже часто по внешности. Мы читали то, что все, разговаривали как все, обычаи наши были такими же, как у большинства, любили женщин независимо от национальности - мои жены были русскими. Объединял нас антисемитизм, других отличительных признаков не было. При знакомстве с моим соплеменником у меня не возникало чувство: «Мы с тобой одной крови, ты и я». То что нас объединяло – думал я - относилось не к достоинствам или недостаткам евреев, а только к мерзости советской власти, которую с трудом переваривал. А точнее вообще не переваривал.

Я повторю, на национальном вопросе заиклен не был, к тому же уехал из Одессы уже шесть лет тому назад. Там у меня было много еврейских – как и нееврейских - друзей. В Москве знакомых евреев, кроме Хаимовича, который к тому же оказался русским, не было. Так сложилось. Поэтому я был вне центробежных сил, выталкивающих евреев за границу. Не оправдываюсь, просто констатирую факт.

Краем уха слышал, что примерно в это время в Москве состоялся съезд, на котором – вроде бы – была создана Сионистская организация советских евреев. Я оценил смелость - сионизм в советской идеологии еще совсем недавно считался эквивалентом фашизма. Но участвовать в этом даже мысли не было. Я уже признавался, что по натуре был скорее конформистом, чем борцом. И в отсутствии национального сознания особых побудительных причин для поддержки лозунга «евреи всей страны объединяйтесь» у меня не было.

А последние девять месяцев, с появлением Ларисы так все закрутилось, что было не до комплексов. И хотя в это время, уже размножилось общество «Память», демократические митинги, на которых я присутствовал душой и телом, с этой гадостью не пересекались. Насколько сейчас понимаю, я тогда придерживался мнения,

что антисемитизм это мерзкая часть старого мира, которая все еще цепляется за жизнь, но обречена на гибель вместе с агрессивно-послушным большинством после победы демократии.

А что последнее время изменилось? Многое. Я должен был уезжать из страны как еврей, этот статус заставлял задуматься. Дальше, у меня появилось слишком много свободного времени и была возможность внимательно оглядеться вокруг. И наконец, антисемитизм в Москве стал настолько открыто проявляться, что не видеть этого было невозможно.

Я расскажу, как это было. Как очевидец. Не все, особенно не москвичи, знают, многие забыли. Я напому. Митинги демократов проходили все реже и не из-за погодных условий.

К осени, как по команде (думаю, что по команде), вокруг каждого демократического собрания стали появляться разнузданные сборища совершенно диких антисемитов. Даже я, живущий всю жизнь в СССР, подобного не мог себе представить. На пути из метро на Пушкинскую площадь в каждом закоулке, под навесом и без, в любую погоду сидели подвыпившие соотечественники с напечатанными на неплохой бумаге ужасными текстами. Жида было самым приличным обращением к нам.

Потом рядом с традиционным демократическим митингом на постоянной основе возник шабаш с мощными мегафонами. Оттуда несло: «Пьют нашу кровь, сионистский заговор, спаивают русский народ, почему мы эту мразь терпим, пора взять вилы в руки». Многие ораторы призывали – прямым текстом – к погромам. Мои личные ощущения – это настолько не соответствовало времени, что было больше противно, чем страшно. Даже в фашисткой Германии – позволю себе заметить – пропаганда подобны оскорблений себе не позволяла, может потому что не владела в таком совершенстве неформальной лексикой. Там нас всего лишь называли недочеловеками и предлагали уничтожить. И все. Я не сомневаюсь, что эта массовка была не просто поддержана, а и организована соответствующими службами, у нас по-другому быть не могло. Это – я уверен – отработывался способ борьбы с либералами в центре столицы. Очень эффективный.

Дело в том, что прежние способы результатов не давали. Были угрозы и попытки разгонять демократические митинги силой, пару раз пригнали на Пушкинскую площадь пожарные машины и даже демонстративно размахивали брандспойтами. Мы – я был в числе храбрецов – не двинулись с места, хотя ощущения были достаточно острыми. Но неожиданной атаки каких-то дремучих ископаемых черносотенцев интеллигенция не выдержала. Было слишком противно и стыдно. Интеллигенция сдалась. К зиме весь центр Москвы был очищен от демократов. А на месте нашего митинга теперь вещала «Память»

Когда я увидел такое количество желающих участвовать в этой акции, моя уверенность, что антисемитизм исчезнет, как дурной сон, когда победит демократия и перестройка, растаяла довольно быстро. Я перестал ходить на митинги из опасения наткнуться на «послушно агрессивных», которые оказались большинством не только на Съезде депутатов. И постепенно стал сознавать, что независимо от моих особых обстоятельств «ехать надо».

Эти мысли в сочетании с домашней аурой и сознанием, что я стал как минимум казнокрадом, не добавляли спокойствия. Я видел в глазах моей подруги Эммы жалость и сочувствие, а зеркало подтверждало, что для этого есть все основания. У меня раньше были опасения растолстеть – теперь мне излишняя полнота не грозила.

Но вместе с сочувствием, в Эмме зрели непонятные мне протестные настроения. Она - казалось – борется с каким-то важным намерением. Внезапные реплики - «я эти страдания изведу на корню» или «цель оправдывает средства» говорили о внутренней борьбе. Я старался этого не замечать, потому что самонадеянно - самодовольный осел! – видел причину в её чувствах ко мне.

- Саша, ты решил ехать. Это делают многие. Но почему так жалеть о том, что оставляешь? Все равно это неизбежно. И там тебе будет легче.

Я подумал о Лене и философски мудро ответил:

- Для человека ничто не проходит бесследно.

Не понимал, что мы с ней говорим о разных вещах.

На работу я старался приходить почаще, хоть ненадолго – зарплата перед отъездом мне была нужна. И вот однажды пришел даже немного выпивши – чего себе раньше не позволял. Это наверно доконало Эмму. Она сказала очень решительно:

- Сегодня четверг. Все, сиди, отступать некуда, позади Москва.

- Москва со всех сторон все дни недели, - остроумно ответил я.

Эмма оценила шутку соответственно.

- Посиди без острот, если сможешь.

Она куда-то позвонила. Спросила: «Ну как?». Потом: «Сейчас?». Выслушала ответ. И сказала мне:

- Идем, проветримся.

Диме ничего не объясняла, он и так наверняка учуял аромат – сто пятьдесят «стручка» с прицепом.

Мы с Эммой вышли из здания и пошли по бульвару в сторону Никитских ворот.

Возле одной скамейки Эмма остановилась.

- Давай посидим, - и варежкой смахнула снег.

- Холодно.

- Не бойсь. Солнце, безветренно. Мы тепло одеты. Тебе нужно протрезветь.

- Да я совершенно...

- Садись. И помолчи, ради бога.

Она нервничала. Я замолчал.

- Видишь напротив парадное?

Через бульвар и Тверскую улицу до парадного было метров сорок.

- Вижу. И что?

- Сиди, смотри и молчи, ради бога.

Замолчал. Прошло минут пятнадцать. Я решился было на протест. Но тут Эмма упавшим голосом сказала:

- Смотри!

Из парадного вышел Ашот, в своем обычном прикиде – кепке с большим козырьком, в полушубке.

- Ну. Ашот...

Он был – издалека видно - подчеркнуто, но немного гротескно изящен, как гангстер-соблазнитель из старого фильма.

И тут на краю моего сознания забрезжило понимание.

- Постой, постой. Это квартира Ларисы?

Молчание.

Я все еще отказывался понимать.

- Ну и что, он охранник...

Эмма, наконец, заговорила.

- Ты знаешь, я сама не аленький цветочек, поэтому стараюсь никого не осуждать. И тебе бы ничего не рассказала, если бы это был не напомаженный Ашот. Если бы это не было так... противно. И если бы ты не выглядел...

Наконец меня обожгло. Я понял и... поверил. И в свою очередь лишился дара речи. Мы молчали долго. Не знаю сколько... Я ни о чем не думал. Чувствовал опустошенность – больше ничего.

Спустя какое-то время из парадной вышла Лариса, в той же дорогой шубе, в которой я её увидел в первый раз. Оглянулась – нет ли слезки, злорадно подумал я. И увидела нас с Эммой. Минута нерешительности – потом пошла в сторону офиса. Сделала вид, что не заметила.

Я безнадежно промычал:

- Но может просто... Охрана...

Во рту было сухо и очень противно, наверно от выпитого...

- Это продолжается уже больше года. У них время от времени, чаще всего по четвергам сеанс. В квартире напротив живет моя подруга.

- Ну хорошо, - я был почему-то не очень поражен. Только по-прежнему чувствовал опустошенность и противный привкус во рту. – Обычное дело, дамочка захотела молоденького жиголо. С богатыми дамочками такое бывает.

Но изгиляться на эту тему больше не хотелось. Как с Ларисой после этого общаться? Меня передернуло. Что-то похожее на отвращение... Как её новое время и новая жизнь покоржила...

Я взял себя в руки – только и делал, что брал себя в руки последнее время – успокоил Эмму, которая была на грани истерики и проклинала себя, на чем свет стоит. Проводил её до фирмы. Поцеловал – на этот раз точно в щеку. Пришел домой, покормил парня. Попросил передать маме, что я на два-три дня должен уехать на Украину. Собрал вещи.

Время до отхода поезда провел в ресторане Киевского вокзала. Но не опоздал и вполне в приличном состоянии погрузился в вагон. И все-таки на всякий случай предусмотрительно попросил проводницу разбудить меня в Бахмаче.

Я никого не предупреждал о своем приезде. Поэтому пришлось побегать, пока нашел машину до Зеленого - благо деньги были. С удовольствием отметил, что дорогу почти закончили – только на паре километров сделали временное покрытие, наверно уже застали холода. Но остальной участок был выполнен солидно. И трасса была чистая, а где-то по пути даже встретила снегоуборочная машина. Район становился цивилизованным. Мне было приятно сознавать, что есть в этом доля и моего участия.

Встреча в Зеленом подтверждала эти немного самодовольные мысли. Кирилл Матвеевич был – без преувеличения – счастлив меня видеть, и сообщил об этом прямым текстом. Это можно было считать объяснением в любви. Да и остальные мои сотрудники – уже бывшие – сбегались в контору со всех сторон «необъятного» Зеленого. Эмма была права – здесь я был на своем месте.

Кирилл Матвеевич непритворно огорчился, когда узнал, что я не вернулся, а заскочил отдохнуть. Но впрочем дел у них - зима! – было немного. Я понял, что Кирию безделье по-прежнему не очень огорчает. В колбасный цех успели до холодов загрузить оборудование, утеплить и закрыть помещение, теперь потихоньку запускают линии. Скоро пойдет продукция. Если бы по-прежнему командовал я – признался честный начальник – то цех давно бы работал, и основная база тоже. А главное - морозилки бы не пустовали. Сейчас вокруг режут скот, плохо с кормами...

- Но мне, кк и всму светскму нроду длампочки.

Я признался, что мне тоже, и за это стоит выпить. Кирилл Матвеевич с удивлением посмотрел на часы – было только двенадцать. Но не отказал.

- Дк ты прехл на Ржство?

А действительно, я вспомнил, до рождества осталось три дня.

- Это идея, - сказал еврей, которому в его состоянии было все равно, что праздновать.

Меня поселили в дом приема – образовался такой в Зеленом, там был газ, отопление, горячая и холодная вода, душ, кухня. Я же говорю – цивилизация! Привел себя в порядок, потом мы с Кириллом Матвеевичем для приличия – я все еще был председателем – прошлись по объектам, а с часов трех-четырёх начали подготовку к Рождеству Христову. Подготовка прошла настолько блестяще, что её окончания я не запомнил.

Утром меня разбудил стук в дверь. Я как сомнамбула не открывая глаз в пижаме – и то слава богу – пошел открывать. За дверью стояла Лариса свет Степановна. Я тряхнул головой и для надежности взгляделся повнимательней. Это определенно была она, но не в шубе, а в дубленке, которая ей тоже шла. Лицо усталое, на нем были следы домашних неприятностей, бессонной ночи в вагоне и – мне кажется – предчувствие объяснения со мной.

- Мне можно войти?

-Да, конечно, извини. Входи. Извини, приведу себя в порядок

Голова раскалывалась.

- Сивуха?

- Нет, первачок.

- Запах тот же.

Я нашел спортивные брюки и куртку и ушел в душевую – ванны все-таки в Зеленом пока не было.

Задержался там надолго. Решил не торопиться. Прежде всего нужно попытаться прийти в себя «после вчерашнего». Я не Кирилл Матвеевич, для меня это было непросто с учетом масштабов гулянья. Но что еще сложнее – не знал, как себя вести. Я

понимал, что её ко мне привели наши «особые финансовые отношения». Испугалась. Будет пытаться мне объяснять – в который раз – что черное это белое.

Я вспомнил знаменитую сцену из Ричарда III Шекспира, где горбун Глостер соблазняет жену и дочь убитых им вельмож, причем она это знает и люто его ненавидит. Но Ричард убеждает, что только любовь к ней и её красота всему виной. И финал разговора – только одного разговора! – «она моя!» Есть аналогия, хотя финал будет другой. Как и Глостер - зло подумал я – она горбата, только горб нравственный, и не так заметен.

Ну что ж, я не собирался её шантажировать, да и, честно говоря, стал привыкать к мысли о миллионах. Но и скрывать, что мне неприятно - как минимум - с ней общаться не буду. Человек должен нести хотя бы моральную ответственность за своё лицемерие. И за пошлую – опять-таки как минимум – нечистоплотность. Бр-р, меня опять передернуло. Я бы много дал за такой вариант – возвращаюсь в комнату, а её там нет, спяну привиделось. Поговорить, конечно, все равно придется, но только позже. Не сейчас.

Но выходить все же было нужно. Я так и сделал. И с огорчением убедился, что Лариса не только не исчезла, но сняла дубленку и меховую шапку – из какого дорогого зверька, может норки. Окно было открыто – проветривался аромат первача – а на столе стояли две чашки горячего кофе. Я даже не знал, что кофе у меня имелся в наличии. Лариса была сдержана, но никаких признаков вины я не обнаружил, скорее раздражение и недовольство. Ну, знаете ли!

С первых слов нашего разговора стало понятно, что мы смотрим на ситуацию с прямо противоположных позиций и своего мнения скрывать не собираемся. Если без прикрас: я считал её лживой и вероломной, а она меня несколько проще – совком и идиотом. Прихлебывая горячий кофе, мы сразу же прямым текстом высказали свои исходные позиции.

Лариса как обычно лучше владела собой, поэтому после первых эскапад заговорила спокойней.

- Хорошо, я согласна, напрямую и до конца.

- Который раз? Сколько раз мы говорили до конца? Помнишь: «Все так все, чтоб больше без сюрпризов»? И потом каждый раз, как в матрешке. Опять матрешка, а там еще одна, а там опять...

Лариса с трудом сдержалась.

- Что на этот раз? С какой стати? Саша, я обещала хранить тебе верность?

Неожиданный поворот... Но я нашел достойный ответ.

- Мне? Это я спрошу, с какой стати? Опять процитирую, память у меня хорошая, твои слова в Италии: «Я не способна вести двойную жизнь, притворяться и скрывать что-то от Сергея Васильевича». И помню, что я ответил тебе, помню дословно: «Иначе бы ты оказалась не той Ларисой, которую я знаю, а совсем другим, неизвестным мне человеком». Я не собираюсь менять наши деловые договоренности, - она не сдержала невольного вздоха облегчения, - но ты оказалась неизвестным мне человеком, и это... это...

Я не нашел подходящего слова. Но ненайденное слово так явно прозвучало в воздухе, что я сам ужасно расстроился – наверно еще не полностью протрезвел.

- Представь, каково мне было, когда я понял... ну хоть вот это. Меня удивляло, почему какой-то Ашот смотрит на тебя презрительно, свысока. Ха! – хмыкнул я цинично, - оказалось, потому что он по четвергам привык смотреть на тебя сверху.

Лариса поморщилась, но я продолжал себя накручивать, хотелось хоть как-то компенсировать почти религиозное «уверование», основанное только на моей глупости.

- Ты знаешь, что читалось на лице сопливого кавказского жиголо?

- Остановись.

- Старая богатая сучка!

- Саша!

Я подумал, что она сейчас встанет и уйдет, поэтому заторопился договорить то, что хотел.

- А почему должно быть обидно только мне одному? И больно...

Слово «больно» я напрасно сказал, оно и меня удивило. Не нужно было. И оказался прав, реакция Ларисы была не такой, какой я добивался. Она посмотрела на меня ... с сочувствием. Не стоило говорить это дурацкое «больно».

- Саша, тебе почти пятьдесят пять лет. Почему ты не можешь посмотреть в глаза реальной действительности?

- Жизнь такая, какой человек её видит, - где-то я подцепил это изречение.

- Нет, это только слова. Она такая, какая есть. И не зависит от твоего желания. Она неоднозначна. В догмы не укладывается.

- В Казани ты её видела другой, пока не вышла замуж... за новую жизнь. И превратилась...

Я понимал, что выгляжу мелочно и скандально, свожу разговор к упрекам. И даже иногда к хамству, которое - вы знаете - мне совершенно не свойственно. Наверно все-таки это была ревность, далеко не самое благородное и толерантное чувство. Но остановиться я не мог.

- Ну хорошо, - безнадежно проговорила Лариса, она тоже была удивлена моей агрессией, - я тебе отвечу. Знаю, что это бесполезно. Хоть совесть будет чиста.

- У тебя?

- Хватит, помолчи, - было сказано так, что я замолчал. – Я вышла замуж, потому что Сергей Васильевич мне нравился. Не нравился бы не вышла. Но и потому что понимала – если останусь в Казани, то буду где-то простым бухгалтером, подворовывать по мелочам. В жизни и в нас самих много намешано. Ты женился на Лене по любви? – Я не успел ответить. – Возможно. И плюс квартира с пропиской. Суть та же, разница в масштабах.

Я промолчал, возразить было нечего, а продолжать грубить пока не хотелось.

- И кстати о птичках. Я знала, что напротив меня живет соседка Эммы. Но не думала, что она тебе донесет, на неё это не похоже. Так как насчёт Эммы?

Тут я возмутился, инсинуации не просто отверг, а с пылом и жаром:

- Как можно сравнивать? Эмма хороший товарищ, это человек. А долгая связь с набриолиненным, - я не знал, как унижительней назвать Ашота, - это даже пошлостью не назовешь. И Эмма бы не сказала мне, если бы все не выглядело так противно – её слова, не мои.

Лариса меня – кажется – не слышала. А может и не видела. Она разговаривала с собой.

- Я никогда оценки себе не ставила. Жила, как жизнь требовала. Как бег с препятствиями. Но вроде и особенно стыдиться нечего. Знаю примеры и похуже. У меня, между прочим, за эти годы ни одного любовника не было.

Я присвистнул:

- Чуть-чуть не считается!

Но Лариса меня действительно не слышала.

- Я сейчас иногда жалею об этом. Было, правда, - живой человек - два коротких приключения, на выезде. Одно приключение хорошее, другое плохое. И это все. А года два тому... да, почти два года... – Она очень горько вздохнула. – У мужа простата... Если бы мы тогда спохватились... Сергей Васильевич внезапно... словом, больше не мог. Мы решили возраст, переволновался. Я даже подумала, что у него завелась другая женщина. Нет, на этом закончилось. У меня тоже возрастные явления, проходило не очень легко, и без этих проблем было все не слава богу. Сергей Васильевич долго не верил в свою слабость, мучил себя и меня. Вот она, реальность, без прикрас. У меня пропал сон, зато появились головные боли, и не только головные, раздражение. На людей стала кидаться.

- Многие женщины через это проходят. Но любовников не заводят.

Она, казалось, меня не слышала.

- А что хуже всего – раздражение против него. Ничего не могу с собой поделать. Вижу, что стала блекнуть и вянуть, и виню во всем его. Я принимала гормоны, но от них мало пользы. Только росло то, что не нужно и там, где не нужно.

Я заинтересовано слушал монолог и старался больше не обнаруживать свое присутствие.

- Лучше ни мне, ни ему не становилось. И тогда мой врач, толковый специалист прямо сказал: «Тебе нужен любовник. Другого выхода нет. Дело житейское». И предложил себя – не старый, симпатичный. Я испугалась, что хороший человек в этой роли превратит мое раздражение против мужа во что-то худшее. Вот и вся история. Я поступила, как считала лучшим. Как делала всегда.

Она замолчала и, кажется, меня все-таки заметила, хотя я не шевелился.

- Сексуально в Ашоте что-то было, то есть именно то, что понадобилось мне. Чтобы не противно было пить необходимое лекарство. Зато во всех остальных смыслах он для меня человеком не был. Массажист.

Неожиданно для себя я вставил.

- Ашот это понимал и компенсировал самолюбие хамством.

- Возможно, - она безразлично кивнула, такие вещи её вообще не задевали. - То есть я не считала это изменой: у мужа ничего не отнимала, кроме того, чего у него уже и так не было. А здоровье мое, мой тонус и настроение были ему нужны не меньше, чем мне. И отношение к нему вместе с долей вины только стало лучше, чем было раньше. Я не удивлюсь, если он понял причину. Умный человек. Я не склонна фетишизировать секс. Это не любовь, не божественное чудо. Это природа, свойственная всем животным, а не чувство, не духовность, свойственная только человеку. Так я думаю и

сейчас. Хотя... может с вашей стороны выглядит иначе. А какая я вообще на самом деле – вам виднее.

Я слушал её объяснения и думал – она готовилась к разговору, продумывала варианты, или действительно так считает? Возможно это её органичные взгляды. Возможно она не подлая, не вероломная, а очень, точнее гипертрофировано реально смотрит на жизнь. Возможно, это действительно признак современности. И суммирует, как будет лучше не только ей, но и зависимым от неё. Даже по-своему искренне старается не быть эгоцентристом. Если нужно, то кто-то пострадает, но только если это неизбежно. А поступать так или иначе только из соображений кодекса морали считает просто глупостью. С её точки зрения все выглядит правильно и разумно, хотя с моей... противно. Это вписывается в понятие «нового мира», в который мы входим все вместе и каждый в отдельности? Неужели жизнь такова? И таково будущее?

Нет, Лариса не отсутствовала. Она все время меня видела и читала, по-прежнему читала мои мысли. Пусть не дьявол, но хитрая бестия...

- Ты думаешь, почему я с тобой часто разговаривала, ходила в ресторан, словом...

- Обаяла, - подсказал я.

Улыбнулась.

- Хорошо, обаяла. Потому что нужно было для дела? Это правда. Но только часть правды. Если бы мне этого не хотелось – не делала бы. Обошлось бы одним миллионом. С тобой мне было хорошо, спокойно, я становилась собой, расслаблялась, и понимала, какой напряженной жизнью живу все эти годы. Ты часть моей молодости, та моя часть, от которой я...

- Далеко ушла, - невесело продолжил я.

- Да, иногда понимаю, что дальше, чем мне бы хотелось. Жизнь, особенно наша жизнь загоняет. Кто-то сказал – тяжело жить во время перемен, даже если это перемены к лучшему.

Сам того не желая – обида еще не прошла – я вступил в разговор:

- А я, выходит, не то хорошо сохранился, не то так и остался там, в прошлом?

- Ты законсервировался, - Лариса весело рассмеялась, атмосфера определенно разряжалась. – Ты, Саша, консервы, которые я открыла девять месяцев назад.

Я тоже улыбнулся, но немного кисло – комплимент был сомнительный, хоть и похоже на правду.

Неожиданно она придвинулась ко мне, посмотрела в глаза и сказала подчеркнуто серьезно:

- Саша, давай не будем ставить точки над «и», посмотрим, куда жизнь вывезет.

Оценила произведенное впечатление и продолжила уже обычным тоном:

- А сейчас пора идти. Собирайся. Столько начальства в Зеленом в один день – это событие. Пойдем на прием в столовую, которую по случаю нашего приезда назвали рестораном.

Мы пошли на завтрак, потом обошли все объекты в Зеленом, потом поехали к соседям, там тоже дали банкет в нашу честь. Лариса была в центре внимания и всех «обаяла». А я думал – какой все-таки великий драматург Вильям Шекспир, четыре столетия тому назад написал сцену с Ричардом – и на века!

Но горб все-таки остается...

Вечером её отвезли на поезд. Меня Лариса поцеловала в щеку и протерла платочком... Потом я у себя – один без Кири! – сильно напился. Даже очень сильно. Помню, с трудом улегся в постель.

А дальше произошло как у Стругацких или у Станислава Лема - уснул на Украине в постели вечером 22 декабря 1989 года, а очнулся в палате, когда меня привели в чувство после инсульта в Израиле. Что было в промежутке – ни намёка. Ни следа!

Эпилог.

Я выполнил обещанное себе и нечистой силе, не только вспомнил о прошлом все, что мог, но и записал это на бумаге. Точнее напечатал на принтере. Хотя, честно говоря, больше всего мне хотелось поделиться тем, что осталось от моей жизни с вами, мои дорогие малочисленные читатели. Эта солидная для начинающего писателя работа заняла полгода, чуть больше. А кстати, интересный и думаю значительный факт – несмотря на приглашения, которые я мысленно отправлял перед сном моим адским гостям, никто из них последних пару месяцев ночью не появился. Разумный человек сказал бы, что просто я выздоровел и стал обходиться без галлюцинаций, но я думаю иначе. Наверно им уже нечем занять меня в настоящем и нечем отблагодарить за это в будущем, даже только пообещать и хитро подмигнуть. Они выжали из меня все что возможно, и оставили бесплодную пустыню - дотягивать оставшееся дни под жарким израильским солнцем. Я собственно и просил их заглянуть ко мне в полночь, чтобы, во-первых, поблагодарить за старание и сказать, что абсолютно готов без тени сожаления в любое время следовать за ними в места не столь – или столь? – отдаленные. Не просто теплые, а жаркие, даже намного более жаркие, чем Израиль.

Но я был им благодарен. Высшие силы – я имею в виду силы со знаком плюс - в этот период не слишком мной интересовались, а поди ж ты, враги рода человеческого не поленились и постарались наполнить хоть каким-то смыслом последний год. Я уже не говорю о чисто медицинских результатах - внешне, по данным анализов и наблюдениям врача я был для человека, помнящего только осколки своей жизни, в хорошей форме.

Остается рассказать, что происходило со мной в Израиле, пока писались мемуары, и какие дополнительные сведения за это время я получил о потерянном прошлом.

Начну с фактов. По документам я выяснил, что прибыл в Израиль первого апреля 1990 года, не считайте это шуткой, в которой есть доля правды. В это время через Италию или Австрию еще можно было ехать в любой конец земного шара. Но я выбрал Израиль. Делаю с вашего разрешения предположение – только предположение, ни на каких фактах не основанное. В Америке у меня жила дочь с семьей, какой довод мог перевесить такой серьезный мотив для эмиграции в Нью-Джерси? И вот тут как честный человек я должен признать, что существовала причина, которую я не помню, но подозреваю. Возможно – хоть сейчас это выглядит очень глупо – я все же надеялся на приезд Ларисы. Возможно проявлял таким образом порядочность, верность обещанию, а возможно... Но не стоит теперь гадать на кофейной гуще. К этой

кофейной гуще относится и покупка коттеджа, слишком большого для одного человека, тоже косвенное доказательство.

Но не так давно я среди старых бумаг обнаружил более весомый документ. Старый, пожелтевший листик бумаги, без подписи, без обращения и без даты. Но почерк Ларисы, я его помнил. Вот что там было.

«Отправляю записку с вашим новым репатриантом, почти не знакомым. Леший на меня устроил не просто охоту, а травлю. Не выпускает. В заложниках близкие мне люди, ты знаешь кто. Грозится посадить, но может и убить. Хорошо, что ты там, куда ему не дотянуться. Не спрашиваю как твои дела, потому что нам пока нельзя иметь никаких контактов! Никаких!!! И все же надеюсь!».

Я думаю, вам понятно примерно столько, сколько мне, поэтому никаких вариантов предлагать не буду.

Но вот месяц, тому назад приехала Оля. В первый её приезд, сразу после инсульта, я был очень слаб не только физически, но и «головой», поэтому врач не рекомендовал говорить со мной на серьезные темы. В этот приезд я внушал больше доверия, и дочь мне многое рассказала.

Часть вы знаете. Я имею в виду «девять и три» миллиона, о которых почти беззвучно мне проартикулировала в ресторане Лариса. Они были переведены в офшор на данные Оли, доступ имели мы оба - помните: «Саша, нельзя такие суммы доверить только одному человеку. Тебя может переехать машина...». Когда я приехал в Израиль, то выяснил – а точнее меня предупредила все та же всеведущая Лариса – здесь сложно с неотмытыми деньгами. В Америке проще. Поэтому Оля от своего имени переводила мне из офшора нужные суммы. Вот откуда богатая дочь.

После моего переезда в Израиль прошло еще года три. И теперь уже Оля получила письмо, тоже без обращения и без подписи, текст напечатан на принтере. Там говорилось, что отправитель отказывается от договора и оставляет все в распоряжении Оли. А в конце загадочная фраза – это не может служить извинением, но хоть в какой-то степени.

Оля говорит, что мы очень переволновались за Ларису – что мог натворить леший? Но у меня тогда была связь по скайпу – Оля рассказала – с Эммой, которая уехала в Германию. И Эмма сообщила, что все обстоит проще. Лариса вышла замуж за какого-то генерала, большого начальника важного отдела КГБ. Кликуха «Леший» Эмме естественно была неизвестна. Не знаю, был ли это добровольно-принудительный акт или принудительно-добровольный, мое мнение в этом смысле стоит немногого. Но – рассказала мне Оля – довольно быстро Лариса Кравцова вошла в десятку списка Форбс российских миллиардеров, обогнав жену Лужкова.

Мы с Олей были близки, поэтому я спросил, ждал ли Ларису, как переживал все эти перипетии. Мне естественно было очень интересно. Я по её словам не очень откровенничал, но у неё создалось впечатление, что ждал, и в то же время не был уверен, что это мне по силам. Я – вспомнила она - тогда время от времени с присутствием мне слухом напевал Окуджаву: «Ему б чего-нибудь попроще, а он циркачку полюбил». Кажется, в глубине души я не очень верил в реальность хеппи-энда. Но переживал, очень переживал, особенно когда узнал о финале.

- Переживал, - насмешливо добавила Оля, - но мне сдается с некоторым облегчением, может быть такое сочетание?

- А Лёну вспоминал?

- Сначала с ней перезванивался, потом все реже и реже...

Я ни подтвердить, ни возразить не мог. Не только память, но и годы. Все поросло – как у Катаева - травой забвенья.

Но почему, когда с Ларисой стало все ясно, я не переехал в Америку? Учитывая мой счёт в офшорах, такая возможность была.

- Я тебя все время уговаривала. Но куда там. А ты у детей единственный дедушка...

Муж Оли старше её на 16 лет. Его родители умерли.

Словом, выяснилась примерно такая картина.

Я снова, как и после казанской истории с Галой, впал - не будем называть это депрессией, депрессия болезнь - впал в безразличие. В Одессе на тридцать лет, в Израиле на двадцать. Наверно таково свойство моей натуры, так я реагирую на обвалы...

Работать необходимости не было, но чем заняться? Хобби я не приобрел, кроме одного - выпить. Но даже компании подходящей не нашлось. А пить одному - верная дорога к пьянству. Начало этому процессу, со слов Оли, уже было положено. И тогда, уступая просьбам дочери плюс остатки своего здравого смысла, я устроился на работу в расположенную недалеко солидную гостиницу дежурным механиком по холодильным установкам - в гостинице было солидное кондиционирование. Климат вынуждал! Прельстил хозяина - американца - мой диплом холодильщика, приличный английский и согласие на мизерную зарплату. В гостинице компания для выпивки нашлась - в обслуге были «русские». Я как будто вернулся в одесский ритм после Казани - у меня появилась гражданская жена, потом еще одна, они - как и предыдущие - были недовольны тем, что два-три раза в неделю я возвращался на пару часов позже и подшофе. Семь лет тому назад я уволился с работы, но компания, слава богу, осталась. А вот жены долго не держались - последних пару лет я жил один под присмотром Авивы, моей платной домоправительницы, если вы о ней еще не забыли. Судя по тому, что я узнал от Оли, удивляться потере памяти за этот период не стоило. И ожидать от меня резких движений в те годы - скажем, в виде переезда в другую страну - тоже смысла не было. Меня все устраивало. Точнее - мне было все равно.

А миллионы? Они меня не слишком беспокоили, жажды их тратить я не испытывал, и интереса к жизни они не добавляли. Я иногда ездил с женами в экскурсии, купил двухкомнатную квартиру в Одессе, почти каждое лето проводил там отпуск, опять-таки с женами, снимал иногда яхту для рыбалки. Словом гроши. Покупать недвижимость или мотаться по всему свету желания не было. Миллионы не уменьшались в количестве, я тратил меньше, чем росли доходы в офшоре. Естественным было отдать хотя бы часть денег семье Оли, но упрямая дочь даже говорить об этом категорически отказалась. Сказала, что пока я – она споткнулась на слове «жив» - это деньги мои и только мои. А её семье и так хватает. Зять был действительно обеспеченным, даже по меркам Америки. Олю я формально оформил совладельцем суммы, чтобы в случае чего – разумеется, с моей стороны, поступим по дереву – ей не пришлось платить налоги на наследство.

Вот какие подробности я о себе узнал. Не знаю, может insult что-то изменил во мне, но знакомство с моим израильским предшественником не слишком радовало. Кажется в периоды, сохранённые памятью, я выглядел намного привлекательней.

Оля погостила у меня три недели. После её отъезда стало совсем тяжко. В первую очередь одиночество. Даже неизбежные спутники старости - болячки всех сортов и расцветок - даже они отступили на задний план. В сутках оказалось намного больше положенных 24 часов, а чем их заполнить? И чего ждать от последующих дней? Чтоб стало не намного хуже? Не слишком возвышенная цель...

Компания наша тоже пострадала от времени, часть её растворилась - в вечности, остатки собирались уже только от случая к случаю. Друзей в старости заводят с трудом, и я это в Израиле доказал. Читать уже даже в очках стало нелегко, остались телевизор и ежедневные прогулки по замкнутому кругу для поддержания здоровья. Не густо.

Все это навалилось на меня и - кажется - даже пригнуло к земле. Я стал замечать, что горблюсь, шаркаю ногами, а чтобы выпрямиться нужно дать себе команду и приложить усилие. Мое настроение и состояние стало уже не безразличием, оно все больше напоминало депрессию. Но может - оправдывался я - депрессия это нормальное состояние человека после восьмидесяти лет?

Однажды - почему однажды, это было позавчера - настроение мое достигло абсолютного нуля. На прогулку не пошел, ужинать не стал, улегся в кровать и предался самым что ни на есть черным мыслям. Примерно таким.

Даже если бы появилась нечистая сила и предложила выполнить любое мое желание, я бы не знал, что ответить. Чего реально - ключевое слово «реально» - может пожелать одинокий человек в моем положении после восьмидесяти с хвостиком лет?

Новый счастливый брак? Нелепо и нереально.

Влюбиться? Еще нелепей и еще нереальней. А уж счастья и покоя это бы определенно не принесло. Может любви действительно все возрасты покорны, но её порывы вряд ли благотворны после восьмидесяти...

Увлечь какую-нибудь красотку помоложе, соблазнив её миллионным наследством, ждать которого не так уж долго? Примеров вокруг хватает. Нет, это не для меня.

Такой вариант, кстати, мы обсуждали на недавнем застолье в компании. Общий вывод был - купи лучше яхту, даже если на яхте станут кататься и другие, будет не так обидно.

А действительно, что может в эти годы пожелать человек? Чтобы не появлялось время от времени желание последовать за нечистой силой, как я говорил, в места отдаленные?

Наверно одно. Чтобы недалеко были близкие, родные люди. Разных поколений. Родные люди! Чтоб вы ходили друг к другу в гости в будни и праздники. Беспокоились, помогали. Были вместе в горе и в радости.

Но такую старость даже нечистая сила сотворить не может. Такое нужно заслужить всей жизнью...

С этими невеселыми мыслями я уснул. Спал плохо, тревожно, но даже во сне, как и некогда Менделеев, искал ответы. Где-то в полночь проснулся, или мне показалось, что проснулся. И что произошло дальше? Вы уже догадались. В полночь они явились в

полном составе. Все - Воланд, Мефистофель и примкнувший к ним Вельзевул. Вид у посланцев преисподней был мрачный и торжественный. Даже немного запахло серой.

Я их встретил словами:

- Вы пришли за мной? Нет, ребята, давайте подождем. Посмотрим, что дальше будет. Я единственный дедушка, а это обязывает. Что за семья без дедушки? Тем более без прадедушки? Давайте подождем. Я еду в Америку.

11.01.2019

Конец.